
Валя Смирнова
Пекарня
для двух сердец

Валя Смирнова

Пекарня для двух сердец

«Автор»
2026

Смирнова В.

Пекарня для двух сердец / В. Смирнова — «Автор», 2026

Катя Белова семь лет посвятила своей пекарне. Но однажды узнаёт, что договор аренды не продлят. Теперь у неё всего три месяца, чтобы найти новое помещение, сохранить любимое дело и не подвести людей, которые ей доверяют.Именно в это время в Липовую Пристань возвращается Андрей — бывший одноклассник, в которого Катя когда-то была влюблена. Теперь у каждого за плечами развод, дети и жизнь, которую не так просто изменить.Катя привыкла справляться со всем сама. Андрей тоже знает, как непросто начинать сначала. Смогут ли они впустить друг друга в свою жизнь, не потеряв того, что для них важно?**«Пекарня для двух сердец»** — уютный роман о зрелой любви, втором шансе и смелости начать новую главу жизни. О маленьком городе на берегу Оки, где пахнет свежим хлебом, а счастье приходит не по расписанию.Вторая книга цикла «Липовая Пристань».

© Смирнова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До тридцатого июня 6
Глава 2. Человек у витрины 9
Глава 3. Цифры по утрам 13
Глава 4. На той стороне улицы 18
Глава 5. Удобное предложение 22
Глава 6. То, что говорят дети 25
Глава 7. Девять часов на ногах 28
Глава 8. Завтрак для тридцати 32
Глава 9. Всё, что можно унести 35
Глава 10. Пробная партия 38
Глава 11. Столик у окна 41
Глава 12. Никакой свободной кухни 46
Глава 13. Непрошеные советы 51
Глава 14. Слова после репетиции 55
Глава 15. Договор на бумаге 60
Глава 16. Помещение с видом 64
Глава 17. Лишний стул 69
Глава 18. Чужая гарантия 73
Глава 19. Время на расстойку 77
Глава 20. Пять минут тишины 81
Глава 21. Не взрослеть за двоих 85
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Валя Смирнова
Пекарня для двух сердец

Валя Смирнова
ПЕКАРНЯ ДЛЯ ДВУХ СЕРДЕЦ
Липовая Пристань • Книга 2

Глава 1. До тридцатого июня

В половине седьмого утра Катя Белова обнаружила на подоконнике пекарни чужой зонт. Длинный, чёрный, с деревянной ручкой. Он стоял в ведре для мытья полов и терпеливо капал на плитку.

— Чей? — спросила она.

— Николая Матвеевича, — ответила Люба из-за прилавка. — Вчера заходил за хлебом. Сказал, заберёт по дороге с рынка.

— Вчера дождя не было.

— Он и сам удивился, когда я спросила.

Катя подняла зонт, стряхнула последнюю каплю и поставила возле двери. Если Николай Матвеевич за ним не вернётся, к вечеру можно будет позвонить. В Пристани у вещей редко случались настоящие потери. Обычно они просто надолго переселялись к знакомым.

На кухне Надежда Петровна открыла дверцу печи и вытащила противень с маковыми булочками. Не поворачивая головы, сказала:

— Кать, пробеги глазами накладную. Мука из новой партии ведёт себя по-другому. Тесто вчера почти час добирало.

— Может, из-за влажности?

— Может. А может, поставщик решил, что мешок с надписью «высший сорт» исправляет любую муку.

Надежда Петровна работала здесь дольше самой Кати. Сначала у прежней хозяйки, потом с ней. На работу приходила в половине пятого, никогда не ела горячую выпечку и считала покупной ванилин личным оскорблением. Всякий раз, когда Катя пыталась предложить ей отпуск, она уточняла, кого именно собираются оставить на тесте. После этого разговор обычно заканчивался.

Катя открыла журнал поставок. За вчера они продали сто восемьдесят две единицы выпечки, не считая хлеба. С утра на полке оставалось шесть несладких пирогов. Значит, сегодня следовало сделать меньше с картошкой и больше с капустой. Она переписала количество на листок возле весов и подумала, что люди, называющие управление пекарней «занятием для души», никогда не считали возвраты по понедельникам.

«Тёплый хлеб» занимал первый этаж старого двухэтажного дома за сквером. Вывеска была простая: бежевые буквы на тёмно-зелёной доске. Витрина выходила на тротуар, по которому школьники шли к остановке, а пенсионеры — к рынку. Большого зала не было: два маленьких столика, стойка, холодильная витрина и окно, которое Люба каждую пятницу мыла снаружи, ругаясь на голубей.

Пекарня существовала уже больше двадцати лет. Катя стала хозяйкой семь лет назад, выкупив оборудование и остатки товара у женщины, собиравшейся на пенсию. Тогда ей казалось, что самая страшная часть работы — найти деньги на первую закупку. С тех пор страшных частей обнаружилось ещё около сорока, и половина приходилась на отопительный сезон.

Люба включила кофемолку, смолола первую порцию зёрен и поставила под кофемашину бумажный стаканчик. На улице сквозь ветки лип просматривалась сероватая полоска реки. Ветер был холодный, хотя календарь уже настаивал на апреле.

— Доброе утро, — сказал Николай Матвеевич, входя с тростью. — Зонт мой у вас живёт?

— Не жалуется, — ответила Катя. — Держите. Батон сегодня берёте?

— Половинку. И вот этот, с изюмом. Внук приехал, ему все ваши булки нравятся, пока не узнает, что внутри творог.

Люба начала заворачивать покупки. Катя ушла в маленькую подсобку: на телефоне высветился номер Петра Ильича Сухова, собственника помещения. Он почти никогда не зво-

нил с утра. Обычно присылал раз в месяц короткое сообщение о показаниях счётчика или, если случалось что-то неприятное, фотографию протекающего водостока.

— Екатерина, здравствуйте, — сказал он. — Вам на почту должно прийти письмо. Я и бумажный экземпляр вчера передал с курьером. Люба, кажется, приняла.

Катя повернулась к двери. Из торгового зала доносилось негромкое обсуждение, действительно ли внукам можно давать сразу две булочки.

— Да, конверт лежит у меня на столе. Не успела посмотреть. Что-то со счётчиками?

— Нет. Я по договору. Решили, что продлевать не будем. Вы там, пожалуйста, прочитайте всё спокойно. До тридцатого июня помещение ваше, дальше — нет.

Она сперва решила, что ослышалась. Сухов говорил деловым, чуть виноватым тоном — таким сообщают, что запчасть привезут в другой день.

— Подождите. Мы в феврале обсуждали замену входной двери. Вы сказали, можно делать, только расходы согласовать.

— В феврале всё было иначе. Дочь возвращается в город, у неё планы на первый этаж. Мы семьёй решили. Не хочу вас подводить, поэтому заранее уведомляю.

— Вы мне предлагаете за три месяца вывезти производство?

— По договору именно такой срок уведомления. Мы с вами всё подписывали. Я не придираюсь ни к ремонту, ни к платежам. Дело не в вас.

— А договориться о продлении хотя бы до осени?

— Катя, решение мы уже приняли. Поэтому я и звоню сразу, чтобы у вас было время подготовиться.

Они ещё несколько минут разговаривали. Катя задавала вопросы — оборудование, вывеска, задний подъезд в последний день, — и каждый раз слышала, что детали можно согласовать позже. Основное решение не менялось. Когда Сухов попрощался, она смотрела на чёрный экран телефона и никак не могла вспомнить, поставила ли вчера закваску в холодильник.

Конверт действительно лежал на столе, прижатый пачкой товарных чеков. Люба написала на нём шариковой ручкой «КАТЕ ЛИЧНО» и пририсовала маленькую стрелку. Катя вскрыла бумагу ножницами, прочитала официальное уведомление, затем ещё раз — строку с датой. Тридцатое июня.

Семь лет помещались в двух словах: «освободить помещение».

— Всё нормально? — спросила Люба, заглянув в подсобку. — Вы белая какая-то.

Катя сложила письмо пополам.

— Нормально не всё. До конца июня съезжаем.

— Куда?

— Вот это хороший вопрос.

Люба постояла в дверях, всё ещё с зажатым в ладони кассовым чеком.

— Вы шутите?

— Нет. Дай мне до обеда. Потом поговорим втроём. Пока продавай как обычно.

— Людям говорить?

— Нет. Ещё рано.

Люба кивнула и вернулась к витрине. Через несколько секунд из зала донёсся её привычный голос: «Пирог с капустой сегодня свежий. Если хотите горячий, только две минуты подождите». Кате захотелось, чтобы и ей кто-нибудь назвал срок, после которого всё снова станет обычным.

До полудня она успела заполнить две накладные, разобраться с треснувшей дверцей холодильника и трижды набрать номер знакомого риелтора. Тот не отвечал. В свободные минуты она смотрела объявления об аренде и каждый раз упиралась в одно и то же: «под офис», «под салон», «мокрые точки не предусмотрены», «вытяжку согласовать невозможно». Одно помещение находилось на другом конце города и имело очень красивый вид на гаражи. Другое было

большим, светлым и стоило столько, сколько «Тёплый хлеб» зарабатывал в удачный месяц до вычета расходов.

В обед Надежда Петровна вышла из кухни и сказала:

— Ты сегодня муку два раза проверила. И оба раза не ту.

Катя отложила телефон.

— Нас выселяют. В июне заканчивается договор, продления не будет.

Надежда Петровна села на край стула. Промолчала так долго, что Катя успела приготовиться к спору.

— Помещение их, печь твоя, — произнесла она наконец. — А проводка чья?

— Смотря какая. То, что в стенах, их. Мы внутри часть меняли, есть акты.

— Тогда бумаги достань все. И по вентиляции тоже. Не покупать же новую печь, если старую девать некуда.

— Я думала, ты скажешь, что надо закрываться.

— Я скажу, когда увижу цифры. Ты их пока не показала.

Катя засмеялась, хотя весёлого было немного.

— Мы с тобой иногда как два человека, которые случайно открыли бухгалтерию с булочками.

— А ты думала, мы песни поём над тестом?

В половине третьего пришёл риелтор, позвонивший наконец в ответ. В объявлениях, пояснил он, далеко не всё, что свободно; можно посмотреть пару вариантов в старом центре. Но с пекарней сложнее: понадобится проверить электричество, вентиляцию, возможность доставки, доступ для покупателей. В конце разговора он осторожно спросил, не пробовала ли Катя перейти только на готовую выпечку с другого производства.

— Пробовала, — ответила она. — В чужих пекарнях покупаю, когда голодная. Для своего бизнеса мне это не подходит.

После его ухода она открыла таблицу расходов. Аренда, коммунальные платежи, зарплаты, сырьё, транспорт, ремонт оборудования. На отдельной вкладке — накопления, которые хотелось считать неприкосновенными: они были отложены на ремонт дома, а не на срочный переезд производства.

В четыре Варя прислала сообщение: «Ты помнишь, что сегодня до шести надо оплатить экскурсию?»

Катя уставилась в экран. Конечно, не помнила. Вчера дочь трижды говорила про школьную поездку в Нижний, показывала бумажку с реквизитами и объясняла, что классный руководитель просил перевод не задерживать.

Она открыла банковское приложение, перевела деньги и отправила чек.

«Оплатила. Прости. Что купить к ужину?»

Ответ пришёл не сразу.

«Ничего. У нас макароны есть. Ты сегодня придёшь?»

Катя набрала: «Как обычно», стёрла и написала: «К семи постараюсь. Если задержусь, предупрежу». Потом посмотрела на часы и впервые за день закрыла вкладку с объявлениями.

Когда она вышла на улицу, сквер был полон людей. У скамейки женщина держала пакет с рассадой, двое мальчишек гоняли самокат между клумбами, неподалёку кто-то громко выяснял по телефону, как отключить воду в подвале. От реки тянуло сыростью. На вывеску «Тёплый хлеб» падал свет уже низкого солнца. Слева от двери в штукатурке тянулась знакомая трещина, которую Сухов обещал заделать прошлой осенью.

Катя открыла телефон и сфотографировала фасад. В кадр попали вывеска, два столика за стеклом и чёрный зонт Николая Матвеевича, который тот снова забыл — теперь уже у входа.

Фотографию она не отправила никому. Пока просто оставила у себя.

Глава 2. Человек у витрины

Варя не спала, хотя было уже одиннадцать. Сидела на полу перед диваном, вокруг лежали распечатки фотографий, цветные карандаши и кусочки картона. На экране планшета медленно вращалась модель какого-то здания.

— Это чего у нас? — спросила Катя, снимая куртку.

— Школьный проект. Ты же слушала вчера.

— Слушала. Но у меня в голове остались только поездка в Нижний и деньги на автобус.

— Это две разные вещи.

— Значит, у тебя очень насыщенная школьная жизнь.

Варя выключила планшет и посмотрела на мать. У дочери были её тёмные глаза и отцовские прямые волосы, которые не держали ни одной заколки. В тринадцать она уже умела изображать такое терпение, что Катя начинала оправдываться заранее.

— Нам надо сделать макет места, которое в городе нужно изменить, — объяснила Варя. — Мы выбрали старую остановку возле рынка. Там зимой скользко и крыша течёт.

— И как вы собираетесь это показать?

— Вот. — Варя повернула планшет. — Хотим сделать, чтобы с коляской можно было заехать, и чтобы расписание было видно. Только Лёша считает, что навес должен быть круглым. А круглый очень сложно собрать.

Катя присела рядом. На экране был серый прямоугольник с широкой крышей. В конце дорожки — крошечная фигурка человека с коляской, размером почти со скамейку.

— А у человека ноги почему такие короткие?

— Потому что это не человек, а условное обозначение. Мам, не надо про ноги.

— Поняла. Как я могу помочь?

— Можно ты завтра купишь плотный картон? Белый. Только не ватман, он мягкий. И если найдёшь, вот такие маленькие палочки, как для мороженого.

Катя записала всё на обороте чека. Варя провела пальцем по экрану, увеличила крышу и вдруг спросила:

— Ты опять поздно из-за работы?

— Да. С арендой неприятности.

— Какие?

Катя отложила чек. Рассказать сейчас означало почти наверняка сидеть до полуночи, обсуждать будущие переезды и отвечать на вопросы, на которые ответа пока не было. Не рассказать — оставить дочь в уверенности, что всё спокойно.

— Хозяин нашего помещения не продлевает договор. До конца июня надо найти другое место для пекарни.

Варя медленно закрыла планшет.

— Совсем?

— С прежнего места — да. Пекарню я закрывать не собираюсь. Есть время найти подходящее помещение.

— Ты уверена?

— Пока нет. Но буду искать.

Варя подумала и подняла с пола фотографию остановки.

— Тогда тебе наш макет ещё пригодится. Если найдёшь что-нибудь с дырявой крышей, скажешь, что у нас есть специалисты.

Катя рассмеялась. Дочь улыбнулась в ответ — на секунду — и тут же снова принялась собирать бумажки.

Они давно жили вдвоём. После развода с Сергеем Варя сначала спрашивала, сколько ночей будет проводить у отца, потом привыкла к расписанию. Сергей работал в соседнем городе, приезжал по выходным, иногда забирал дочь на каникулы. Обещания давал охотно, выполнял не всегда. Катя старалась не говорить о нём плохо, но однажды Варя сама заметила: «Папа, когда говорит „посмотрим“, уже знает, что не получится». С тех пор Катя особенно следила за собственными «посмотрим».

— Завтра с утра обещаю проверить картон, — сказала она.

— Ты уже сегодня обещала прийти к семи.

— И не пришла. Прости.

— Я не ругаюсь. Просто напоминаю.

Катя посидела рядом ещё несколько минут. Потом заставила себя встать, разогреть ужин и убрать с подоконника горшок с базиликом, который Варя решила вырастить для школьного задания. Базилик вытянулся, листья у него были бледные. Она знала о растениях приблизительно столько же, сколько Варя об аренде производственных помещений, но обе старательно делали вид, что справятся.

Утром Катя пошла на рынок раньше обычного. Белый картон нашёлся в канцтоварах, палочки — в хозяйственном магазине рядом с бывшими торговыми рядами. Продавщица долго расспрашивала, для чего ей сразу сто штук. Катя объяснила про макет остановки. Та неожиданно оживилась и сообщила, что на той остановке у неё однажды сломался каблук. После этого добавила к покупке пакет тонких деревянных реек — «если понадобится укрепить».

Заодно Катя прошла мимо трёх помещений, которые риелтор прислал накануне. Первое стояло пустым, но за стеклом висела заметная табличка «Сдаётся под офис». Второе оказалось на втором этаже. Третье располагалось рядом с мебельным салоном и имело дверь шириной чуть больше обычной межкомнатной. Она представила, как через неё заносят печь, и даже не стала звонить.

К десяти она вернулась в пекарню. Люба расставляла булочки, Надежда Петровна сердито спорила с поставщиком по телефону: тот прислал мешок мака вместо кунжута и утверждал, что разница несущественная.

— У него, видимо, все семечки родственники, — сказала Люба. — Смотри, кто пришёл.

У витрины стоял мужчина в тёмной куртке. На плече у него висела тяжёлая сумка, из которой торчал свёрнутый кабель. Рядом девочка лет десяти изучала корзину с пирожками с таким вниманием, будто выбирала не завтрак, а питомца.

Катя сперва не узнала мужчину. У него были коротко подстриженные волосы, седина у висков и небольшая складка между бровями. Он повернулся, услышав Любу, и удивился раньше неё.

— Катя?

Она остановилась возле стойки. Голос оказался знакомым. Не внешность — именно голос, низкий, чуть хрипловатый, который в школе не раз объявлял начало дискотек в актовом зале и однажды по ошибке сообщил на весь второй этаж, что директор потерял ключи от машины.

— Андрей Громов?

— Если тут есть ещё один, то я зря обрадовался.

Он улыбнулся, и всё встало на место: семнадцатилетний мальчишка, который умел чинить старые магнитофоны, никогда не носил сменку и однажды помогал ей нести за сцену большой картонный дом. Тогда она две недели вспоминала, как он поправил ей шарф, и никому об этом не рассказывала. Даже лучшей подруге.

— Я думала, ты в Москве, — сказала Катя.

— Был. И в Нижнем, и в Казани, и где только не был. Теперь работаю в Пристани. Вот и ищу, где здесь кормят по утрам.

— Тут. Мы обычно за этим и открываемся.

Девочка посмотрела на отца.

— Ты сказал, у нас десять минут.

— У нас пятнадцать, — поправил Андрей. — Соня, познакомься. Это Катя, мы в одной школе учились. Катя, это моя дочь Софья. Можно Соня.

— Доброе утро, — сказала девочка. — А что вкуснее: с яблоком или с вишней?

— Смотря что ты любишь.

— Я люблю яблоки. Но вишня красивее.

— Тогда бери с вишней, а я дам тебе попробовать яблочный. Половинку. Если папа разрешит.

Андрей поднял руки.

— Я в меньшинстве, я понял.

Соня выбрала ватрушку с вишней. Андрей попросил кофе без сахара и хлеба к ужину, потом поставил тяжёлую сумку на пол. Катя увидела на её боку наклейку с названием концертной компании, незнакомую и слегка облезшую.

— Ты всё ещё занимаешься звуком?

— Уже не школьными колонками, если ты об этом. Делаю площадки, концерты, фестивали. В этом сезоне взял несколько мероприятий в области, договорился с Домом культуры. Буду работать отсюда.

— А сумка?

— Сумка решила, что ей надо со мной. На самом деле утром проверял оборудование в клубе. Потом едем к моей матери, Соня у неё ещё не все шкафы изучила.

— Я изучила, — возразила Соня. — Только один закрыт.

— Вот именно его я и боюсь.

Катя проводила их к маленькому столу возле окна. Соня сразу села спиной к проходу, чтобы видеть улицу, и развернула пакет. Андрей снял куртку. На запястье у него был старый тканевый браслет с какого-то фестиваля. В школе он носил на руке чёрную резинку для волос, хотя длинных волос у него никогда не было. Катя вспомнила это с удивительной точностью и одновременно забыла, куда положила пакет с картоном для Вари.

— Ты давно сюда вернулся? — спросила она, налив кофе.

— На этой неделе. До этого приезжал к матери, но ненадолго. Сейчас решили пожить здесь. Посмотрим, как с работой сложится.

Катя ничего не спросила о жене. Андрей сам заметил её взгляд на Сонин школьный рюкзак.

— Мы с её мамой два года как развелись. Соня часть времени со мной, часть — с ней. Сейчас приехала на несколько дней, у неё каникулы. Летом снова будет со мной здесь, а насчёт осени договоримся с её мамой.

— Понятно.

Это было не совсем понятно. Но у каждого человека имелось право не объяснять всю биографию вместе с заказом на кофе. Катя поставила стакан на стол и собралась уйти к работе.

— А у тебя как? — спросил Андрей. — Семья, дела?

— Дела — вот. — Она показала на витрину. — Уже семь лет моя пекарня. Дочь Варя, тринадцать. С мужем развелись давно. В общем, обычный взрослый набор.

— Семь лет? Я думал, это та самая пекарня, что была возле школы.

— Она и есть, почти. Только хозяйка другая. Здание то же, вывеску меняли. Ты, наверное, помнишь пирожки по три рубля?

— Помню, что на три рубля можно было купить два, если оба вчерашние.

— Не приписывай нашей истории всё худшее. Вчерашние тут никогда не продавали как свежие.

— Значит, мне память изменила.

Соня подняла глаза от ватрушки.

— Папа говорит, ему память очень нужна, потому что он всё время забывает, какой провод куда включать.

— Папа говорит, что поэтому провода надо подписывать, — ответил Андрей.

Катя рассмеялась. Ей внезапно стало легко стоять у этого столика. Не нужно было рассказывать, почему она не уехала в большой город и чего добилась к тридцати восьми. Андрей видел её в школе с мокрыми рукавицами, в домашней куртке и с чужим картонным домом в руках. Этого вполне хватало, чтобы не изображать человека из рекламного буклета.

— Слушай, — сказал он, когда Соня отошла к стойке за салфеткой. — Ты не против, если я как-нибудь позвоню? У тебя есть нормальное время, когда ты не работаешь?

— Теоретически есть. Практически его пока ищут.

Он улыбнулся.

— Тогда хотя бы номер скажи. Я не обещаю позвонить в шесть утра.

Они обменялись телефонами. Катя заметила, что у него на экране появилась подпись «Катя — пекарня», и подняла брови.

— Это чтобы не перепутать?

— У меня есть две Кати в рабочих контактах. Одна отвечает за сцену в Рыбинске, другая за свет. Ты у меня первая с булочками.

— Очень лестно.

Он собрал пакет, кивнул Любе и вышел с Соней. Девочка держала остаток ватрушки двумя пальцами и объясняла отцу, что вишня лучше яблока, но только когда её не слишком много. Катя смотрела на них через окно, пока не услышала за спиной:

— Красивый? — спросила Люба.

— Кто?

— Мужчина. Не делай вид, будто я спрашиваю про его сумку.

— Одноклассник.

— А-а, — протянула Люба. — Тогда понятно.

— Тебе пока ничего не понятно. Нам в июне отсюда выезжать.

Люба не обиделась. Она взяла чистый поднос и пошла к стеллажу. Катя вернулась в подсобку, положила пакет с картоном на верхнюю полку, достала уведомление и ещё раз прочитала дату.

Тридцатое июня никуда не делось.

Зато в телефоне появился новый номер. Катя не открыла переписку и не стала придумывать, что всё это значит. Просто записала напротив объявления о втором этаже: «Для производства не подходит». Потом позвонила риелтору и назначила осмотр на завтра.

Вечером, когда она наконец пришла домой, Варя встретила её у двери.

— Картон?

Катя протянула пакет.

— И палочки. Сотню штук. Продавщица уверена, что ими можно укрепить остановку.

Варя заглянула внутрь и впервые за два дня обняла мать сама.

— Отлично. А ты сегодня не задержалась.

— Сегодня нет.

— Тогда можно ты поможешь вырезать крышу? Лёша опять прислал круглую.

Катя сняла ботинки и прошла за дочерью на кухню. Телефон в кармане коротко завибрировал. Она не стала доставать его сразу. На столе лежал серый картон, линейка и старые ножницы, которые резали только одним лезвием. Варя уже показывала, где нужно провести линию.

Глава 3. Цифры по утрам

В понедельник Катя привезла в пекарню папку документов, которую не открывала с прошлого года. Внутри лежали договор аренды, акты на электропроводку, чеки за ремонт вытяжки, гарантийные талоны и рекламный буклет печи, давно снятой с производства. Буклет обещал «новый уровень хлебопечения». Если верить фотографиям, печь могла почти всё — кроме того, чтобы переехать с этого первого этажа на другой.

— Зачем ты всё это тащишь? — спросила Надежда Петровна.

— Надо посчитать, что сможем забрать. И сколько стоит новое место.

— Сначала сходи посмотри на холодильник. Опять воду собирает под дверцей. Потом считай.

Катя поставила папку возле кассы и пошла на кухню. Холодильник действительно подтекал: к уплотнителю прилип кусочек упаковки, дверца не закрылась до конца. Она вытерла пол, проверила температуру, переложила коробки и только после этого вернулась к документам. Несколько лет подряд Катя мечтала о дне, когда можно будет просто сесть за стол и подумать о будущем. Подобный день в пекарне наступал обычно после отключения электричества.

Первым делом она позвонила бухгалтеру. Елена Викторовна работала с ней удалённо, но в Пристани жила через три улицы и любила приезжать по пятницам за хлебом. Выслушав историю с арендой, она не стала утешать.

— Сколько у нас денег без обязательных платежей? — спросила Катя.

— Ты хочешь услышать остаток на счёте или то, сколько можно потратить?

— Второе.

— Тогда дай мне час. Я уберу зарплатный фонд, закупки и ближайшие налоги. Ещё посчитаем, что у нас уже оплачено вперёд. Ты сама по какой сумме аренды ищешь?

Катя назвала потолок, который вчера записала карандашом.

— А работы в помещении?

— Не знаю пока.

— Тогда не называй это бюджетом. Это цена входа в комнату, которой у тебя ещё нет.

Катя не любила, когда с ней разговаривали так резко, но по делу возразить было нечего.

В десять пришёл мужчина в рабочей куртке и попросил четыре батона, обязательно вчерашних. Люба объяснила, что вчерашние они к утру не держат. Тот расстроился: ему нужен был хлеб для рыбалки, свежий слишком мягкий.

— Можно договориться на завтра, — предложила Катя. — Если берёте регулярно, будем откладывать на вечер и не отдавать сразу на утилизацию.

— Я не регулярно. Я когда клева нет, — сказал покупатель. — В мае ещё приду.

После него пришла женщина с коляской. Она выбирала две булочки и одновременно пыталась удержать открытой дверь. Катя вышла из-за стойки, придержала створку, а потом ещё минуту смотрела на узкий порог. Если придётся переезжать, нужно сразу предусмотреть нормальный вход. Иначе они поменяют одни неприятности на другие.

В одиннадцать она поехала смотреть первое помещение.

Риелтор, молодой мужчина с тщательно выглаженной рубашкой, встретил её у бывшего магазина электротоваров. Витрина была широкая, на потолке висели две большие лампы, пол покрывала светлая плитка. Прямо возле двери нашлось место для двух столиков. На первый взгляд всё выглядело лучше их нынешнего тесного зала.

— Доставку можно организовать со двора, — сказал риелтор. — Там ворота, есть проезд. По площади тоже нормально.

— А мощность?

Он открыл папку.

— Пятнадцать киловатт, если по текущим документам.

Катя остановилась.

— Вся площадь?

— Да.

— У меня только на печь и расстоечный шкаф больше половины этого уйдёт. Ещё холодильники, тестомес, вентиляция, горячая вода. Вы уточняли возможность увеличения мощности?

— Собственник говорит, раньше здесь вся техника работала.

— У него раньше стояли электрические чайники и светильники, — сказала Катя. — Это не то же самое.

Риелтор посмотрел на фотографии её оборудования, которые она открыла на телефоне.

— Можно запросить технические условия.

— Можно. И сколько ждать, и за чей счёт — тоже надо спросить. Пока это не вариант для производства.

Они ещё посмотрели задний вход. Во дворе — припаркованный автомобиль и большая мусорная площадка, к которой с утра подъезжала машина. Доставка муки сюда, возможно, пролезла бы. Но превращать «возможно» в ежемесячное обязательство Катя не собиралась.

На улице риелтор попытался подбодрить её:

— Есть помещение побольше на Речной, недалеко от воды. Вид хороший.

— Мне сначала нужны вода, электричество и место под разгрузку. Вид можно потом.

— Вы прямо как технический специалист.

— Семь лет каждый день плачу за технику. Поневоле выучишь.

Пока она шла к машине, зазвонил телефон. На экране появился новый контакт: «Андрей Громов». Катя на секунду растерялась, затем ответила.

— Привет. Не отвлекаю? — спросил Андрей.

— Уже отвлёк. Что случилось?

— Ничего страшного. Обещал позвонить, вот и звоню. Мы с Соней вчера нашли старую школьную фотографию, на ней ты стоишь возле какой-то картонной избушки. Соня интересуется, почему у дома нет окон.

— Потому что наш класс всю ночь делал декорации и к утру решил, что окна слишком трудозатратные.

— Я так и сказал. Она мне не поверила. У тебя есть другая версия?

— Есть. Тот, кто вырезал окна, ушёл домой раньше остальных.

Андрей засмеялся, и Катя узнала этот смех — тот самый, под который когда-то терпеливо слушала его попытки объяснить школьному завхозу, почему колонки гудят. В шестнадцать лет она могла ради этого просидеть в актовом зале весь вечер. Сейчас на тротуаре возле машины ей нужно было проверить смету и вернуться к работе.

— Слушай, у меня сегодня сложный день, — сказала она. — Могу вечером перезвонить?

— Конечно. Я не знал. Извини.

— Не извиняйся. Просто пекарню надо перевозить, а я пока не знаю куда.

Андрей сразу перестал смеяться.

— Что с помещением?

Катя кратко объяснила про аренду. Он выслушал, не перебивая, потом спросил, можно ли поискать варианты среди пустующих помещений возле Дома культуры.

— Поискать можно, — сказала она. — Но на кухню нужны такие коммуникации, которых там, скорее всего, нет. Я всё равно проверю.

— Я про это мало знаю. У нас со звуком те же беды: если электричества нет, красивые стены не помогают.

— Это уже ближе к делу.

— Я вечером на площадке буду. Позвонить тебе после девяти — поздно?

Катя подумала о Варе и о картонной остановке, которой теперь была завалена половина кухонного стола.

— Лучше завтра. Сегодня мы с дочерью обещали доделать школьный проект.

— Тогда завтра, — сказал Андрей. — И удачи с помещениями.

Она убрала телефон. Разговор не сделал аренду дешевле. Но в нём хотя бы не прозвучало привычное «да что там сложного, найдёшь другое место».

К обеду бухгалтер прислала таблицу с тремя сценариями. Разбирать её Катя пошла в «Причал», куда завернула по пути обратно, чтобы не сидеть в машине с ноутбуком на коленях. За стойкой работала Лена. Она узнала Катю, налила фильтр-кофе и спросила:

— Что у вас на сквере? Люди говорят, вывеску снимаете.

— Кто говорит?

— В Пристани авторство не ставят. Обычно достаточно, что кто-то видел вас с рулеткой.

— Пока ничего не снимаем. Договор заканчивается, новое место ищу. Только не распространяй, пожалуйста, что мы закрылись.

— Я и не говорю, что закрылись. Но если кто спросит, скажу, что вы работаете как обычно.

Катя поставила кофе возле ноутбука и начала читать. Из денег на счёте примерно половина уже принадлежала будущим зарплатам и обязательным платежам. Другая половина была настоящим запасом, но его не хватало на депозит, переоборудование и несколько недель возможного простоя одновременно. В сценарии «перевезти всё» появлялись расходы на демонтаж старой вытяжки и монтаж новой. В сценарии «сократить оборудование» падал объём производства. В третьем — закрыть торговую точку и работать только под заказы — оставалось неясно, где эти заказы производить.

Катя выписала на бумагу три суммы, потом зачеркнула одну, потому что забыла расход на вывоз отходов. Она привыкла считать рецептуру до грамма. Сметы чужих помещений такой точности не допускали.

— Вы, кажется, хотите прожечь взглядом таблицу, — сказала женщина за соседним столиком.

Катя повернулась. За столом сидела Полина Орлова, автор городского путеводителя. Они виделись несколько раз: сначала на маршруте возле сквера, потом на летнем празднике. Полина была с ноутбуком и блокнотом, в котором торчало несколько цветных закладок.

— Пытаюсь понять, куда перевезти пекарню, — ответила Катя. — Вы же карту города делали. Наверняка помните, где тут остались пустые первые этажи.

— Некоторые помню. Но я не знаю, какие из них можно использовать под производство. Хотите, расскажу, где сама видела объявления?

— Хочу. Только если это не отнимет у вас весь день.

— Пять минут есть.

Полина подвинула блокнот. Они быстро обозначили на бумаге сквер, Советскую, старую набережную и пару улиц возле рынка. Катя сразу вычеркнула помещение рядом с маленькой автомастерской: доставка возможна, но там совсем нет парковки и вдоль стены постоянно стоят машины. Другое место требовало отдельного осмотра.

— А на новой набережной? — спросила Катя. — Там ведь вроде какие-то помещения освобождаются.

— Я видела объявление на витрине бывшего сувенирного магазина. Не знаю, сдают ли его ещё. Он не в доме Князевых, если вы про это. До того вообще никому не скоро будет.

— Нет-нет, мне не нужен музей с печью. Что за магазин?

Полина начертила маленький прямоугольник за поворотом новой прогулочной дорожки.

— Вот тут. От причала идти несколько минут. Но предупреждаю: в том месте зимой ветер сильный. И вечером люди не всегда доходят, если не гуляют специально. Я бы не рассчитывала только на туристов.

Катя сделала фотографию схемы. Полина посмотрела на её таблицу, но вопросов о выручке не задала.

— У вас клиенты привыкли ходить к скверу. Если переедете, скажите заранее, куда, и оставьте на старой двери понятную карту. Мы в путеводителе на таких вещах однажды споткнулись.

— Я ещё старую дверь не потеряла, а мне уже советуют, что на ней писать.

— Преждевременно, согласна. Но потом об этом обычно забывают.

Полина улыбнулась, вернулась к своему ноутбуку. Катя поблагодарила и открыла фотографию карты. На ней уже появилось одно новое место. Не решение, всего лишь адрес, который можно проверить.

Вечером она пришла домой почти вовремя. За кухонным столом сидели Варя и Лёша — худой мальчишка в очках, который совершенно серьёзно объяснял, что круглый навес красивее, потому что «помогает воспринимать пространство». На деле их макет представлял собой длинный кусок картона, укреплённый деревянными палочками. Рядом стоял пакет, в котором остывали пирожки с сыром.

— Здравствуйте, — сказал Лёша. — Мы тут почти закончили.

— Я вижу. А почему крыша круглая?

Варя закрыла лицо рукой.

— Мам.

— Мне просто интересно.

Лёша с облегчением начал объяснять. Катя выслушала, спросила, куда будет стекать вода, и обнаружила, что двое детей вполне готовы обсуждать водостоки серьёзнее половины взрослых арендодателей.

Когда Лёша ушёл, Варя помогла убрать со стола обрезки.

— Ты сегодня какая-то другая, — сказала она.

— Устала.

— Нет. Обычно ты приходишь и сразу спрашиваешь, что у нас с уроками. А сегодня даже не спросила.

Катя подняла с пола маленькую деревянную рейку.

— Спросить?

— Нет, уже поздно. Мы всё сделали.

Они сложили макет в коробку. Катя поставила чайник, достала два пирожка и уселась напротив дочери. Объявление про магазин на набережной она решила посмотреть завтра. Сегодня ей нужно было успеть хотя бы поужинать дома.

— Слушай, — сказала Варя после нескольких минут молчания. — Если найдёшь новую пекарню далеко, ты всё равно будешь меня забирать по четвергам?

— Если договоримся и я обещаю — да. А когда не смогу, предупрежу заранее. Мне придётся первое время много ездить и смотреть помещения.

— Я могу иногда сама. Но не каждый раз.

— Справедливо.

Варя взяла второй пирожок и разломила пополам.

— У нас в классе все думают, что пекарня — это когда ты целый день печёшь булочки.

— А ты что думаешь?

— Что ты всё время кому-то звонишь и ругаешься из-за мешков.

— Очень точное описание профессии.

Варя усмехнулась, потом протянула матери половинку пирожка. Катя взяла её и почему-то вспомнила письмо Сухова, лежащее в кармане сумки. До тридцатого июня оставалось меньше трёх месяцев.

Впервые за эти дни она не стала доставать телефон, чтобы посчитать, сколько именно.

Глава 4. На той стороне улицы

В четверг Катя узнала, что электричество бывает не только однофазным и трёхфазным, но и обещанным.

Обещанное продавалось вместе с помещением на Речной улице. Риелтор уверял, что здесь всё удобнее, чем в бывшем магазине электротоваров: отдельный вход, сорок два квадратных метра торговой площади и достаточно места сзади, чтобы поставить оборудование. В объявлении особенно подчёркивался «видовой потенциал». Катя видела из окна задней комнаты кирпичную стену соседнего дома и невысокую трубу, на которой сидела ворона.

— По документам тридцать киловатт, — сказал риелтор. Его звали Максим; за три дня Катя привыкла к тому, что он всегда начинает с хорошей новости. — Это уже ближе к вашим требованиям?

— Ближе. А покажите, пожалуйста, где эти тридцать.

Максим открыл щиток в коридоре. Внутри были аккуратные белые автоматы и бумажка с номером телефона электрика. Катя сфотографировала всё это и попросила договор на технологическое присоединение или хотя бы подтверждение выделенной мощности. Собственница, которую Максим привёл на осмотр, поправила ворот куртки.

— Нам прежний арендатор так и говорил. Тридцать. У него тут холодильники стояли, и всё работало.

— Сколько холодильников?

— Три. И большой морозильник.

Катя представила три бытовых холодильника и попыталась не раздражаться.

— Тогда документы надо найти. У меня печь, расстоечный шкаф, тестомес, вентиляция. Если мощность окажется меньше, вопрос будет не в том, сколько розеток сделать.

— А вы начните с того, что есть, — предложила женщина. — Потом увеличите.

— Мне нельзя начать печь наполовину, — сказала Катя. — Хлеб так не работает.

Из коридора они перешли в бывшее складское помещение. На полу сохранились тёмные прямоугольники от стеллажей. Под одним окном была раковина, над ней — плитка с нарисованными лимонами. Катя открыла кран: вода шла, сначала рывками, потом ровно. Обрадоваться она не успела. Дверь во двор выводила на три узкие ступеньки, а за ступеньками стояла металлическая решётка.

— Это наш выход для разгрузки? — спросила она.

— Вообще да, — ответил Максим. — Только сейчас через него жильцы ходят.

Во дворе проходили две дорожки, сходившиеся у мусорных контейнеров. С одной стороны был гараж, с другой — палисадник с деревянными колышками. Между контейнерами и углом гаража грузовой фургон не прошёл бы. Машине с мукой пришлось бы остановиться у ворот, а мешки потом нести вручную метров сорок.

— По утрам там свободнее, — сказала собственница.

— А если кто-то поставит машину?

— Ну, мы попросим не ставить.

Катя посмотрела на Максима. Тот уже не улыбался.

— Давайте так, — сказала она. — Сначала выясним мощность и право пользоваться двором для доставки. Я не могу подписывать аренду в надежде, что соседи будут просыпаться в пять утра и переставлять машины.

— У вас, конечно, особенное производство, — заметила собственница.

— Обычное. Просто его видно в счёте за электричество и в количестве мешков.

Они вышли на улицу. С противоположной стороны Речной рабочий снимал старую вывеску с магазина запчастей. Буквы падали в коробку с таким звоном, будто собирались про-

жить там ещё несколько лет. Катя прислонилась к ограде и ответила на сообщение от Надежды Петровны: «Поставщик привёз полмешка муки с надорванным швом. Акт составила. Ты где?»

«Смотрю помещение. Скоро буду», — написала Катя.

Максим, заметив её лицо, перестал перечислять достоинства объекта.

— Не подходит?

— Может быть, подойдёт тому, кто продаёт готовые пироги. Мне надо их печь.

— Есть вариант возле автовокзала. Но там площадь вдвое больше.

— Аренда тоже?

Он кивнул.

— Тогда не тратьте моё время на показ. Пришлите план и цифры — а вечер лучше потратить на что-нибудь полезное.

Только после этих слов Катя вспомнила, что вечер уже занят. Варя с Лёшей сегодня представляли в школе макет остановки. Во вторник дочь показала приглашение, написанное на обычном листе: «Выставка ученических проектов. Актовый зал, 18:00». Катя прикрепила фотографию к календарю. Телефон напомнил о событии как раз сейчас.

Она позвонила Варе.

— Привет. Я помню про шесть, приеду.

— Я не спрашивала, — ответила дочь. По голосу было ясно, что она стояла не одна. — Мы уже репетируем. Ты только не опоздай. У нас сначала пятые, потом наши.

— Не опоздаю.

Сказав это, Катя почувствовала знакомую неприятную лёгкость. Обещание можно было произнести за секунду. Выполнять его предстояло ещё три часа.

В пекарне к её возвращению стояла очередь. Люба пыталась разменять крупную купюру, Надежда Петровна разговаривала с водителем, который требовал подписать накладную прежде, чем Катя посмотрит повреждённый мешок. Из-за открытой двери кухни доносился запах поджаренной корочки.

— Вот она, — сказала Надежда Петровна. — Я тебе по телефону всё объяснила. Полмешка можно оставить, если поставщик цену пересчитает. Вторую половину пусть забирают.

Водитель пожал плечами.

— Я не решаю. Мне либо подпись, либо возврат.

Катя проверила упаковку. Шов действительно был разорван, часть муки высыпалась в кузове. Никаких разговоров о том, что «верхний слой срезать», она вести не стала. Составили акт, водитель забрал мешок и уехал сердитый, но без скандала. Через десять минут позвонил менеджер поставщика. Согласился оформить замену, но только завтра к обеду. Завтрашнюю партию хлеба пришлось пересчитывать.

В половине пятого Максим прислал документы по помещению. У арендодателя оказалась бумага на увеличение мощности, но без отметки о завершённом подключении. Катя переслала её знакомому электрику с просьбой объяснить, что именно в ней обещано. В пять он перезвонил:

— Ты сейчас сколько можешь разговаривать?

— Минут пять.

— Тогда коротко. Заявка есть, факта нет. Новую нагрузку тебе никто не гарантировал. Надо запросить акт подключения и посмотреть схему. И ещё: у них дымоудаление вообще какое?

Катя обвела глазами кухню своей пекарни. Над головой гудела вытяжка, на которую семь лет назад ушла заметная часть её сбережений.

— Пока никакое. Там бывший склад продуктов.

— Тогда не кидайся. И переделка может быть небыстрой. Лучше я завтра съезжу с тобой, всё посмотрю.

— Сколько за осмотр?

Он назвал сумму. Катя записала её рядом с телефоном Максима. Сразу стало чуть спокойнее: у завтрашнего дня хотя бы появилась определённая стоимость.

Без десяти шесть Люба обнаружила, что в холодильной витрине не держится нужная температура. На панели мигал тревожный значок. Катя проверила термометр, убрала продукцию в исправный холодильник на кухне и стала звонить мастеру. Тот пообещал подъехать через сорок минут. Оставлять Любу одну с неисправной витриной и покупателями было нельзя: она могла закрыть продажи из витрины, но нужно было решить, какие позиции списать, а что сохранить. Катя выбрала безопасный вариант, а сама занялась документами.

В шесть десять телефон напомнил про выставку второй раз. Она набрала Варю.

— Я задержусь. У нас холодильник сломался, мастер едет. Могу не успеть на начало.

— Мы уже начали, — ответила Варя. — Нас поставили раньше.

— Я тогда приеду к концу. Ты только не уходи сразу.

— Нам после выступления ещё оценку скажут.

— Я постараюсь.

Повисла короткая пауза. Потом дочь сказала:

— Не надо стараться. Просто приезжай, когда сможешь.

Мастер появился в шесть сорок. Полчаса проверял компрессор и датчик, обнаружил неисправное реле. Деталь у него была в машине, но перед заменой пришлось отключить витрину, оформить ремонт и проверить температуру после запуска. Когда Катя расплатилась и выбежала на улицу, на телефоне было семь двадцать две.

У школы уже убирали стулья. В коридоре пахло мокрыми куртками и краской для плакатов. У дверей актового зала мужчина сматывал чёрный кабель, аккуратно складывая его восьмёркой. Катя узнала Андрея Громова.

— Ты здесь? — удивилась она.

— Меня попросили помочь со звуком для пятничного концерта. Заодно проверил микрофоны на выставке. Ты к Варе?

Катя кивнула.

Андрей глянул на часы и чуть отвёл глаза.

— Выставка закончилась минут двадцать назад. Дети ушли к кабинетам. Варьин проект видел. Они сделали остановку с наклонным входом. Там ещё табло из фольги.

— Я знаю, — сказала Катя. — Мы его дома делали.

Она поднялась на второй этаж и нашла дочь у раздевалки. Лёша держал большую коробку с макетом. Варя застёгивала куртку и не сразу подняла голову.

— Как прошло? — спросила Катя.

— Нормально.

— Что сказали про остановку?

— Что можно показать проект транспортному отделу. Если мы его доработаем.

— Отлично же!

— Угу.

Лёша неловко улыбнулся:

— Нам второе место дали. А ещё сказали, что пандус надо по-другому считать: слишком крутой.

— Поздравляю вас, — сказала Катя. — Правда, здорово.

Варя наконец посмотрела на неё. На щеке у девочки оставалась белая полоска от клея.

— Мы выступали в шесть пятнадцать. Ты даже на вопросы не попала.

— У нас с оборудованием беда. Я не могла уйти, пока не разобрались.

— Я понимаю, — сказала Варя. — У нас тоже оборудование. Только твоё важнее.

Катя могла рассказать про пищевую безопасность, испорченные продукты и то, сколько стоит новая холодильная витрина. Всё было правдой. Но Варя не спрашивала о витрине. Она подняла с пола рюкзак, взяла у Лёши край коробки и пошла к выходу.

У лестницы Катя обернулась. Андрей всё ещё убирал кабели в чехол. Увидев её, он не стал спрашивать, что случилось, — за это она была ему благодарна. Лишь подвинул тяжёлую стойку, чтобы Варе удобнее было пронести коробку.

На улице быстро темнело. Площадь возле школы освещал один жёлтый фонарь, и в его свете Варина остановка, снова вынутая из коробки, выглядела почти настоящей: слишком маленькой для людей, зато достаточно большой, чтобы под ней могло что-нибудь случиться.

— Давай понесу, — предложила Катя.

— Мы с Лёшей справимся.

Катя не настаивала. До машины они шли втроём; давно у Вари не было собеседника, кроме матери. Катя слушала, как они спорят о высоте табло, и понимала, что на этот вечер ей уже не дадут второго выхода на сцену.

Глава 5. Удобное предложение

У Петра Ильича Сухова были руки человека, который всю жизнь что-нибудь чинил, и новая папка для документов. Катя заметила несоответствие сразу. Он держал папку на коленях осторожно, словно боялся помять угол, а указательным пальцем привычно проверял, не шатается ли ножка табурета.

Пришёл он в субботу утром, когда в пекарне покупали хлеб к выходным. Заказал чай, сел у окна и дождался, пока Катя освободится. Люба проводила его взглядом, но вопросов не задавала: новость о предстоящем переезде уже перестала быть тайной для сотрудников.

— Екатерина, я по вашему вопросу подумал, — сказал Сухов. — Вы просили времени побольше. Может, сумеем устроить.

Катя поставила перед ним чай и села напротив.

— На сколько?

— На июль. Только на июль, до тридцать первого. Дальше дочь будет заниматься помещением, у неё свои подрядчики. Если ей отодвигать работу, придётся платить за хранение материалов и за простой. Мы посчитали, что июль можно вам оставить, но арендная плата будет девяносто восемь тысяч.

Сейчас Катя платила сорок шесть. Это число она знала наизусть, разницу считать не пришлось.

— Девяносто восемь за месяц?

— Я понимаю, звучит неприятно. Но это не просто аренда. Дочь из-за задержки теряет время, и мне надо ей компенсировать. Только не думайте, будто я наживаюсь на вашем положении.

— Я не думаю. Хочу понять, решает ли это мою проблему.

— Зато будет ещё месяц, — сказал Сухов.

Катя посмотрела в окно. С противоположной стороны сквера Николай Матвеевич пытался раскрыть зонт, хотя дождь ещё не начался. Ветер выворачивал спицы, и старик упрямо возвращал их обратно.

— Допустим, я останусь до конца июля. В это время мне всё равно нужно искать помещение, готовить документы, договариваться о монтаже. А в конце июля придётся вывозить всё за несколько дней. Вы сможете дать гарантию, что нас не попросят освободить раньше?

— До тридцать первого — да, если оформим дополнение.

— А позже?

— Позже нет. Вы ведь сами понимаете.

Она понимала. Сухов не обещал того, чего не мог выполнить, и не изображал из себя благотворителя. Он был собственником дома, который хотел передать первый этаж дочери. Катя семь лет пользовалась помещением по договору, а не получила его навсегда за хорошее поведение. От этого положение не становилось легче, но ссориться было не из-за чего.

— Я дам ответ после расчёта, — сказала она.

— До вторника, если можно. Дочери нужно дать отбой по складу.

Он допил чай. Уходя, остановился у двери, посмотрел на зелёную вывеску.

— Мы тут когда-то к вам с женой ходили каждое воскресенье. Ещё при прежней хозяйке. Не хочется, чтобы всё закончилось нехорошо.

— Мне тоже, — сказала Катя.

После его ухода Люба подошла к столику с пустым подносом.

— Сколько предлагает?

Катя назвала сумму.

— Ну ничего себе. Если бы мне так за месяц платили, я бы тоже разрешила людям у себя пирожки печь.

— Он плату поднимает, не зарплату предлагает.

— Я поняла, — сказала Люба и протёрла чистый стол ещё раз. — А ты согласишься?

— Надо посчитать.

— Ты только меня заранее предупреди. Мне всё равно, где касса стоит, если я к ней утром могу приходить. Но у меня ипотека. Мне с «потом выясним» неудобно.

Люба сказала это без жалобы. Она была на пять лет моложе Кати, растила сына и за последние два года ни разу не опоздала с открытием, даже когда в школе у ребёнка объявляли карантин и приходилось срочно менять график. Пекарня была для неё не местом, где пахло корицей, а зарплатой пятого числа и возможностью забирать сына после продлёнки.

— Понимаю, — ответила Катя. — Во вторник соберу вас с Надеждой Петровной. Расскажу, что известно. И что пока нет.

— Только не за пять минут до закрытия, — попросила Люба. — Я тогда всё равно ни одного слова не запомню.

Катя позвонила бухгалтеру. Елена Викторовна выслушала условия и попросила прислать их письменно. Потом вернулась к цифрам.

— Давай на простом примере. Дополнительные пятьдесят две тысячи сверху за июль. Это без новых затрат на переезд. Предположим, новое место найдёшь и надо будет внести обеспечительный платёж. Из чего его вносить, если запас проешь ещё здесь?

— Из выручки.

— Какой? С гарантией на месяц вперёд у нас выручки пока нет. У нас есть история продаж. Июль хороший, если погода нормальная и никто дорогу не перекопает. А если дождями зальёт или полгорода уедет — будет хуже.

Катя села на табурет у стола для разделки теста и закрыла глаза. Надежда Петровна как раз посыпала мукой доску. В цехе было шумно, но этот шум Катя знала с точностью до скрипа дверцы духовки.

— Значит, продление не брать?

— Я за тебя не решаю. Но покупать месяц, который не решает вопрос с помещением, — дорого. Если тебе нужен именно месяц для монтажа — тогда может иметь смысл. Если за месяц ещё только надеешься всё найти, это другое.

Слова «за тебя не решаю» Катя записала на полях таблицы. Они относились не к бухгалтерии.

Во вторник обе сотрудницы пришли за десять минут до закрытия, как и условились. Катя поставила на маленький столик чайник, достала лист с тремя вариантами и предложила сесть.

— В июле за девяносто восемь тысяч я здесь оставаться не буду, — начала она. — При наших расходах это съест резерв, который нужен на новое место. Сейчас ищу помещение, но подходящего пока нет. Договор заканчивается тридцатого июня, и я обязана это учитывать, даже если очень хочу сказать, что всё будет хорошо.

Люба потеребила край бумажного стакана.

— А если не найдёшь?

— Тогда будем закрывать эту точку по правилам и разбираться с работой и обязательствами. Я не стану обещать зарплату из денег, которых нет. Но бросать поиск я тоже не собираюсь.

Надежда Петровна сложила руки на груди.

— Когда оборудование будем смотреть? Я тебе говорила, не всё отсюда тащи.

— На следующей неделе. Я хочу пригласить мастера и составить список: что перевозим, что продаём, что остаётся.

— Тогда я с ним разговаривать буду, — сказала она. — Печь у него на бумаге может быть золотая, а разобрать её меньше чем за полдня не всегда получается.

Люба помолчала, глядя на Катины записи.

— Если будет переезд, мне надо будет не меньше двух недель заранее знать новый адрес. С сыном в июне лагеря нет, я договорилась с соседкой, чтобы она его после обеда забирала. На другой конец города я не успею.

— Запишу это как условие, — сказала Катя.

— Не как условие. Как мою жизнь.

Катя зачеркнула слово в блокноте и написала: «Люба — дорога до школы сына».

После встречи в пекарне стало тихо. Люба ушла к остановке, Надежда Петровна погасила свет на кухне и долго искала ключи, хотя они лежали у неё в кармане. Катя проверила холодильники и вышла последней.

Дома Варя делала уроки за кухонным столом. На подоконнике стоял их макет остановки, теперь с приклеенной бумажкой «Второе место». Катя купила в цветочном небольшую ветку белых хризантем и положила возле макета.

— Это тебе. За выставку. Я должна была принести в тот вечер, — сказала она.

Варя подняла взгляд от тетради.

— А за что цветы? Ты же не видела, как мы выступали.

— За то, что вы сделали хорошую работу. И за то, что я пропустила важный вечер. Это разные вещи.

Варя посмотрела на хризантемы. Потом снова на тетрадь.

— Лёша сказал, у тебя правда оборудование сломалось.

— Правда.

— Я ему тоже сказала, что правда. Я ведь не думаю, что ты врёшь.

Катя села на свободный стул.

— Тогда на что ты сердита?

— Я заранее знала, что ты не придёшь. Даже когда ты сказала, что придёшь. И всё равно ждала.

Ответ был таким точным, что Катя не нашла ни одного объяснения, которое могло бы его исправить. В кухне тихо щёлкнул остывающий чайник. За окном по мокрому асфальту проехала машина, и свет фар коротко скользнул по стене.

— Ты права, — признала Катя. — Я должна была либо найти замену и прийти, либо честно предупредить, что могу не успеть. А не говорить «обязательно», когда сама этого не знала.

Варя пододвинула к себе цветы.

— Можно я поставлю их в свою комнату?

— Конечно.

— Только вазу нормальную дай. Не ту, которая протекает.

Катя достала из шкафа стеклянный кувшин. Вазу, которая протекала, они три месяца собирались выбросить, но она всё ещё стояла на верхней полке. Дочь осторожно расставила цветы и унесла к себе. Ссора от этого не закончилась. Но на кухонном столе освободилось место, и Катя смогла наконец разложить бумаги, не сдвигая чужую работу.

Глава 6. То, что говорят дети

В субботу у городского музея повесили плакат «Место, где мы живём». Плакат был сделан в художественной школе, поэтому слова «мы живём» получились выше, чем «место», а в углу красовался автобус с пятью дверями. Варя подошла и с подозрением покосилась на Катю.

— Только не вздумай сказать, что это красиво.

— Я вообще ещё ничего не сказала.

— Ты сейчас скажешь, что главное — идея.

— А что не так с идеей?

— У автобуса пять дверей, — ответила Варя. — И ни одного колеса.

В музее открывали небольшую выставку школьных проектов: остановки, скамейки, схемы безопасных переходов, макеты дворов. Вера Борисовна договорилась с преподавателями, что работы покажут горожанам, а рядом положат чистые листы для замечаний. Макет Вари с Лёшей тоже взяли. Дочь согласилась прийти, если Катя не будет никого останавливать и объяснять, как долго они его собирали.

— Я буду вести себя как посетитель, — пообещала Катя.

— Посетитель может ничего не покупать, — заметила Варя. — И не хвалить всё подряд.

У входа, опираясь на трость, стоял Николай Матвеевич. Он изучал надпись на плакате и разговаривал с женщиной в сиреневом плаще.

— Я им про старую остановку у рынка десять лет говорю, — сообщил он Кате вместо приветствия. — Если дети нарисуют новую, может, у взрослых совесть проснётся.

— Вы ещё предложите им сделать проект нового моста, — сказала Катя.

— До моста они дорастут. Сначала с крышей разберутся.

Варя, услышав разговор, прижала коробку к себе и вошла внутрь. Катя последовала за ней. В музее пахло свежей краской и старой бумагой; с лестницы доносился звук передвигаемых стульев. Вера Борисовна в зелёном жакете уговаривала мальчика не ставить модель детской площадки на батарею.

— Она не горячая, — возражал мальчик.

— Сейчас не горячая. Но выставка живёт по музейным правилам, а они предполагают, что ничего не должно внезапно расплавиться.

Катя поздоровалась. Вера Борисовна тут же попросила подержать створку окна, пока она поправит коробку с табличками.

— А вы ведь Белова, из «Тёплого хлеба»? — спросила она, выпрямляясь.

— Да.

— Николай Матвеевич рассказывал, что у вас неприятности с помещением. Я собиралась к вам зайти, только этот плакат целиком съел моё время.

— Мы пока работаем. Если переедем, я вывеску на старом месте оставлю с адресом.

— Правильно. Люди у нас сначала идут по памяти, потом по карте. Особенно за завтраком.

Внизу кто-то попробовал микрофон. Из динамика донеслось длинное «раз, два», потом короткий свист. Катя узнала голос Андрея.

— А это у нас звукорежиссёр Громов, — сказала Вера Борисовна. — Не знаю, каким чудом удалось его уговорить. У нас старая аппаратура, школьникам нужна будет помощь, если они начнут выступать с докладами.

Андрей появился на лестнице с мотком кабеля. За ним шла Соня, прижимая к груди тонкую книгу в синей обложке. Девочка увидела Катю и улыбнулась с той непосредственностью, которая бывает у детей до того, как взрослые объяснят им, что некоторых знакомых лучше стесняться.

— Здравствуйте. Вы дали мне ватрушку с вишней. Я помню.

— Надеюсь, хорошую.

— Хорошую. Мы потом ещё хотели, но папа сказал, что уже закрыто.

— У нас действительно есть часы работы, — сказала Катя.

Андрей поставил кабель на пол.

— Катя, привет. Это твоя дочь?

— Да. Варя, познакомься: Андрей, мой одноклассник. Это Соня, его дочь.

Варя кивнула. Соня тоже. Они посмотрели друг на друга без всякого интереса к тому, что их родители когда-то учились в одной школе. Катя вдруг почувствовала себя человеком, который зря приготовил для гостей праздничную скатерть.

— Вы тут что показываете? — спросила Соня у Вари.

— Остановку, — ответила та.

— Настоящую?

— Макет.

Соня подошла ближе. На столе лежала коробка, в которой Лёша закрепил конструкцию двумя полосками скотча. Под навесом виднелись маленькая лавочка и табло, сделанное из фольги.

— А дождь откуда будет идти? — спросила Соня.

Варя повернулась к ней.

— С неба.

— Я понимаю. Просто у вас на макете дырки в крыше нет. А на нашей остановке возле бабушки есть, и в неё всегда течёт.

— Мы проектируем новую, а не показываем старую.

— Тогда понятно, — сказала Соня. — Я бы ещё лавочку сделала с подлокотниками. Бабушка говорит, с такой вставать удобнее.

Варя собиралась ответить, но задумалась. Потом взяла карандаш и провела рядом с лавочкой две короткие линии.

— Мы думали об этом. Но в масштабе трудно делать.

— А ты можешь просто написать, что они есть, — предложила Соня.

— Могу.

Они больше не разговаривали. Каждая занялась своим делом: Варя раскладывала карточки, Соня изучала модель городского сквера, в котором деревья были сделаны из губок для мытья посуды. Андрей пошёл помогать с микрофоном, а Катя задержалась у соседнего стенда. Там школьники нарисовали старую набережную с закрытым домом Князевых. На рисунке ограждение шло не там, где в действительности, и Катя уже хотела сделать замечание, но вспомнила обещание быть обычным посетителем.

После первого короткого выступления дети разошлись смотреть работы друг друга. Вера Борисовна вручила им бумажки с вопросами: «Какое место вы хотели бы изменить?», «Кому это поможет?», «Что нужно проверить перед работой?» Катя взяла один лист и обнаружила, что у неё есть собственный ответ на третий вопрос: электричество, вентиляция, двор для разгрузки. На обратной стороне она написала: «Остановки у рынка — нужен навес, который выдерживает не картонный дождь».

К часу экспозицию объявили открытой. Люди стали спускаться к выходу. Андрей снял микрофон со стойки и подошёл к Кате.

— Может, зайдём в «Причал»? Я бы вас угостил. Мы здесь с утра, Соня голодная.

Катя посмотрела на Варю. Та читала замечания к их проекту.

— У нас с Варей была договорённость после выставки пойти домой, — сказала она. — Надо спросить.

— Конечно.

Варя подошла, держа лист в руке.

— В кофейню я не хочу, — сказала она раньше, чем Катя успела задать вопрос. — Я обещала Лёше фотографии отправить и проект доделать.

— Тогда идём домой, — ответила Катя.

Соня, стоявшая рядом, вдруг спросила отца:

— А мы здесь останемся до вечера? Ты же сказал, что в два поедем к бабушке.

— Поедем, — сразу ответил Андрей. — Кофейню мы можем и в другой раз.

Две девочки обменялись короткими взглядами, в которых было больше понимания, чем во всех старательных знакомствах взрослых. Катя подумала, что обе пришли сюда со своими планами. Родители придумали для них другое, более удобное расписание, и теперь удивлялись, почему оно никому не нравится.

На улице Варя шла быстро, прижимая к груди папку с замечаниями. Катя догнала её возле памятника на площади.

— Ты не хотела идти в «Причал» из-за Андрея?

— Я вообще не хотела идти в «Причал». Мы же дома договорились поесть.

— Да. Договорились.

— И Соня тоже не хотела. Ты слышала.

— Слышала.

Варя помолчала.

— Она нормальная. Просто маленькая.

Катя чуть не сказала, что Соня младше всего на три года, но вовремя воздержалась. В тринадцать три года действительно казались большим расстоянием.

— Хорошо, — ответила она.

— Только давай без этого, — продолжила Варя.

— Без чего?

— Чтобы мы обязательно дружили, если ты с её папой дружишь. Я могу с ней разговаривать и так.

Катя остановилась у перехода. Светофор долго держал красный, хотя машин почти не было. На другой стороне мужчина с пакетом яблок терпеливо ждал, а рядом девочка перескакивала с одного сухого квадрата асфальта на другой.

— Договорились, — сказала Катя. — Никаких обязательных дружб.

Варя удовлетворённо кивнула. Через несколько шагов спросила, есть ли дома картошка. Хотелось жареной, с луком, и желательно сразу. Катя сказала, что картошка есть, но её нужно ещё почистить. Дочь вздохнула с видом человека, которого поставили перед неоправданно сложным условием, и всё-таки согласилась помогать.

Вечером Андрей прислал фотографию со звукового пульта. На листе рядом с ним крупно было написано детской рукой: «МИКРОФОН НЕ СВИСТИТ». Под фотографией стояло: «Соня считает это моим главным достижением за неделю».

Катя ответила, что у них картошка тоже прошла испытания успешно. Больше ничего не добавила. На кухне Варя открыла учебник, в комнате пахло жареным луком, и этот вечер не требовал ни объяснений, ни приглашений.

Глава 7. Девять часов на ногах

В пятницу на телефон пекарни позвонила женщина, которая хотела заказать сто шестьдесят булочек и ни одной лишней.

— У нас в воскресенье городская весенняя ярмарка у причала, — объяснила она. — Для участников велосипедного заезда и волонтёров нужны индивидуально упакованные булочки, без крема, которые можно раздать с утра. Получится у вас?

— Что именно вы хотите? — спросила Катя. — И к какому времени?

Женщина представилась Марией, работала в организационном комитете ярмарки. Просила два вида: с яблоком и несладкие с сыром. Сто шестьдесят штук к восьми утра. Катя открыла календарь и прикинула привычную воскресную выпечку. Одна партия такой величины пекарню саму по себе не погубит. Проблема была в другом: у воскресенья уже были свои покупатели, а для упаковки потребовались бы ещё время и руки.

— Смогу сказать после расчёта, — ответила она. — Давайте согласуем состав, массу, упаковку и доставку. Сегодня до обеда пришлю предложение. Оплата авансом, остаток — до передачи заказа.

— Вы так серьёзно, — удивилась Мария. — Это же городская ярмарка, не свадьба на двести гостей.

— Булочкам всё равно, где их едят. На них нужно столько же муки и времени.

Женщина рассмеялась и пообещала прислать реквизиты организации. Повесив трубку, Катя позвала Надежду Петровну.

Та выслушала заказ, открыла тетрадь с рецептурами и без калькулятора назвала количество противней.

— Если яблочных восемьдесят и сырных восемьдесят, часть можно подготовить в субботу, а печь рано утром. Но только при условии, что Люба займётся упаковкой и не будет в это время продавать. Торговый зал сам себя не откроет.

— Я выйду с вами.

— Ты и так выйдешь, — пояснила Надежда Петровна. — Я спрашиваю, кто ещё будет. Ты ведь не умеешь одновременно стоять за кассой и выгружать печь, хоть и пробуешь каждые выходные.

Они разделили заказ на два вида, проверили остатки сырья, пересчитали себестоимость с учётом упаковки и доставки. У Марии уточнили, нужна ли маркировка индивидуальных пакетов и какая информация должна быть на них. Катя отправила письменное предложение. Через час его согласовали и перечислили аванс.

Это были реальные деньги, но не свободные: за ними сразу стояли яблоки, сыр, мука, упаковка, работа в выходной и машина с водителем. Катя внесла их в таблицу, а потом дважды проверила сумму на оплату труда. Ей не хотелось, чтобы большой заказ оказался прибыльным только на бумаге, потому что чьи-то лишние часы не посчитали.

В субботу обычные покупатели словно договорились прийти раньше. Перед витриной выстроилась очередь: женщина с коляской, мужчина в спортивной куртке, школьница с двумя пакетами для бабушки. Люба едва успевала отвечать, что к вечеру будут пироги с капустой, а с вишней сегодня закончились.

Катя с утра принимала продукты, сверяла вес яблок и выясняла, почему поставщик привёз упаковку другого размера. Новые пакеты оказались на два сантиметра уже. Булочка туда помещалась, но бумажная этикетка закрывала половину прозрачного окошка. Люба предложила клеить её сбоку, и пять минут они втроём проверяли, не отлетает ли наклейка от тёплого пакета.

— Я вообще-то когда в пекарню устраивалась, не думала, что буду экзамен сдавать по этикеткам, — сказала Люба.

— Тебя предупреждали, что здесь неожиданная карьера, — ответила Катя.

— Предупреждали про кассу и кофе. Про прикладную геометрию — ни слова.

К вечеру Катя едва чувствовала ноги. Но самая долгая часть работы была ещё впереди: подготовить сырьё, согласовать с водителем доставку и сделать так, чтобы обычные утренние покупатели тоже получили хлеб.

Надежда Петровна выставила на стол три пустых лотка и потребовала расписать производство по времени.

— Вот сюда завтрашний хлеб. Сюда яблочные. Сюда сырные. Если всё смешаем, утонем в собственной доброте.

Катя взяла маркер, написала время закладки и фамилии ответственных. План получился тесным. В одном месте поставки яблок совпали с началом тестомеса, в другом не хватало двадцати минут на остывание изделий перед упаковкой. Пришлось перенести часть подготовки на субботний вечер и отдельно оплатить дополнительные часы. В конце остались две пустые строчки.

— Красота, — сказала Надежда Петровна. — Как раз туда запишем всё, что завтра пойдёт не так.

Катя улыбнулась. Ей нравилось, что Надежда Петровна умеет не путать тревогу с паникой.

В воскресенье она пришла без четверти пять. На улице ещё не рассвело; возле закрытого магазина за сквером стоял грузовичок с хлебными лотками. Уличный фонарь отражался в тёмной витрине, и в отражении казалось, что за окном горит ещё одна лампа. Надежда Петровна уже работала. Из цеха тянуло дрожжевым тестом и яблоками, которые вчера очищали до позднего вечера.

— Где Люба? — спросила Катя.

— Подойдёт в шесть. Мы с ней так договорились. Ты форму надела? Тогда проверь температуру в холодильнике.

Они начали почти без разговоров. Катя подвозила лотки, готовила листы, проверяла счёт и записывала партии. Надежда Петровна следила за тестом и печью. Если бы кто-нибудь заглянул в кухню в этот час, он увидел бы не красивую витрину, а несколько усталых людей, которые двигались осторожно, чтобы не столкнуться в узком проходе.

В шесть десять пришла Люба с термосом чая и красным носом.

— На улице минус один по ощущениям, — объявила она. — Я понимаю, что градусник может спорить, но мои уши правы.

— Чай ставь и бери список, — сказала Катя. — Сырные первым рядом, яблочные вторым. Упаковываем, когда остынут. Сверяем каждую коробку.

Люба кивнула. Работала молча минут десять, потом спросила:

— А мы точно не закрываемся летом?

— Сказать могу пока одно: до конца июня работаем здесь, — ответила Катя. — Новое место ищу. После обеда посчитаем заказ, и я ещё раз посмотрю деньги.

— Я не про деньги. Я про то, что жалко будет.

Катя подняла голову. Люба, обычно быстрая на шутки, аккуратно расправляла пакет на столе.

— Мой сын сюда после школы забегает, когда я на смене. Надя ему иногда даёт кусочек теста, чтобы он что-нибудь слепил. Он считает, что тут всё наше. Даже этот стол.

— Стол действительно наш, — сказала Катя. — По накладной.

Люба засмеялась, но тихо.

К половине восьмого выяснилось, что сырные получились немного крупнее планового веса. Для покупателя это было бы приятным сюрпризом, для заказа поштучно означало, что часть сыра уже ушла в первые партии. Надежда Петровна пересчитала остаток, уменьшила следующую формовку в пределах согласованной массы и ещё раз проверила вес готовых изделий. Катя дописала в журнал фактический выход. Они успели, но времени на разговоры не осталось.

В семь сорок приехал водитель. Посмотрел на четыре аккуратно сложенные коробки и спросил:

— Это все?

— Ещё две сейчас, — ответила Катя. — Доставляем в восемь, как согласовано. Если выехать без пяти, успеем.

— На набережной движение перекрывают с восьми.

Катя остановилась.

— Кто вам сказал?

— Организатор на въезде. Там ставят ограждения для велозаезда. Машинам потом не проехать.

Мария в пятницу об ограничении не упоминала. Катя позвонила. Та извинилась: волонтёры действительно должны были перекрыть въезд, но разгрузку разрешали до восьми десяти. Катя попросила точный въезд и номер ответственного на месте. Доставка ушла в семь пятьдесят. Водитель успел, прислал фотографию подписанного документа о передаче и больше не звонил.

Мария через несколько минут прислала подтверждение получения и обещала перевести остаток по согласованному счёту сегодня же. Только тогда Катя взглянула на часы. Восемь десять. Обычные покупатели уже входили в зал, а в цехе оставалось вымыть часть оборудования и приготовить вторую партию хлеба.

В половине двенадцатого пришёл Андрей. На нём была тёмная ветровка, на плече висела привычная сумка с кабелями. Он купил кофе и две булочки с капустой и перед кассой долго изучал пустую часть витрины.

— Плохой день? — спросил он.

— Очень хороший. Поэтому всё закончилось.

— Звучит как шутка, которая становится дорогой на производстве.

— Именно.

Он заметил покрасневшие Катины руки, но не стал делать из этого события. Спросил, не помочь ли донести пустые коробки до склада. Катя покачала головой.

— Склад за стеной. А вот уехать домой пораньше мне бы не помешало.

— Это я не могу устроить. У меня в два проверка звука у причала.

— Тогда иди проверяй. Если у вас там заиграет что-нибудь громкое, я по крайней мере буду знать, почему мы с утра работали.

Андрей улыбнулся, пообещал попробовать без оглушения города и ушёл. Через окно было видно, как он остановился у перехода и ответил на звонок. Катя подумала, что поговорить с ним хотелось бы подольше. Потом Люба позвала её проверить очередную накладную, и мысль пришлось отложить.

К двум часам — на ногах к этому моменту больше девяти — Катя обнаружила, что полки снова стали полными, но не всеми видами выпечки. С вишней не сделали вообще. Два постоянных покупателя ушли недовольными. Один заявил, что раньше по воскресеньям такого не бывало. Катя предложила ему оставить заказ на следующую неделю, и тот, немного успокоившись, согласился.

— Видишь? — сказала Надежда Петровна, когда покупатель ушёл. — Мы сделали большой заказ, а своим не всё успели. Могли ещё сорок штук напечь, если бы у нас была вторая печь. Только её ставить некуда, и платить за неё нечем.

— И людей надо больше, — добавила Люба.

— Людей раньше всего надо кормить обедом, — ответила Надежда Петровна. — Мы тут с половины пятого.

Катя закрыла на десять минут торговый зал, чтобы все трое успели поесть. Выключила музыку, выставила табличку с точным временем открытия и разложила по тарелкам вчерашнюю гречку с курицей, принесённую из дома. Ели на кухне, среди лотков, без торжественности.

— А мы на таком заказе хоть заработали? — спросила Люба.

— Заработали, — ответила Катя. — Но меньше, чем кажется по сумме в счёте. Вечером сведу цифры.

— Всё равно хорошо, — сказала Люба.

— Хорошо. Только если делать так дважды в неделю, мы отсюда на руках выйдем, — добавила Надежда Петровна.

Катя записала это тоже.

К шести вечера, когда закрыли пекарню, дождь наконец начался. Мелкий, весенний. Он быстро смыл с тротуара муку, которую кто-то высыпал утром возле задней двери. На пустой набережной уже разбирали ограждения ярмарки, а над водой висели низкие облака.

Катя села за стол, убедилась, что остаток оплаты за ярмарку поступил, и пересчитала фактические расходы, оплату дополнительных часов и доставку. Заказ принёс прибыль, но забрал почти весь производственный запас времени, оставил недовольных розничных клиентов и не дал ни одного ответа на вопрос о новом помещении. Из этого получалась полезная, хоть и неприятная картина: просто увеличивать объём заказов в старых стенах она не сможет.

Она открыла список возможных клиентов. Несколько кафе уже брали выпечку у крупных поставщиков. В одной гостинице за городом завтрак делали сами. А в маленьком отеле «Берег» на новой стороне набережной, как рассказывала Люба, собственной пекарни не было: она когда-то подрабатывала там летом и знала управляющую.

Катя написала в блокноте: «Берег. Утренние поставки. Небольшая партия. Условия спросить, а не обещать».

В соседней комнате заскрипела дверца холодильника. Люба забыла закрыть наружную решётку; Катя встала, вернулась к залу и проверила замок. В кармане лежал телефон с непрочитанным сообщением от Вари: «Ты сегодня домой к семи?»

На этот раз она посмотрела на часы, прежде чем ответить.

«Да. Закрываю дверь и еду. В 18:40 буду».

И выполнила обещание.

Глава 8. Завтрак для тридцати

В понедельник Катя дважды прошла мимо отеля «Берег», прежде чем решилась войти.

Первый раз она искала служебный вход. Второй — пыталась понять, где водитель сможет остановить машину в половине седьмого утра, не получив замечание от человека, который следит за порядком на набережной. У гостиницы было двадцать четыре номера, несколько столиков под навесом и дверь из светлого дерева, которую утром тщательно протирал молодой человек в форменной жилетке. В витрине отражалась Ока. С воды тянуло прохладой; у парапета две женщины спорили, достаточно ли тепло, чтобы уже сажать в ящики петунии.

Катя позвонила Любе.

— Ты говорила, что знаешь управляющую «Берега». Как её зовут по отчеству?

— Инна Юрьевна. Она не любит, когда её называют директором: говорит, директор бывает в школе, а у неё постоянно кто-то теряет карточки от номеров. Ты уже там?

— Почти.

— Ты только не начинай с того, что у нас всё домашнее и с любовью. Она за прошлое лето от таких слов устала.

— А с чего начать?

— С того, что привезёшь вовремя, — сказала Люба. — Но это ты и сама знаешь.

У стойки администратора стоял чемодан на одном колесе. Его хозяин, мужчина в светлом пальто, сосредоточенно объяснял девушке, что колесо сломалось в дороге, но к номеру это отношения не имеет. Девушка не спорила, просто поставила рядом маленькую табличку «Осторожно, мокрый пол» и предложила помочь донести вещи. Чемодан они повели вместе, оставляя на плитке прерывистую чёрную полоску.

— Вы к Инне Юрьевне? — спросил молодой человек в жилетке, заметив папку Кати. — Она на кухне. Сейчас позову.

Управляющая пришла через несколько минут. Невысокая, с короткими тёмными волосами, в обычном сером кардигане, она держала в руке лист с перечнем номеров. Разговаривала быстро, но при этом слушала собеседника до конца, и Катя сразу поняла, что двадцать минут, о которых они условились по телефону, действительно означают двадцать минут.

— У нас завтрак с семи до десяти, — сказала Инна Юрьевна, когда они сели в маленьком помещении возле ресторана. — Он включён в цену номера. Свою выпечку мы сейчас не делаем, берём часть заморозки и допекаем по мере надобности. Вы хотите заменить всё?

— Нет. Для начала две позиции. Яблочные слойки и небольшие булочки к завтраку. Состав, выход, цена, упаковка и режим хранения у меня здесь. С заменой всей выпечки на старте не справимся, да и вам это не нужно.

Инна Юрьевна взяла лист. Катя специально не стала печатать фотографии с рассыпанной мукой и деревянной доской. В папке были обычные карточки продуктов: масса, ингредиенты, условия обращения, время, до которого можно использовать изделие, и расчёт цены при разных объёмах.

— Это уже приятнее, — сказала управляющая. — Только яблочные у нас долго стоят. Когда гости приезжают группой, они налетают в семь. А в обычный вторник первая волна ближе к восьми тридцати. Если привезёте их горячими и сразу закроете в пакет, к открытию они отсыреют.

— Поэтому привозить собираюсь после остывания. Тару согласуем отдельно. Если вы выкладываете в свои корзины, транспортная упаковка будет другая, не розничная.

— И кто следит за тем, что в корзине лежит? — спросила Инна Юрьевна. — У нас девушка на завтраках работает одна. Ей одновременно нужно выносить посуду, доливать воду,

отвечать гостям, у которых пропал интернет, и следить, чтобы не кончился сыр. Я не хочу вводить ещё один процесс, который будет зависеть от того, вспомнит ли она про наклейку.

Катя показала второй лист.

— Отдельный ярлык на каждый лоток: название, дата и время изготовления, партия, состав с аллергенами и количество. Внутри не смешиваем. Вы принимаете по накладной. Если что-то не совпадает, не выкладываете, звоните мне.

Инна Юрьевна наконец отложила список номеров.

— А если не продадим? У нас, бывает, тридцать завтраков по брони, а люди утром только кофе выпьют. Не собираетесь же вы забирать вечером непроданные булки и выдавать их у себя за свежие?

— Нет. Непроданное после передачи — ваш риск, если продукт качественный и поставлен по согласованному заказу. Я могу предложить меньший объём. Возврат будет при ошибке поставки или несоответствии качества, а не потому, что постояльцы выбрали кашу. Поэтому на пробе лучше не гнаться за количеством.

— Мне нравится слово «меньший», — сказала управляющая. — Оно редко встречается в коммерческих предложениях.

Она позвала сотрудницу кухни, показала карточки и спросила, какие изделия вообще будут уместны рядом с их завтраком. Женщину звали Тамара. Та поинтересовалась прежде всего размером булочек и тем, не придётся ли убирать крошки с пола до обеда.

— Слойка с яблоком у вас как устроена? — спросила она. — Начинка не течёт?

— Если правильно остудить — нет. Могу привезти образцы. Сегодня после трёх.

— Образцы мы попробуем, — ответила Тамара. — Но насчёт крошек я вам потом честно скажу.

После ухода Тамары Инна Юрьевна объяснила, как у них устроены заявки. Предварительную загрузку она видит на неделю вперёд, точные количества лучше закреплять накануне до шести вечера. В понедельник могут быть двадцать гостей, в пятницу — сорок. Доставлять нужно через служебный вход со стороны бокового проезда, до шести сорока пяти. Машину там держать больше десяти минут нельзя: рядом заезд прачечной.

— У вас бывает праздник, а у меня прачечная, — сказала она. — Кто первый занял проход, тот и прав, хотя прав по правилам никто.

В этих словах был весь город: узкие улицы, привычные маршруты, чужие машины на своём месте. Катя записала схему въезда. Инна Юрьевна заметила, как она задержалась над временем, и спросила:

— Рано?

— У нас первая выпечка к открытию торгового зала. Чтобы привезти сюда уже остывшие изделия, придётся передвинуть ночную работу. Я должна обсудить это с пекарем, прежде чем обещать.

— Обсудите. Мне не нужен поставщик, который согласится на всё, а на третье утро попросит нас подождать до девяти.

На пробу договорились условно: пять рабочих завтраков, две позиции, количество по заявке накануне, без обязательного минимума со стороны гостиницы. Оплата — по документам в течение недели после пробного периода. Катя попросила отдельно прописать, что просроченная по вине поставщика доставка и ошибка в маркировке дают гостинице право отказаться от партии. Инна Юрьевна удивилась.

— Вы сами это предлагаете?

— Лучше сразу понимать, где я потеряю деньги. А вам — когда можно не принимать товар.

— Посмотрим на образцы. Потом на производство и документы. Если всё устроит, начнём со следующего понедельника.

На выходе Катя остановилась у завтракающих. Мужчина с газетой на телефоне читал между глотками кофе; молодая пара делила яблоко на четвертинки пластиковым ножом. Возле окна пожилая женщина просила ещё горячей воды и терпеливо объясняла, что чайный пакетик ей пока не нужен. Всё выглядело спокойно. Но Катя уже представляла себе утро за этим спокойствием — поставку, маркировку, проверку, людей, которым некогда разбираться, где какая коробка.

Образцы Надежда Петровна согласилась сделать после обеда, но сразу потребовала изменить рецептуру яблочной начинки.

— Для витрины ты их продаёшь через полчаса после выпечки. А туда они приедут, полежат, потом ещё час на столе. Не одно и то же. Надо проверить, как ведёт себя начинка, когда слойка не горячая.

— Проверим, — согласилась Катя. — Только мне нужно четыре штуки на пробу, а не новая научная работа.

— Научная работа и будет на четырёх штуках. Остальные продадим, если не испортим.

В три двадцать Катя вернулась в «Берег» с небольшой коробкой. Тамара попробовала обе позиции, поставила галочку напротив булочки и долго рассматривала яблочную слойку. Потом взяла салфетку, вытерла пальцы и сказала:

— Вкусно. Но их надо делать меньше. У нас люди накладывают на тарелку ещё сыр, яйца и фрукты. Половина большой слойки останется.

Катя попросила у неё пустую тарелку и на глаз примерила размер будущего изделия. Тамара засмеялась.

— С тарелкой лучше, чем с рекламой. Я бы вам таких десять в первый день взяла, не больше.

Управляющая согласилась попробовать и попросила к пятнице принести окончательные технологические карточки, сведения о производителе и документы, которые гостиница проверяет перед заключением договора. Катя не стала изображать, будто всё уже лежит в нужном порядке. Часть была готова, часть придётся собрать с Еленой Викторовной.

На обратном пути она зашла в пекарню со стороны сквера. Николай Матвеевич стоял у двери с тем самым зонтом, на этот раз раскрытым, хотя дождя не было.

— Вы зачем его носите? — спросила Катя.

— Чтобы не забыть. Я, Катя, если его не ношу, то непременно забываю.

— Логично.

Он показал на бумажку, которую кто-то приклеил к витрине. На ней неровно было написано: «Пекарня закрывается?»

Катя замерла. Люба изнутри уже заметила записку и шла к двери.

— Я хотела снять, — сказала она. — Только вдруг ты сама повесила?

— Нет. Снимай.

— А что людям говорить?

Катя посмотрела на сквер. Через дорогу мать застёгивала куртку ребёнку, который категорически не желал уходить с качелей. На скамейке сидели двое школьников и ели хлеб прямо из бумажного пакета с её логотипом.

— Правду, — ответила она. — Что работаем до тридцатого июня и ищем новое место. Не говори, что закрываемся навсегда. И не обещай, что непременно останемся здесь.

Николай Матвеевич осторожно сложил зонт.

— Тогда хлеб на завтра отложите, — попросил он. — А что дальше, я потом разберусь. Я ведь сюда хожу потому, что знаю дорогу. Новую тоже выучу, не маленький.

Катя смотрела ему вслед. Ей только что предложили маленький контракт и ни единого гарантированного рубля. А старик уже согласился выучить новую дорогу. Почему-то именно это оказалось хорошей новостью.

Глава 9. Всё, что можно унести

Старую печь привезли в «Тёплый хлеб» в год, когда Варя пошла в первый класс. Катя помнила это не по гарантийному талону, а по фотографии: Варя стояла рядом с картонным коробом от оборудования в школьном сарафане, хотя летние каникулы ещё не кончились. Она надела форму заранее, чтобы посмотреть, получится ли завязать белые банты самостоятельно.

Теперь печь собирались оценивать для продажи.

Мастер по оборудованию приехал в четверг с двумя отвёртками и рулеткой. Звали его Михаил Сергеевич, и первые пять минут он не говорил ничего, кроме «угу» и «сейчас». Надежда Петровна шагала за ним по цеху, как человек, которому вот-вот сообщат неприятную новость о близком родственнике.

— В какую сторону открывается? — спросил мастер, показывая на боковую панель.

— В вашу, — ответила Надежда Петровна. — Дальше трёх сантиметров не пойдёт, там стеллаж.

Он попросил отодвинуть стеллаж. Осмотрел нагреватели, снял крышку доступного узла, сверил заводскую табличку и долго измерял дверной проём. Потом опёрся ладонью о стену и произнёс:

— Передвинуть можно всё. Вопрос, сколько это будет стоить и что останется работоспособным, когда передвинете.

— Это мы уже знаем, — сказала Катя. — Вы нам вторую часть скажите.

Печь была исправной, но не новой; часть деталей заказывали уже не по каталогу производителя, а через знакомых ремонтников. Для перевозки требовались разборка, погрузка и повторное подключение. В новом помещении надо было бы проверить электрическую часть и отвод тепла. Мастер не обещал, что после тряски и монтажа ничего не придётся менять.

— Я бы сначала нашёл покупателя здесь, — сказал он. — Кто-то поставит её у себя с меньшими затратами на перевозку. Вам лучше смотреть под новую площадку более компактную печь. Не самую дорогую, просто подходящую.

Надежда Петровна прижала губы.

— У неё левая сторона чуть жарче. Я к ней привыкла.

— Покупатель привыкнет, если вы ему объясните, — ответил мастер. — А вот ваша новая дверь от этого шире не станет.

Катя записала две цифры: примерную цену продажи и стоимость перевозки с запасом на ремонт. Они лежали так близко друг к другу, что решение стало очевидным. Продажа не покроет новую печь. Но и перевозить старую только из привязанности — значит платить за привязанность в рассрочку.

Потом перешли к тестомесу. Его мастер оценил лучше, хотя попросил проверить подшипник, на который Надежда Петровна давно жаловалась. Холодильный шкаф можно было забрать, если новый вход позволит. Кофемашину — тоже. А вот длинный деревянный прилавок когда-то собирали прямо внутри помещения. У вынутого из него ящика потерялся один металлический уголок, и снять всю конструкцию целой было почти невозможно.

— Его-то оставь, — сказала Люба из зала. — На нём мой сын однажды математикой занимался. И один раз заснул.

— Если оставим, в акте передачи запишем, — ответила Катя. — А то потом выяснится, что мы ещё и за него должны.

— Я не про акт, — сказала Люба. — Хотя акт тоже пусть будет.

К обеду они разделили оборудование цветными полосками малярной ленты. Зелёная — переедет. Жёлтая — нужно решение. Белая — останется после согласования с собственником. Только на стойку возле окна Катя никак не решалась наклеить белую полоску. Там семь лет

лежала корзина с булочками для тех, кто торопился к автобусу. Стойка была потёртая, на нижней полке остался след от пролитого вишнёвого сиропа, который не удалось вывести ни одним средством.

— Её разбирать себе дороже, — сказала Надежда Петровна, заметив Катину нерешительность. — Ты ведь не доски продаёшь. Ты место меняешь.

— Я понимаю.

— По лицу не скажешь.

Когда мастер уехал, Катя осталась в подсобке разбирать шкаф с бумагами. На нижней полке за коробкой наклеек стояла жестяная банка из-под печенья. Она удивилась: банку не видела с самого переезда в эту комнату. Внутри лежали старые карточки заказов, бумажный блокнот и несколько пожелтевших листов, скреплённых ржавой канцелярской скрепкой.

На верхнем листе синей ручкой было выведено: «Что ставить к субботе». Ниже — список: пирог с рыбой, ватрушка с творогом, булочки с повидлом, постные коврижки. В правом углу стояло «М. И.». Катя узнала почерк Маргариты Ивановны, прежней хозяйки.

Маргарита Ивановна уходила на пенсию семь лет назад без особой торжественности. Попросила Катю не менять сразу всю вывеску, потому что покупатели привыкли к зелёному цвету, и подарила маленькие кухонные весы. Потом уехала к сыну в Рязань. Пару раз звонила узнать, не слишком ли часто ломается холодильник. Пекарню они оформляли по всем правилам, но разговор про рецепты был отдельным: некоторые Маргарита Ивановна отдала с тетрадью, некоторые Катя принесла свои, а часть блюд со временем просто перестали готовить.

Теперь на старом листе стояли цены, которые казались ошибкой в запятой. Рядом с пирогом была приписка: «Гене без лука, аллергия — не перепутать». Под ней другой рукой: «Антонине с Речной оставить две ватрушки, придёт после обеда».

Катя прочитала последние две строчки дважды. Про Гену она ничего не знала. Антонина с Речной вполне могла быть той самой хозяйкой магазина тканей, которая иногда заходила за хлебом и до сих пор спорила с Любой о правильном размере бумажного пакета. Но уточнять сегодня не стала. Прошлое в маленьком городе любило появляться в совершенно будничных записях.

Она принесла лист Надежде Петровне.

— Помнишь это?

Пекарь взяла бумагу за угол.

— Ещё бы. Маргарита Ивановна каждую пятницу составляла список на субботу, а потом половину меняла в шесть утра. Гене без лука — это соседу в доме напротив. Он рыбу любил, а лук ему нельзя было. Я ей говорила: не оставляй такое на память, записывай заказы отдельно. Вот она и стала записывать.

— А сейчас у нас свои списки. Только в компьютере.

— И всё равно Люба иногда пишет на пакете «бабушке Маше», потому что фамилию забыла. Люди одинаковые, техника разная.

Катя убрала бумаги в прозрачную папку. Ей захотелось позвонить Маргарите Ивановне, но она знала, что звонок получится странным. «Здравствуйте, я нашла ваш старый список и теперь не знаю, как оставить стойку на месте». Сказать следовало что-то другое, а что — пока не находилось.

Вечером, когда покупателей почти не осталось, в пекарню зашла Варя. Принесла коробку с макетом остановки: они с Лёшей несли её в библиотеку на небольшое школьное обсуждение, и коробка порвалась по дороге.

— Можно скотч? — спросила дочь.

— В левом ящике возле кассы. Только не тот, которым упаковку заклеиваем, возьми канцелярский.

Варя достала рулон, посмотрела на цветные полоски на мебели.

— Вы что, ремонт делаете?

— Решаем, что увезём, когда будем переезжать.

— Уже нашли куда?

— Нет. Пока ищем.

Дочь осторожно провела пальцем по белой полоске на стойке.

— Эту не возьмёшь?

— Скорее всего, нет. Её собирали прямо тут. В новом помещении может не поместиться.

— А кофемашину?

— Если пройдёт в дверь — да.

— Ты как при переезде из нашей старой квартиры. Всё тогда тоже измеряла, даже настольную лампу.

Катя помнила другую часть того переезда: Варя плакала из-за коробки с игрушками, которую Сергей случайно увёз в багажнике к себе. Игрушки вернулись через неделю. Тогда Катя считала, что все серьёзные трудности остались позади, а детские поправимы. Сейчас ей казалось, что эти категории она где-то перепутала.

— Лампу мы всё-таки взяли, — сказала она.

— Зато стол не влез.

— Это правда.

Варя посмотрела на дверь в цех, где Надежда Петровна мыла противень. Затем на витрину, у которой стоял пустой поднос.

— Если переедешь, мне до тебя после школы далеко идти будет?

— Я пока не знаю адреса. Но каждое место, которое смотрю, проверяю: как от школы до него добираться. Обещать наугад не хочу.

— Ладно, — сказала дочь и подняла коробку. — Я тогда потом спрошу. Когда будет что спрашивать.

Она ушла. Катя закрыла ящик со скотчем и увидела на его дне ещё одну белую полоску. Приклеила её на старую стойку. Из цеха донёсся стук кастрюли; Надежда Петровна напевала что-то негромкое, почти без слов.

На шкафу осталась папка с меню. Катя решила забрать её первой, даже если для этого придётся оставить дома пару собственных кружек. Никакой цены при переезде эта папка не имела. Именно поэтому её было нельзя бросить.

Глава 10. Пробная партия

В шесть двадцать семь утра понедельника Люба сообщила, что на складе больше нет свободной синей коробки.

Катя стояла над распечатанным листом для гостиницы и в первый момент не поняла, почему это должно её тревожить. Цветные коробки они завели месяц назад: синие обычно шли под выездные заказы, белые — для собственного зала. Это было удобно, пока заказ не оказался важнее цвета.

— Возьми белую, — сказала она. — Только наклей сверху крупно «БЕРЕГ», чтобы никто не перепутал.

— Уже. Я просто говорю, чтобы ты не удивилась.

Надежда Петровна достала из печи последнюю партию. Выпекали с четырёх двадцати: пришлось сдвинуть привычное расписание и отказаться от некоторых ранних позиций для собственной витрины. По заказу гостиницы на сегодня сделали десять маленьких яблочных слоек и двадцать четыре булочки к завтраку. Завтра обещали уточнить количество с учётом того, что гости будут уезжать группой. Никаких сотен, никакой большой победы. Всего тридцать четыре изделия, которые Катя не имела права испортить.

— Слойки готовы к упаковке, — сказала Надежда Петровна. — Булочки остывают. Не торопи их.

— Через тринадцать минут водитель.

— Значит, пусть тринадцать минут изучает нашу архитектуру. Тёплое в коробку не кладу.

Катя собиралась возразить, но телефон уже звонил. Тамара из отеля уточняла, можно ли перенести доставку на пять минут раньше: сегодня у них ранняя экскурсионная группа. Катя объяснила, что согласованное время до шести сорока пяти остаётся, а ускорить остывание готового изделия обещанием невозможно. Тамара ответила, что понимает, и попросила только сообщить о выезде.

Водитель приехал в шесть тридцать три. Катя проверила количество коробок, распечатанные ярлыки, передала две накладные и сама вышла к машине. Небо над сквером было ещё серым; под колёсами лежали мелкие веточки липы, сбитые ночным ветром. За рулём сидел водитель Сергей, невысокий мужчина с аккуратной седой бородой: обычно развозил заказы по магазинам и не любил разговоров до семи.

— Два места? — спросил он.

— Два. Каждое отдельно, ничего сверху не ставить. Служебный въезд я тебе отметила на схеме.

— Вчера мимо проезжал. Там легко, если не пересечь проезд к прачечной. Однажды пересёк — получил экскурсию по местному характеру.

Он уехал. Катя отправила Тамаре сообщение о времени выезда, поставила галочку возле первой строки и только тогда заметила, как сильно устала. Не от работы — от ожидания, что сейчас обнаружится то, чего она не предусмотрела.

Обнаружилось в шесть пятьдесят восемь.

— Екатерина? — голос Инны Юрьевны был собранным и сухим. — Мы принимаем поставку. В коробке с обычными булочками лежат изделия с кунжутом. На ярлыке кунжута нет. Что это?

Катя сразу оглянулась на противни. Надежда Петровна в это время выгружала партию кунжутных булочек для розничной продажи. Одной рукой держала рукавицу, другой поправляла лист бумаги возле весов.

— Подождите. Я разберусь. Не выкладывайте эту коробку, пожалуйста.

— Мы и не собираемся. Я всю поставку пока остановила. У нас на столе должны быть корректные названия и состав. Мне сейчас нет разницы, хорошая у вас булочка или нет.

— Вы правы. Я перезвоню в течение пяти минут.

Надежда Петровна сначала не поверила. Потом подошла к столу, где стояли два пустых лотка, проверила маркировку на оставшейся партии и вдруг выпрямилась.

— Вот чёрт. Мы вчера в одинаковых лотках часть расстаивали. Люба по цвету брала, а я ей не сказала, что поменяла местами. Я думала, она наклейку по ассортименту посмотрит.

— А Люба думала, что ты не меняла, — сказала Катя.

— Похоже.

— Значит, ошиблись все трое. Я тоже проверила только число мест и накладную. Лотки перед отправкой не открыла.

Люба стояла у двери, бледная и совершенно не похожая на себя.

— Я могу съездить туда и переклеить этикетки. Там же видно, что с кунжутом. Названия исправим.

— Нет, — сразу сказала Катя. — Мы отгрузили не то, что заказали. В гостинице не должны угадывать, где ещё ошибка. Сергей сейчас вернёт коробку. Мы её примем, пересчитаем и отдельно решим, что с ней делать. В гостиницу передадим только заново проверенную партию.

— Но у нас нет двадцати четырёх простых, — сказала Надежда Петровна. — Двенадцать ушло не туда, остальные скоро в зал выкладывать.

Часы показывали семь ноль четыре. Первый завтрак в «Береге» уже начался.

— Сколько есть правильных?

— Двенадцать. Их сейчас сами можем перепроверить. Ещё двенадцать — в следующую закладку, не раньше восьми. Потом остывать.

— Тогда звоню Инне Юрьевне. Ничего не изображаем.

Та выслушала её без возмущения, что было неприятнее возмущения.

— У меня сегодня тридцать один завтрак. Я не могу ждать новую выпечку. На первые часы у нас есть собственный хлеб. Принимаем только правильно собранную часть, а ошибочную оформляем отказом. Допоставку к девяти можем обсудить, если успеете. Но по ней будет отдельная запись о задержке. Мне нужно понимать, повторится ли такое завтра.

— Не повторится по той же причине. Сегодня введу дополнительную проверку перед отправкой.

— Хорошо. Я не отменяю пробу прямо сейчас, потому что вы сами сообщили, что будете делать. Но если история повторится, следующего понедельника у нас не будет.

Катя не стала благодарить за шанс. Попросила прислать фото накладной с отметкой об отказе, подтвердила новый объём и положила трубку.

— Люба, открой зал вовремя, — сказала она. — И не бери на себя отгрузку, пока не договоримся о порядке. Надежда Петровна, делаем следующую партию. Я беру доставку на себя, Сергея не гоняем за наш счёт без конца.

— А ты за чей счёт поедешь? — спросила Люба.

— За свой. Это мой бизнес.

— Я не про деньги, — неожиданно рассердилась Люба. — Ты опять всё на себя берёшь. Давай я хотя бы правильные ярлыки распечатаю и принесу тебе на проверку.

Катя посмотрела на Любу. Та не отвела глаз.

— Давай, — сказала Катя. — Только сначала убедись, что они правильные. Не по цвету коробки, а по тому, что внутри.

До восьми они работали почти без разговоров. Катя составила новую контрольную строку для отгрузки: партия, фактическое изделие, состав, количество, ярлык, подпись того, кто проверил. Надежда Петровна приклеила её возле двери. Люба достала из сумки старую ручку с

синей пастой и положила её возле списка. Никакой героической реформы не произошло: просто отныне два человека должны были посмотреть на одну коробку, прежде чем она уедет.

Когда второй заказ был готов, Катя повезла его сама. У служебного входа она встретила Тамару с корзиной чистых полотенец. Та подняла крышку, сверила изделия и ярлыки, затем посмотрела на Катю.

— Правильные, — сказала она. — А теперь вы поешьте. У вас лицо как у человека, которого всю ночь пекли.

— Я успею после работы.

— Вот поэтому и бывают ошибки. У нас тоже. Только клиентам всё равно, чем мы заняты.

В девять двенадцать Инна Юрьевна подписала документ о частичной приёмке и второй доставке. Катя сама попросила внести туда отметку, что первоначальная поставка была несоответствующей. Общая стоимость дня после отказа и дополнительных расходов почти обнулила прибыль. Испорченную для заказа партию она не стала перекладывать в розничную витрину. Изделия были доброкачественными, но происхождение, возврат и лишнее время вне её контроля делали это плохой идеей. Их учли отдельно и списали по внутреннему порядку.

На обратном пути Катя увидела через окно автомобиля знакомый зелёный универсал у бывшей типографии. Илья Лавров выгружал из багажника деревянную раму, придерживая её коленом. Рядом Полина что-то объясняла ему с раскрытой папкой в руках. Они не заметили её. Катя вдруг подумала, что в любом деле бывают люди, которые объясняют, где ошибка, и люди, которым потом приходится исправлять её за свой счёт. Иногда это один и тот же человек.

В пекарне продавали хлеб как обычно. Люба стояла за кассой и терпеливо рассказывала покупателю, почему небольшие булочки сегодня будут только после десяти. Надежда Петровна месила следующую партию и смотрела так, будто не только тесто должно было подняться после тяжёлого утра.

— Я с Любой поговорила, — сказала она, когда Катя вошла. — Я лотки переставила. Она не переспросила. Не надо выбирать виноватого по очереди. Давай каждый у своей части порядок сделает.

— Я уже распечатала проверку, — сказала Катя.

— Видела. Полезная бумажка. Но если ты сама с четырёх утра бегаешь вокруг всех — толку мало. Бумажка должна работать без тебя.

Катя положила ключи на стол. В коридоре ещё пахло яблоками, хотя первая партия давно уехала.

— Тогда завтра ты проверишь фактический ассортимент, Люба — ярлыки и количество, я — документы и время отгрузки. Потом посмотрим, где снова тесно.

Надежда Петровна кивнула.

— Уже лучше. А сейчас сядь и съешь что-нибудь. Потом будем спасать мир.

Инна Юрьевна прислала сообщение: «На завтра 28 гостей. Заказ 8 слоек, 20 булочек без посыпки. Подтвердите до 18:00. Остальные условия прежние».

Катя прочитала его дважды и ответила, что подтверждает после проверки графика. Никаких поздравлений не последовало. Завтра начинался второй день пробной недели, а сегодня ей впервые удалось увидеть разницу между тем, чтобы получить заказ, и тем, чтобы научиться его выполнять.

Глава 11. Столик у окна

К среде Катя перестала просыпаться от мысли, что забыла подписать накладную. Во вторник поставку приняли без замечаний; в среду тоже. На втором листе контроля не оказалось ни одной исправленной цифры. Надежда Петровна объявила, что этому нельзя слишком радоваться, иначе завтра выпадет из печи весь хлеб сразу. Люба возразила, что печь хотя бы не умеет читать приметы.

В половине пятого Андрей написал: «У тебя сегодня есть полтора часа без накладных? Можно просто посидеть, как люди».

Катя прочитала сообщение за столом в подсобке. На этом же столе лежали три счёта, распечатка по новой печи и школьная памятка про поездку в Нижний. Варя оставила её утром, попросив поставить подпись до пятницы. Катя подписала сразу, пока бумага не превратилась в очередной предмет семейной археологии.

Ответ Андрею она набрала не сразу.

«Полтора часа есть. Но к девяти буду дома. Завтра ранняя поставка».

Он написал: «Тогда в семь в «Причале»? Там можно разговаривать без усилителя».

«Я не против усилителя. Я против плохой настройки», — ответила Катя и только после отправки поняла, что улыбается.

Дома Варя сидела перед ноутбуком в наушниках. На экране была схематичная остановка, у которой появился новый навес и лавочка с подлокотниками. Дочь теперь спорила с Лёшей не про форму крыши, а про то, куда должен стекать дождь. Слово «уклон» она произнесла с такой суровостью, будто сама отвечала за городскую канализацию.

Катя дождалась, пока разговор закончится.

— Я сегодня выйду на час-полтора. К девяти вернусь. Ты поужинать успела?

— Да. Паста в холодильнике, если хочешь. Ты куда?

— В «Причал». Встречусь с Андреем.

Варя сняла наушники окончательно.

— С тем, у которого Соня?

— С ним. Просто посидим, поговорим.

— А можно без подробностей?

Катя засмеялась.

— Можно. Я не собиралась рассказывать подробности, которых у меня пока нет.

— Просто ты, когда нервничаешь, начинаешь объяснять, почему человеку полезно встретиться с другим человеком.

— Я настолько предсказуема?

— Угу. Когда ты вчера звонила поставщику, объяснила ему, почему полезно привезти муку в тот день, на который он обещал. Он, кажется, не спорил.

Катя подошла к раковине, вымыла чашку и поставила сушиться. Не хотелось ни превращать дочь в советчика по взрослым свиданиям, ни скрывать от неё очевидное. Варя снова надела наушники, а затем отодвинула один, чтобы спросить:

— Ты телефон возьмёшь? Если что, я напишу.

— Конечно. И к девяти буду дома.

— Только не говори «точно», — сказала Варя. — Просто напиши, если задержишься.

Катя кивнула. Неприятно было услышать от дочери собственную недавнюю просьбу о честности. Зато теперь обе знали, о чём говорят.

В «Причале» оказалось неожиданно тихо. Дождь загнал с улицы двух велосипедистов, которые сушили перчатки на батарее, и женщину с огромной сумкой рассады. Лена объясняла последней, почему фикусу не место рядом с кофемолкой, даже если ему там «лучше слышно

музыку». За вторым столиком у окна сидел Андрей в тёмном свитере. Без кабелей и служебной куртки он всё время не знал, куда девать руки.

— Привет, — сказал он, когда Катя подошла. — Я заказал чайник чая. Если хочешь кофе, ещё не поздно исправить ошибку.

— Чай — хорошо. Мне завтра снова вставать затемно.

— Слушай, а я ведь правда не подумал, что позвал тебя посреди рабочей недели.

— Если бы ты позвал в выходные, я бы работала в выходные. У пекарни с расписанием сложные отношения.

Лена принесла чай и две тарелки: на одной был пирог с грушей, на другой — маленький бутерброд с сыром. Поставила всё на стол и сообщила:

— На всякий случай. Вы оба сказали «ничего не надо», но у нас так говорят люди, которые потом смотрят на чужие тарелки.

— Мы готовы заплатить за вашу наблюдательность, — сказал Андрей.

— Вы уже. Вот чек.

Когда Лена отошла, Катя попробовала пирог и обнаружила, что тот действительно хорош. Хотелось немедленно выяснить, кто его печёт, но она удержалась. Сегодня они встречались не для переговоров с конкурентами.

— Соня где? — спросила она.

— У моей мамы. Ей завтра ко второй смене, а мне утром в соседний город на монтаж, затем заберу. Соня сама попросилась остаться. У них с бабушкой запланировано приготовление блинов, и меня не пригласили. Сказали, слишком подробно объясняю, как нагревается сковорода.

— Они правы?

— Не исключаю. А Варя?

— Дома. Доделывает остановку. У них с Лёшей теперь спор про водосток. Я пока не вмешиваюсь. Мне кажется, к выпускному они защитят проект реконструкции всего города.

Андрей улыбнулся, но не стал шутить про будущую свадьбу двух школьников. Катя отметила это с благодарностью: люди часто принимали разговор о детях как повод придумать им жизнь на двадцать лет вперёд.

Некоторое время они говорили о старой школе. В памяти Кати Андрей по-прежнему сидел у окна в последнем ряду, щёлкал ручкой и носил чёрную резинку на запястье. В его памяти она была отличницей, которая в девятом классе однажды отказалась подписывать коллективную жалобу на учителя физики, пока не выяснила, что тот действительно сделал.

— Я не помню этого, — сказала Катя.

— Ещё бы. Для тебя это был обычный вторник. А для нас — сорванная революция.

— Вы жаловались, что он задаёт слишком много?

— Он поставил всей группе двойки за лабораторную. Правда, мы там перепутали два прибора. Но на тот момент нам казалось, что это несущественная подробность.

Катя рассмеялась. Она действительно вспомнила учителя, его аккуратно подписанные ящики с проводами и шумный спор в коридоре. Не вспомнила только, что Андрей тогда смотрел на неё.

— А ты почему уехал? — спросила она после паузы. — После школы. Я знаю только, что ты поступил в Нижний, а потом вроде бы работал в Москве.

— Сначала в Нижнем. Учился, таскал оборудование на местных концертах, записывал репетиции. Потом переехал, работал с фестивалями. Там всё происходит одновременно: сцена не готова, свет уже поставили, организатор потерял списки, а артист хочет, чтобы его голос слышали только люди из первого ряда. Мне нравилось, что после каждого вечера можно понять: получилось или нет.

— А сейчас?

— Сейчас я устал жить от одного срочного звонка до другого. В прошлом году вдруг заметил, что знаю все гостиницы вдоль трассы, но не знаю, в каком классе Соня разбирает дроби. Она, конечно, не просила меня учить с ней дроби. Но мне хотелось хотя бы понимать, о чём она сердится, когда делает домашнее задание.

Он помолчал и подвинул чашку.

— Мы с её мамой развелись два года назад. Не только из-за концертных поездок, но и они сыграли роль. Я долго считал, что если зарабатываю, могу потом компенсировать пропущенное. Подарком, отпуском, хорошим выходным. Потом оказалось, что ребёнку иногда нужен не хороший выходной, а обычный вторник, когда ты вовремя пришёл.

Катя посмотрела на его руки. Он говорил без красивых обобщений, осторожно, словно проверял, не слишком ли много рассказывает человеку, которого почти не знает заново. На пальце остался след старого пореза, у большого ногтя темнела полоска — как от провода, слишком долго зажатого в кейсе.

— А Сонина мама как к твоему возвращению относится?

— Мы договорились, что переезд ребёнка без отдельного разговора с ней не обсуждается. Соня пока учится в прежней школе, сейчас бывает здесь у меня и у бабушки на каникулах и по согласованным дням. Летом она проведёт со мной больше времени. На осень мы ничего окончательно не решили. Честно сказать, мне было бы проще обещать всем, что всё устроено. Но это неправда.

Катя кивнула.

— У Вари отец живёт в соседнем городе. Зовут Сергей. Он приезжает, забирает её иногда на выходные. Любит дочь, но со временем у него всегда трудно. Он обещает раньше, чем проверяет календарь. Я долго из-за этого злилась, а потом поняла, что сама делаю так же, когда дело касается пекарни. Мне всё кажется, что если очень постараться, можно успеть всё.

— И получается?

— Получается устать за двоих. Варя уже умеет отличать моё «успею» от настоящего.

— Тогда у нас много общего, — сказал Андрей.

— Не самое лестное общее.

— Зато полезное.

Из кухни донёсся короткий треск — Лена уронила крышку от контейнера и объявила, что никто не пострадал, кроме её репутации. Велосипедисты у батареи собрались уходить. Дождь за стеклом ослаб; над Речной виднелись редкие огни машин.

— А когда ты переедешь? — спросил Андрей.

Катя на мгновение напряглась.

— Пекарню?

— Да. В новое помещение.

— Пока не знаю. На следующей неделе посмотрю ещё два адреса. Один по карте выглядит лучше, чем в жизни, другой — наоборот. Надежда Петровна уже разнесла все мои идеи о перевозке печи.

— Могу познакомить с человеком, который обслуживает электрику на концертных площадках, — сказал Андрей. — Он аккуратный. Но в пищевом производстве я ничего не понимаю, так что решать тебе, нужен ли контакт.

Катя подумала. В последние две недели ей несколько раз обещали «всё устроить»: риелтор — помещение, собственник — лишний месяц, организатор ярмарки — беспрепятственный проезд. От Андрея она услышала только предложение дать номер человека, а не уверенность, что вопрос закрыт.

— Спасибо. Контакт возьму, если это человек, который действительно умеет проверять сети. Но сначала посмотрю помещения с нашим электриком.

— Правильно.

— Ты удивительно легко соглашаешься.

— Я сегодня на свидании, Катя. Не хочу портить его спором о кабельных трассах.

Она подняла на него глаза.

— Значит, это свидание?

— Я надеялся. Но не стал писать в сообщении. Вдруг у тебя есть официальный бланк, на котором надо подавать заявку.

— У меня есть договор поставки. Можно было приложением.

Андрей засмеялся, уже не сдерживаясь. Катя почувствовала, как давно ей не доводилось говорить глупости просто ради чужого смеха.

После чая они вышли на набережную. Дождь прекратился, но у парапета ещё стояли мелкие лужи. С противоположного берега едва доносился гудок какого-то судна; возле старых складов фонари освещали кирпичную кладку и сетчатое ограждение. Дом Князевых оставался закрытым. Катя подумала, что за последний год город так много говорил о его будущем, а в обычную среду он по-прежнему стоял тёмный, со своей длинной историей и неопределённым ремонтом.

— Ты помнишь, как мы после выпускного шли здесь до утра? — спросил Андрей.

— Я не шла с тобой. Я шла с Леной Труновой. А ты всю дорогу разговаривал с ребятами из параллельного класса.

— Помню, что ты была в синем платье.

— Зелёном, — поправила Катя. — Но при фонарях оно выглядело синим.

— Значит, я хотя бы не всё придумал.

Катя недоверчиво прищурилась. В семнадцать лет ей казалось, что Андрей не замечает её вовсе. Она писала его фамилию на полях тетради, а потом выводила поверх неё формулы, чтобы никто не увидел. Это воспоминание до сих пор было слегка неловким — как старая школьная фотография, где она застыла с неподходящим выражением лица.

— Я тогда думала, что ты очень занят собой, — сказала Катя.

— Так и было. В семнадцать я вообще считал, что если умею настроить школьные колонки без свиста, то мир мне кое-что должен.

— И сколько мир задолжал?

— За последние двадцать лет почти всё вернул. С процентами.

У скамейки возле старого спуска они остановились. Андрей хотел что-то сказать, но у Кати завибрировал телефон. Варя прислала фотографию обновлённой остановки. Подпись гласила: «Лёша наконец понял, куда течёт вода. Ты к девяти?»

Катя посмотрела на часы: восемь сорок семь.

«Да. Уже иду. Макет посмотрю дома», — ответила она.

— Мне пора, — сказала Андрею. — Обещала вернуться.

— Тогда пойду с тобой до площади. Дальше ты сама, как договорились.

Они двинулись обратно. У перехода светофор мигнул зелёным, но Андрей не ускорил шаг. На другой стороне он остановился и протянул руку. Не для рукопожатия — просто осторожно коснулся её пальцев.

Катя не отняла руку. Они постояли несколько секунд, слушая, как где-то по площади гремит пустая тележка. Потом Андрей сказал:

— Я бы хотел увидеться ещё. Без повода про звук, коробки и электричество.

— Я тоже, — ответила она. — Но расписание придётся проверять заранее.

— Согласен. Мне это теперь тоже полезно.

Дома Варя устроилась на полу и собирала с ковра обрезки картона. Катя разулась, поставила сумку. Без пяти девять.

— Успела, — сказала дочь.

— Успела. Показывай водосток.

Варя повернула к ней макет. По крыше теперь шла тонкая синяя трубочка, сделанная из коктейльной соломинки. Вода, если бы её налили на картон, должна была уходить в маленький бумажный желоб. Правда, желоб упирался в скамейку.

— Вот сюда, — сказала Катя. — Она же людям прямо на ноги потечёт.

Варя смерила модель взглядом и тяжело вздохнула:

— Ну спасибо. Значит, Лёша опять всё переделывает.

Катя села рядом. Телефон лежал в сумке и больше не звонил. Ей хотелось рассказать дочери, что на набережной она держалась с Андреем за руки. Но это было бы слишком много для обычного школьного вечера. Вместо этого она взяла линейку и спросила про желоб: нельзя ли пустить его по другой стороне навеса.

— Можно, — сказала Варя. — Только сначала ты посмотри весь проект. А то сейчас исправим одно, а потом найдёшь другое.

Катя послушалась. В конце концов, для надёжной конструкции следовало сначала посмотреть, как она устроена целиком. Иногда эта мысль была полезна не только при строительстве остановок.

Глава 12. Никакой свободной кухни

В четверг утром Катя проснулась раньше будильника — такого не случалось всю неделю — и не сразу поняла, что делать с подаренными четырьмя минутами.

В квартире было тихо. За стеной Варя переворачивалась на другой бок, в кухне постукивала о стекло веточка базилика — дочь переставила горшок ближе к окну и утверждала, что растение образумилось. Катя лежала, смотрела в потолок и составляла список: подтвердить завтрашнюю поставку, позвонить риелтору, забрать у электрика заключение по Речной, поговорить с Надеждой Петровной о новой смене. Последнее требовало не столько времени, сколько хорошего момента. Надежда Петровна не любила, когда её вызывали «поговорить». Сразу спрашивала, кто увольняется.

Будильник прозвенел. Катя выключила его и встала.

На столе лежала Варина линейка. Вчера вечером они закрыли вопрос с водостоком на макете остановки: вывели желоб к задней стойке, а скамейку отодвинули на два миллиметра. Варя заявила, что в настоящем мире это целых двадцать сантиметров и трогать больше ничего нельзя. Катя согласилась. При этом дочь просила в пятницу прийти посмотреть, как они с Лёшей будут показывать проект школьной комиссии. Не выставка, не конкурс — проверка доработанного варианта перед передачей в городской отдел благоустройства. Предыдущий показ мать пропустила. На этот раз время было назначено на пять.

Катя внесла его в телефон. Рядом добавила: «Уйти из пекарни в 16:10». Не «постараться». Не «посмотреть по обстоятельствам».

В шесть десять она была на работе. Надежда Петровна уже выложила на стол две партии теста и без приветствия спросила:

— Ты в четыре сорок опять собираешься приехать?

— Я в шесть, Надежда Петровна.

— Сегодня в шесть. А вчера во сколько?

— В пять пятнадцать.

— Вот. А позавчера, когда с ярлыками приключение было, ты вообще от нас не уходила. Мне, конечно, лестно, что ты нашу кухню так любишь, но Варя ведь где-то есть.

Катя надела фартук.

— Я хочу спросить, можем ли мы следующую неделю выдержать без моего постоянного присутствия на ранней отгрузке.

— Можем. Если каждый будет делать свою работу, а не смотреть, когда хозяйка прибежит и проверит.

— И ты тоже сможешь?

Надежда Петровна наконец повернулась. Под глазами у неё залегли серые тени. Обычно она прятала усталость в движении: пока говорила, успевала поправить бумагу, протереть край стола и проверить, поднялось ли тесто. Сегодня стояла спокойно.

— Не всё лето подряд. Я тебе о чём говорила ещё зимой? Хоть одного человека надо выучить на простые операции. Не вместо меня. Чтобы я могла иногда сходить к врачу или к внучке на школьный праздник.

Катя вспомнила разговор. Она тогда сказала: «К лету посмотрим». К лету действительно пришлось посмотреть, только совсем по другому поводу.

— Я считала нового сотрудника в смете. Пока не тянем полную ставку.

— А полную и не надо с первого дня. Любу можно научить принимать готовые изделия и работать с расстойкой под контролем. Она давно просится. Сын у неё подрастает, ей деньги нужны. Только если из неё хочешь пекаря, надо учить по-человечески, а не бросать одну перед печью.

— Люба не говорила, что хочет в цех.

— Тебе не говорила. Ты, когда разговариваешь, смотришь на часы.

Это было сказано без злости. Потому Катя и не смогла отмахнуться.

В семь Люба пришла с пакетом, в котором что-то металлически позвякивало. Вытащила из пакета пластиковую коробку с крышкой и водрузила на стол.

— Кирилл сделал бутерброды, — объяснила она. — В школу себе и мне. Мои с огурцом. Его без огурца, потому что огурец, оказывается, разрушает характер человека.

— Сколько ему теперь? — спросила Катя.

— Одиннадцать. И он уже способен объяснить, почему мать неправильно хранит сыр. А вот ботинки убрать от двери пока не способен.

Она прошла в зал, включила свет над витриной — и поймала взгляд Надежды Петровны: та следила за ней с необычным интересом.

— Что? — спросила Люба.

— Ничего. Катя с тобой после завтрака поговорит.

— А можно без этого? — Люба остановилась с подносом в руках. — У меня с утра и так ощущение, будто классная руководительница позвонит.

Катя засмеялась и пообещала, что никаких неприятностей не случилось. Люба не поверила, но поднос расставила.

Четвёртую поставку в «Берег» они отправили без задержки. На этот раз водитель сам попросил показать контрольный лист и, пока Люба сверяла коробки, терпеливо ждал возле заднего входа. Из гостиницы пришло короткое сообщение от Тамары: «Всё принято. Яблочные вчера закончились. На завтра семь штук, обычных восемнадцать». Катя занесла количества в таблицу. Пять дней испытания ещё не закончились, но впервые она увидела признаки повторяющегося заказа, а не разового интереса.

В половине девятого позвонил Максим.

— У меня для вас есть хороший вариант. На новой набережной, светлое помещение, окна почти в реку. Собственник согласен показывать сегодня.

— Там есть кухня?

— Была. Ну, в смысле, что-то готовили. Это раньше была точка питания.

— Что-то — это чайник или печь?

— Екатерина, я не технолог. Но фотографии вам понравятся.

Катя попросила адрес, площадь, план и данные по электрической мощности. Максим выслал только адрес и шесть фотографий: стеклянная дверь, деревянная стойка, светлый зал, небольшой санузел, ещё один зал и вид на реку. Кухонную часть не показал ни на одном снимке.

— У тебя с такими помещениями роман, — сказала Надежда Петровна, взглянув на экран. — Сначала влюбишься в окна, потом узнаешь, где у них канализация.

— Поехали вместе.

— А кто печь будет караулить?

— Сходим после одиннадцати. Люба останется в зале, цех подготовим на завтра. Ничего в это время печь не будем.

— Ничего не обещай. Покажешь расписание — поговорим.

Катя показала. И в очередной раз поразилась: Надежда Петровна требовала не чудес, а обычного порядка, но раньше почему-то казался роскошью.

В одиннадцать сорок они стояли на новой набережной перед бывшим кафе. Ветер гнал по плитке сухие листья, которые чудом сохранились с осени под деревянными ящиками для цветов. За стеклом пустого зала виднелись четыре светильника и стойка из светлого дерева. Помещение действительно выглядело красивым. Катя сама стала представлять, где можно поставить витрину, прежде чем Максим успел открыть дверь.

— Раньше здесь делали кофе и панини, — объяснил он. — Потом арендаторы съехали. Зал тридцать восемь метров, подсобная часть двадцать два, ещё санузел и маленький коридор. Собственник готов дать каникулы на ремонт.

— На сколько?

— Обсудим. Может, месяц.

Надежда Петровна прошла мимо стойки и сразу открыла дверь в подсобную часть. За ней оказалась длинная комната с моющейся плиткой до середины стены, одной глубокой раковиной и небольшим квадратным окном. Возле раковины стоял бак для воды. На потолке темнело круглое отверстие, затянутое сеткой.

— Это вентиляция? — спросила Катя.

— Вытяжка, — сказал Максим.

Надежда Петровна подняла на него глаза.

— Вытяжка чего?

— Воздуха.

— Воздух, конечно, важен. А куда он идёт?

Максим развёл руками. Собственник, мужчина в сером пальто с широкими лацканами, предложил подняться на второй этаж и спросить у управляющей компании. Он не был против производства: ему даже нравилась идея настоящей пекарни, потому что запах хлеба на набережной, по его словам, «повысит привлекательность локации».

— Запах мы вам устроим, — сказала Надежда Петровна. — Вопрос, что будет с теплом, паром и соседями над нами.

Над помещением действительно располагались квартиры. Катя подняла глаза на потолок. Отдельного вытяжного канала для производственной кухни на плане не обозначили. Провод от старого гриля уходил к щитку, а мощность по документам, которые собственник принёс из машины, была рассчитана на прежнее кафе. Катиной печи и тестомесу этого заведомо не хватало — без инженерной проверки и, вероятно, увеличения подключения.

— Но сейчас здесь большая розетка, — указал хозяин. — Они туда оборудование включали.

— Розетка не даёт права потреблять столько, сколько хочется, — ответила Катя. — Мне надо получить технические условия и понять, можно ли вообще согласовать такой режим работы.

— Вы не первая предпринимательница, — заметил он. — Все сначала говорят про документы, а потом спокойно работают.

Надежда Петровна ничего не сказала. Только взяла Катю за локоть и отвела к окну.

— Посмотри туда, — попросила она.

— На реку?

— Нет, ниже. Во двор.

Под окном проходила узкая дорожка к мусорным контейнерам. Погрузочный вход был общим с жилым подъездом. К нему вёл маленький пандус, на котором уже стоял чей-то велосипед с детским сиденьем.

— Муку тебе сюда будут носить? — спросила Надежда Петровна. — Каждую неделю? А ночью тележкой загремишь — кто первым полицию вызовет, жильцы или хозяин?

Катя отошла от окна. Ей всё ещё нравился зал. Стекло, свет, вода за ним — на фотографии это была почти готовая жизнь. Но настоящая работа состояла не только из посетителей с бумажными стаканами. Сначала нужно было привезти муку, включить печь и отвести пар.

Она попросила копии документов и объяснила Максиму, что без предварительного инженерного заключения решение об аренде принимать не будет. Собственник нахмурился.

— Я могу подождать несколько дней. Но мне уже предлагают помещение под сувенирный магазин. Там никаких ваших труб не понадобится.

— Значит, для сувенирного магазина оно, возможно, подходит лучше, — сказала Катя.

На улице Максим догнал их у скамейки.

— Екатерина, ну нельзя же сразу отказываться. Это лучшее по расположению из того, что я показывал.

— Я не отказываюсь. Я говорю, что у помещения есть ограничения. Если собственник готов проверить возможность переоборудования — посмотрим. А если хочет договор завтра, я его не подпишу.

— Вам так никогда ничего не найти.

— Возможно, — сказала Надежда Петровна. — Зато мы не начнём выпекать пироги в витрине. Хотя с реки, наверное, будет красиво.

Максим обиделся. Они расстались холодно, и Катя поняла, что показов после этого может стать меньше. Она не жалела об отказе, но жалела о собственных десяти минутах, когда успела представить, как расставит столики.

Надежда Петровна долго молчала, пока они шли к остановке на площади. Потом вдруг спросила:

— Ты не сердишься?

— На что?

— Что я тебе всё испортила. Ты ведь сразу увидела там свою вывеску.

Катя остановилась.

— Я увидела зал. А ты — кухню. Это разные вещи. Мне тебя за это благодарить надо.

— Мне не благодарность нужна. Мне надо, чтобы ты наконец спросила, сколько ещё я могу работать с половины пятого. Я здоровье в расчёт тоже хочу включить.

Катя присмотрелась. Под серой шапкой волосы Надежды Петровны казались совсем белыми; они знали друг друга столько лет, но возраст пекаря почему-то всегда существовал отдельно от работы. Надежда Петровна была здесь, когда открывался цех, здесь же, когда ломалась печь. Даже в отпуске она звонила уточнить, не пересушили ли штрудели.

— Ты хочешь уйти?

— Я хочу иметь возможность уйти домой вовремя. Не с работы насовсем. Ты меня либо учи отдыхать, либо ищи кого-нибудь, кому можно передать противень.

Катя улыбнулась, но пекарь не улыбнулась в ответ.

— Это не шутка, Кать. У внучки в следующем месяце концерт в музыкальной школе. Я второй год обещаю прийти. В прошлый раз пропустила из-за заказов. Я ведь тоже умею произносить «постараюсь».

Слова неприятно отозвались в Кате. Вчера Варя просила про пятницу. План, как уйти, Катя с утра уже составила.

— Давай в понедельник выделим время для обучения Любы, — сказала она. — Не вместо смены, а отдельные оплаченные часы. Сначала упаковка и контроль партий, потом посмотрим, что она сама хочет. И к концерту твоей внучки составим график заранее.

— Любу сначала спроси, — ответила Надежда Петровна. — Может, она вовсе не хочет становиться второй мной. Одной меня вам хватает.

На работе Катя так и сделала. Люба выслушала предложение, поставила на пол корзину с пустыми пакетами и села.

— Я хотела бы научиться, — сказала она. — Но у меня Кирилл после школы один до моего возвращения. Если смены станут длиннее, сначала надо решить с ним. И не хочу, чтобы за дополнительные обязанности говорили «ну ты же у нас своя».

— Не будем, — ответила Катя. — Составим план обучения и отдельную оплату. Пока ничего не меняем в расписании без твоего согласия.

— Тогда я подумаю до понедельника.

К вечеру позвонила Инна Юрьевна. Завтрашний заказ был согласован, все три предыдущие после ошибки поставки приняты без замечаний. Но управляющая попросила Катю приехать в пятницу после завтрака: нужно было обсудить результаты пробной недели.

— Если всё пойдёт нормально, поговорим об объёмах на июнь, — сказала она. — И о том, как вы собираетесь работать после тридцатого.

Катя убрала телефон и посмотрела на календарь. Завтра в пять — Варина школьная комиссия. Утром — «Берег». Между ними — целый рабочий день, который пока выглядел слишком тесным.

Она открыла заметку с напоминанием «Уйти в 16:10» и добавила возле неё имя Любы. Не как запасного человека на случай неприятности. Как человека, с которым нужно заранее договориться.

Глава 13. Непрошеные советы

Сергей позвонил в пятницу, когда Катя завязывала фартук, и начал с вопроса, который означал, что разговор будет длинным:

— Тебе удобно?

Обычно, если дело касалось Вари, он сначала спрашивал про неё. Теперь Катя услышала за его голосом музыку из автомобильного радио и шум открытой дороги. Значит, ехал и собирался решить заодно несколько вопросов.

— Две минуты есть. Ты за рулём?

— На заправке. Слушай, я на лето подумал. Весь июль Варя могла бы пожить у нас. У Олеси отпуск в первой половине месяца, потом моя мама к нам приедет. За город на выходные будем выезжать, ей полезно. Ты ведь в это время пекарню переносишь, верно?

Катя присела на низкий табурет у подсобки. Сергей говорил быстро, словно хотел успеть убедить её прежде, чем она начнёт задавать вопросы. «У нас» означало его нынешнюю семью. С Олесей он жил уже третий год, и Варя относилась к ней без особенной нежности, но и без вражды. Кате нравилось, что Олеся никогда не пыталась именоваться второй мамой. Сам Сергей, напротив, иногда разговаривал так, будто любой вопрос можно решить хорошим предложением.

— Варя уже знает о твоём плане?

— Пока нет. Хотел сначала с тобой согласовать.

— Она в июле собиралась на занятия по городскому проекту. Они с Лёшей хотят доработать остановку.

— Ну, это же не каждодневная школа. Поделают там неделю и хватит. Неужели ей лучше всё лето сидеть у тебя в магазине, пока ты трубы меняешь?

Катя услышала, как по стеклу машины щёлкнула сухая капля: Сергей, наверное, закрыл окно. Из цеха доносился перестук противней, кто-то вошёл через заднюю дверь. Для спора было не место.

— Ты сейчас предлагаешь забрать Варю на месяц или спрашиваешь, хочет ли она приехать?

— Катя, я предлагаю помочь. У тебя непростой период, я вижу. И дочь на мне тоже, между прочим.

— Разумеется. Поэтому сначала обсудим с ней. И ты сам скажешь, какие у тебя рабочие дни, а какие выходные. Без формулировок «будет кто-нибудь дома».

Сергей вздохнул.

— У тебя всё всегда как договор подряда.

— Договор подряда хотя бы можно прочитать до начала работ.

— Я за неё переживаю, — сказал он уже тише. — Она в прошлый раз всё спрашивала, вы действительно переезжаете или закрываетесь. И почему ты ей толком не объясняешь.

Катя ощутила укол. Она и правда часто отвечала Варе неопределённо. Не потому, что хотела скрыть, а потому, что самой хотелось иметь хоть один законченный ответ.

— Я поговорю с ней. Но не объявляй ей, что на лето всё решено. Хорошо?

— Хорошо. Давай вечером втроём созвонимся.

— Сначала я с ней поговорю одна. Сегодня у неё выступление, не хочу с утра устраивать совет семьи.

— Опять эта остановка?

— Не опять. Они её доработали.

Сергей немного помолчал.

— Если пришлёт фотографии, посмотрю. Я ведь сам в прошлом году предлагал остановку возле нашей работы поменять. Там до сих пор лужа по колено.

— Вот. У вас будет общая тема.

Когда они закончили разговор, Катя обнаружила, что завязала фартук на два узла и теперь не может развязать. Надежда Петровна подошла с ножницами, но Катя отказалась и распутала узел вручную.

К девяти они завершили пробную поставку недели. Инна Юрьевна прислала отметку о приёмке, а Тамара — фотографию пустой корзины возле кофейного аппарата. «Наконец-то про ваши яблочные спросили, — подписала она. — Двое гостей хотят узнать, где купить на дорогу». Катя ответила адресом старой пекарни и пометкой, что после июня он изменится. Даже собственную хорошую новость — и ту приходилось сообщать с оговоркой.

В половине одиннадцатого она приехала в «Берег». Управляющая сидела за маленьким столом в комнате возле кухни. Перед ней лежали распечатанные накладные за пять дней, лист с замечаниями Тамары и таблица загрузки гостиницы. Она не поздравляла Катю с успешным испытанием, но предложила чай. По меркам Инны Юрьевны это уже был знак дружелюбия.

— Если считать первый день, — начала она, — у вас была одна несоответствующая партия. Дальше четыре поставки без ошибок. По срокам все, кроме допоставки в понедельник, выдержаны. По качеству замечаний нет. Возвраты по браку нулевые.

— А по остатку на столе?

— Слойки стали брать лучше, когда Тамара выставила их рядом с фруктами, а не с хлебом. Обычные булочки стабильнее. Это не научный вывод, но для заказа нам хватит. Вы мне скажите другое: сколько готовы поставить в июне без того, чтобы оставлять собственную витрину пустой?

Катя достала таблицу мощности смены. Она учла не только тесто и печь, но и остывание, упаковку, уборку, доставку, два выходных для Надежды Петровны и обычные продажи. Взяла запас на поломки, хотя хотелось назвать цифру побольше.

— В будни начнём с дневного заказа от двадцати до тридцати пяти изделий по двум позициям. На выходные — только по отдельному подтверждению, если сможете давать заявку раньше. В дни городских мероприятий объём отдельно согласуем, не автоматически.

— Разумно. А теперь неприятное. У нас бухгалтерия оплачивает счета по реестру, не каждый день. Для постоянных поставок предлагаем отсрочку после закрытия периода. Договор можем подготовить на июнь, но нужна точная схема на июль. Если вы переезжаете, кто отвечает за производство в дни остановки?

— Обещать отсутствие остановки, пока не нашла помещение, я не могу, — ответила Катя. — Могу зафиксировать даты, когда мы уведомим вас о переходе, и заранее согласовать временное сокращение объёма. А если вы потребуете непрерывность при любом варианте, договор я не смогу исполнить.

Инна Юрьевна медленно провела по бумаге подушечкой пальца.

— Вы знаете, сколько поставщиков мне за этот год говорили «без проблем»?

— Догадываюсь.

— Одиннадцать. Из них двое действительно смогли без проблем. Мне не нужна ваша смелость. Мне нужен хлеб в семь утра.

— Тогда давайте обсуждать такие условия, которые я выполню.

Управляющая впервые за встречу улыбнулась.

— Вот об этом и поговорим в понедельник. Сегодня я попрошу бухгалтерию сделать проект договора. Вы с вашим бухгалтером посмотрите. Никакой подписи с ходу.

Они ещё согласовали порядок изменения заявки, фиксирование несоответствий, номера для экстренной связи. Катя вышла в одиннадцать сорок с папкой, в которой было больше вопросов, чем ответов, и без чувства поражения. Так выглядела настоящая работа.

На Советской, перед самым «Причалом», сидела женщина с двумя тканевыми сумками и рассматривала листовку городского праздника. Катя узнала Антонину Семёновну. Та подняла голову.

— Вы, кажется, хлебную лавку переносите?

— Пытаюсь.

— А говорят, что всё уже продали. Люди у нас любят продавать чужое имущество, особенно по телефону.

Катя присела на свободный край скамейки.

— Пока только старую печь выставили на продажу. И то без спешки.

— Я вам вот что скажу. Не выбрасывайте старые листки Маргариты Ивановны, если найдёте. Она мне однажды выдала рецепт пирога с черёмухой, а потом сказала, что забыла записать, сколько там воды.

Катя пригляделась к ней с новым интересом.

— Так это вы та самая Антонина с Речной? Она вам ватрушки откладывала.

— А кому ещё? — пожала плечами женщина. — У нас тогда две Антонины было, но другая пела в хоре и терпеть не могла творог. Маргарита всё путала, зато ватрушки не путала.

Катя достала телефон и показала фотографию старого меню. Антонина Семёновна сначала рассмеялась, затем придвинула экран ближе.

— Ничего себе. Гена без лука. Его жена потом строго следила, чтобы никто ему по привычке не положил. Он ведь сам забывал спросить.

— Надежда Петровна мне рассказала. Я хотела Маргарите Ивановне позвонить.

— Позвоните. Только не обещайте, что вернёте всё как было. Ей нужно знать, что пекарня работает, а не что прошлое восстановили по бумажке.

Она поднялась, поправила сумки и пошла вверх по улице, оставив Катю с простой мыслью: старые рецепты действительно принадлежали времени, которого не вернуть. Но кто-то ещё помнил вкус, и этот человек жил в пяти минутах ходьбы.

К обеду Катя вернулась в пекарню. Люба стояла возле холодильной витрины с чужой школьной папкой в руках. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, ждал мальчик лет одиннадцати с веснушками на носу. Он был выше, чем Катя ожидала, и очень серьёзно выглядел в куртке, где одна молния застёгнута, другая нет.

— Это Кирилл, — сказала Люба. — Он прибежал за тетрадью, оставил её у меня утром. Только сейчас выяснилось, что в тетради домашняя работа на понедельник.

— В ней всё равно ничего важного, — возразил Кирилл. — Мы там писали про почву.

— Почва у нас, конечно, бесполезный предмет, — ответила Люба. — Особенно когда на ней всё растёт.

Кирилл пожал Кате руку с такой церемонной серьёзностью, что ей пришлось удержаться от улыбки. Потом заметил возле двери две коробки с бирками для продажи оборудования.

— Вы закрываетесь?

— Не планируем, — ответила Катя. — Ищем другое место.

— Мама говорит, пока непонятно.

Люба поглядела на сына с раздражённой нежностью.

— Мама говорит, что всё надо узнавать, прежде чем рассказывать в классе.

— Я и не рассказывал. Меня Даня спросил. Его бабушка тут рогалики покупает.

Кирилл ушёл, забрав тетрадь и одну обычную булочку. Люба ещё некоторое время смотрела в дверь. Потом повернулась к Кате:

— Я подумала про твоё предложение. Учиться хочу. Но сначала мне надо понять, что с зарплатой будет. Я не прошу обещать повышение навсегда. Я хочу знать, сколько будет стоить время, которое я проведу в цехе, и не потеряю ли часы за кассой.

Катя достала блокнот.

— Я сделаю расчёт на понедельник. Время обучения оплачиваем отдельно, кассовые смены не забираем без согласования. Если после месяца поймём, что это не твоё, ты остаёшься продавцом. Никаких наказаний за то, что попробовала.

— А если это моё?

— Тогда пересмотрим должность и ставку. Когда будет что считать.

Люба поставила папку Кирилла на полку.

— Я только предупреждаю: если научусь печь лучше Надежды Петровны, она меня сама выгонит.

— Выучись сначала не путать тару, — раздалось из цеха.

— Вы слышали? — сказала Люба. — Она вообще всё слышит. Даже через закрытую дверь.

В два Катя попыталась написать Варе о разговоре с Сергеем. Набрала: «Папа предлагает, чтобы ты побыла у него в июле». Взглянула на экран и стёрла. Дочь сейчас готовила выступление. Незачем было приносить ей ещё одну взрослую проблему на телефон. Они поговорят дома, а не между сообщениями о погоде и хлебе.

В три пятнадцать Катя закрыла вопрос с поставщиком муки, в три сорок утвердила оплату ремонта витрины и оставила у кассы список, где было написано, кому звонить при поломке, а кому — лишь после проверки оборудования. Люба прочитала список и подняла брови.

— Неужели ты сегодня уйдёшь вовремя?

— Собираюсь.

— Тогда не смотри на телефон хотя бы до школы.

Катя кивнула. В четыре десять она сняла фартук, повесила его на крючок и собралась выйти. Но телефон завибрировал раньше, чем она коснулась дверной ручки.

На экране высветилось: «Тамара. Берег».

Глава 14. Слова после репетиции

Катя ответила на звонок, уже придерживая дверь плечом.

— Екатерина, это Тамара из «Берега». Извините, что в такое время. У нас группа приехала раньше на два часа, а поставщик к кофе-паузе сорвал доставку. Инна Юрьевна просила узнать: сможете сделать тридцать несладких булочек к шести? Мы сами заберём. Если нет — скажите прямо, будем искать другой вариант.

Катя взглянула на часы. Шестнадцать одиннадцать. До школы двадцать минут пешком, на машине с учётом перекрёстка — почти столько же. К пяти Варя должна была начать выступление. Тридцать булочек можно было сделать, но не из воздуха: тесто нужно поставить, разделать, дать подойти. Если Надежда Петровна оставалась, они, возможно, успевали; если не оставалась, нет.

— Уточните состав и массу. Без начинки?

— Да. Лучше с сыром, если есть. Но обычные тоже возьмём, лишь бы не сладкие. Вы сможете?

Катя увидела в зале Любу, которая убирала из витрины последние пирожки. За её спиной Надежда Петровна выключала оборудование. Они обе уже собирались заканчивать смену.

— Мне нужно пять минут на расчёт. Перезвоню.

Она убрала телефон в карман. Люба заметила выражение её лица раньше, чем Катя успела открыть рот.

— Что-то случилось?

— «Берег» просит тридцать несладких булочек на вечер, дополнительный заказ. Нужно к шести.

— А ты в школу идёшь, — сказала Люба.

Катя кивнула.

Надежда Петровна вышла из цеха с полотенцем на плече.

— К какому шести?

— Сегодня.

— Сырное тесто мы уже не поставим. На обычные можем сделать ускоренную схему, но рецептуру менять ради спешки не будем. Сначала проверь, сколько готовых заготовок в холодильнике. И не рассказывай, что всё успеем, пока не посчитали.

Катя проверила записи. Для вечерней витрины оставалось шесть заготовок; остальное пришлось бы готовить с начала. Она набрала на листе производственный график. Если начинать сейчас, упаковка закончится около половины шестого. Надежде Петровне пришлось бы остаться минимум на час сверх смены. Люба могла организовать выдачу и проверку, но только после согласования.

— Мы можем отказаться, — сказала Люба. — Они же спросили, а не приказали.

Катя это слышала. И в тот же момент мысленно видела Инну Юрьевну: пять дней пробных завтраков, одна ошибка, четыре хороших поставки и сейчас просьба, на которую можно ответить «да». Не подписанный контракт, не гарантированная работа — но шанс показать, что с «Тёплым хлебом» удобно иметь дело.

Она набрала Тамару.

— Тридцать обычных булочек, без сыра, по согласованной массе. Готовность не раньше половины шестого. Самовывоз, отдельный заказ и оплата по счёту. Подтвердите, что это подходит.

— Подходит. Спасибо. Я Инне Юрьевне передам.

Катя положила трубку. Разговор занял меньше минуты. Всё самое важное она уже решила.

— Зачем? — спросила Люба.

— Нам нужны заказы.

— Нам нужны деньги, — поправила Надежда Петровна. — А ещё люди, которые будут их зарабатывать. Ты у меня спросила, могу ли остаться? Я завтра хотела позже прийти, у меня анализы назначены.

Катя замерла. Она действительно ничего не спросила, прежде чем согласиться.

— Прости. Я оплачу сверхурочные. И завтра подвинем график.

— Не в деньгах дело. Иногда и в них, конечно, — сказала Надежда Петровна. — Но ты уже обещала. Теперь всё равно придётся разбираться.

Люба подняла ключи с прилавка.

— Я останусь до выдачи, если Кириллу сейчас позвоню. Он сам дома, уроки сделал, ужин есть. Мне только надо предупредить его и согласовать оплату. И ты, Катя, иди в школу. Ты тут не поможешь больше, чем мы вдвоём.

Катя почувствовала благодарность и одновременно знакомую тревогу. Когда она сама стояла возле печи, всё было хотя бы у неё перед глазами. Ошибка понедельника с кунжутом вспыхнула в памяти так ясно, словно тот звонок повторился.

— Я должна проверить маркировку и выпуск.

— Мы с Надеждой Петровной проверим, — ответила Люба. — Лист же для этого и сделали.

— Это первый внеплановый заказ в таком режиме.

— Когда-то всё бывает первым.

Надежда Петровна убрала полотенце со стола.

— Катя, решай. Если хочешь остаться — оставайся. Только потом не говори, что тебя не отпускали.

На часах было шестнадцать двадцать четыре. Можно было успеть. Нужно было только снять фартук и довериться людям, которые семь лет работали рядом с ней. Но она открыла журнал выпуска, проверила количество сырья, затем принесла бумажные вкладыши под коробки. Пока искала нужные, прошло ещё десять минут. Потом оказалось, что клей для этикеток на новом рулоне держится хуже и надо проверить на образце. Надежда Петровна уже возилась с тестом, Люба принимала звонок от сына. Катя сказала себе, что уйдёт, когда все заготовки будут разделаны.

В половине пятого Варя прислала сообщение: «Мы начинаем в 17:05. Ты уже идёшь?»

Катя ответила: «Задержалась на заказе. Постараюсь к началу». Она прочла написанное и ощутила неприятный холод. Но сообщение уже ушло.

Надежда Петровна ничего не сказала. Только отмерила очередную порцию теста и поставила перед Любой весы.

В шестнадцать сорок семь Катя наконец вышла из пекарни. До школы оставалось двадцать минут, если не задерживаться у светофоров. Она почти бежала через сквер, обогнула скамейку у клумбы, где Николай Матвеевич разговаривал с другим пожилым мужчиной. Он окликнул её, но она только махнула рукой.

На углу Советской перекрёсток оказался перекрыт дорожными рабочими. Меняли решётку ливнёвки. Катя перешла на другую сторону, затем вернулась, потеряв ещё несколько минут. На площади зазвонил телефон. Она решила не отвечать, но увидела на экране имя Надежды Петровны и остановилась.

— Что случилось?

— Ничего. Ты в школу дошла?

— Нет. Сейчас.

— Вот и иди. Мы с Любой сами справляемся. И ещё: я завтра после анализов выйду к девяти, не раньше. Ты только не забудь.

— Договорились.

— Не записывай. Слушай.

Катя убрала телефон. Школа уже виднелась через площадь. У крыльца стояли родители, кто-то фотографировал плакат с надписью «Город начинается с нас». В открытом окне актового зала слышался женский голос: преподаватель благодарила участников за работу и просила оставить макеты до понедельника.

Катя вошла почти в половине шестого.

В зале ещё было людно. Вера Борисовна разговаривала с учителем, возле сцены двое школьников пытались закрыть большой экран. Андрей Громов стоял у звукового пульта, складывал микрофонные кабели и что-то объяснял подростку в чёрной футболке. У первого ряда Варя и Лёша убирали свой макет в коробку. Он стал заметно аккуратнее, чем неделю назад: картонные опоры обклеили серой бумагой, возле скамейки появилась маленькая табличка о высоте посадки. На боковой стенке коробки была прикреплена схема, которую Катя видела вчера вечером.

Варя подняла глаза.

— Ты пришла.

— Прости. Заказ срочный. Вы уже выступили?

— Да.

— Как прошло?

— Нормально.

Лёша, стоявший рядом, неловко улыбнулся.

— Нам сказали, что можно передать материалы в рабочую группу при администрации. Только там ещё будут проверять, это не значит, что остановку построят.

— Это же замечательно! — Катя посмотрела на дочь. — Варя, я так рада.

Дочь закрыла коробку.

— Ты же не слышала, что мы рассказывали.

Катя могла бы попросить повторить — в другой ситуации получила бы подробное объяснение с чертежами. Но сейчас за Вариной фразой стояло не желание рассказывать, а констатация. Мать снова опоздала.

— Я знаю, — сказала Катя. — И мне жаль. Я могла уйти раньше. Люба и Надежда Петровна справлялись, просто я…

— Просто ты осталась, — закончила Варя.

Андрей подошёл, держа в руках свёрнутый кабель.

— Привет. Вы уже собрались? Вера Борисовна просила фото всех макетов сделать перед тем, как их уберут. Если хотите, могу позвать Павла.

Варя напряглась. Катя это заметила. Дочь оглянулась на Андрея, затем на мать.

— Не надо. Лёша всё снял.

— Хорошо, — ответил Андрей. — Я не настаиваю.

Он отступил, оставив им место возле ряда стульев. Но его появление оказалось некстати. Катя вдруг увидела происходящее с Вариной стороны: в школе она не застала матери, зато встретила Андрея, который действительно был там и помогал со звуком. Он ничего не сделал плохого; тем не менее рядом с ним Катя выглядела человеком, у которого появилась новая жизнь, куда дочь попадает по расписанию.

На лестнице Варя шла впереди. Лёша попрощался на первом этаже: за ним приехал отец. Катя взяла у дочери один край коробки. Та не возражала, но и не помогла перенести неловкий разговор.

— Папа звонил, — сказала Варя, когда они вышли во двор.

Катя замерла.

— Что сказал?

— Что хочет, чтобы я июль у него провела. Он попросил не решать сразу. Я сказала, что подумаю.

— Мы с ним собирались сначала поговорить с тобой вместе.

— Ну вот. Он уже поговорил. И не надо рассказывать, что он опять что-то неправильно сделал. Я сама могу решить, хочу или нет.

Катя почувствовала раздражение на Сергея, но на смену ему быстро пришла усталость: вечером, когда она сама повела себя неправильно, надо было быть правильным взрослым.

— Я не собираюсь решать за тебя. Мне просто хотелось сначала понять, что именно он предлагает.

— Он предлагает жить у них. У него с Олесей. И к бабушке ездить. Это не Марс.

Они дошли до машины. Катя открыла багажник, осторожно положила коробку. Варя стояла возле пассажирской двери и смотрела на мокрую полоску асфальта, оставшуюся после поливальной машины.

— Я должна тебе объяснить, — начала Катя.

— Не надо.

— Я не из-за Андрея сегодня опоздала. В гостинице попросили срочно заменить поставку. Я согласилась, хотя могла отказаться или доверить её Любе с Надеждой Петровной.

— Я знаю, что ты не с ним гуляла, — сказала Варя. — Он с самого начала здесь был. Он даже спросил, придёшь ли ты. Я сказала, что придёшь.

Это оказалось хуже обвинения. Взрослый человек за день успел сделать массу правильных вещей: принял пять поставок, провёл переговоры, не поссорился с собственником, продумал маркировку. И всё-таки самое простое — прийти, когда обещал, — снова не получилось.

— Я была неправа, — сказала Катя. — Не потому, что мне надо оправдаться перед твоим папой. И не потому, что Андрей здесь был. Я обещала и не сделала.

Варя открыла дверь.

— Мама, я тебе верю. Я просто больше не хочу ждать.

По дороге домой они почти не разговаривали. Катя включила поворотник за два перекрёстка до дома, потому что забыла его выключить после предыдущего. Варя заметила и молча показала на приборную панель. Катя исправила ошибку. На секунду обеим захотелось рассмеяться: дочь с детства сердилась на водителей, которые не следят за поворотниками. Но смех не получился.

Дома Варя отнесла коробку в комнату, достала тетрадь и села за стол. Катя разогрела ужин, поставила две тарелки и позвала дочь. Та пришла, съела несколько ложек и вдруг спросила:

— А если пекарня переедет, мы тоже переедем?

— Нет. Квартиру менять не собираемся.

— Даже если далеко будет?

— Даже если далеко. Я буду искать, как ездить на работу. Мы здесь живём.

— А Андрей? Он тут теперь всегда будет?

Катя положила вилку. Вопрос был задан не сегодня — за ним давно стояли другие, дочь только выбирала удобный момент.

— Я пока сама не знаю, где он будет работать осенью. Мы недавно снова познакомились. Он мне нравится. Но переезжать к нему или приводить его сюда жить я не стану, не поговорив с тобой.

— Ты думаешь, я маленькая? — спросила Варя.

— Нет. Я думаю, что мы с тобой живём вдвоём и не имеем права делать вид, будто это касается только меня.

Варя помолчала.

— А Соня? Она теперь тоже с нами будет?

— Нет. Она с папой и с мамой, у неё свой дом и своя школа. Их взрослые сами договариваются, как ей жить. Мы не станем назначать ей новую семью.

— Просто все взрослые после развода говорят, что ничего не изменится, — сказала Варя. — А потом у них всё меняется. И ты ещё называешь это «потихоньку».

Катя посмотрела на дочь. После развода с Сергеем им пришлось менять квартиру, покупать другую мебель, согласовывать выходные и праздники. Катя тогда считала, что главное — не вовлекать ребёнка во взрослые ссоры. Но сама жизнь всё равно изменилась, и никто не смог уберечь Варю от необходимости к ней приспосабливаться.

— Ты права, — признала Катя. — Иногда меняется. Я не могу обещать, что у нас всегда будет точно так, как сейчас. Могу обещать только, что не стану принимать важные решения за твоей спиной. И если будет трудно — не заставлю тебя изображать, что всё прекрасно.

— Это не очень красивое обещание.

— Зато я надеюсь его выполнить.

Варя слегка тронула вилкой кусочек картошки.

— Папа сказал, что в июле у них есть место для моего велосипеда.

— Ты хочешь поехать?

— На две недели, может быть. Но я не хочу пропустить работу над остановкой. И чтобы вы с папой не выясняли, кто меня больше любит, пока решаете расписание.

— Мы не будем.

Дочь посмотрела на неё.

— Только не говори так быстро.

Катя кивнула.

— Хорошо. Я сначала поговорю с ним о конкретных датах и о твоём проекте. Потом мы втроём обсудим. И ты сможешь сказать, что думаешь.

Они доели ужин. Телефон лежал у Кати экраном вниз, хотя там было несколько рабочих сообщений. Одно — от Любы: «Заказ приняли, всё по списку. Кирилл проверил, что я вернулась домой. Смешной ребёнок». Второе — от Андрея: «Не буду спрашивать про школу. Если захочешь поговорить, позвони». Она прочитала их позднее, когда Варя уже закрыла дверь в свою комнату.

Ответила Любе: «Спасибо за работу. В понедельник оплату и график обсудим». Андрею написала: «Сегодня не получится. Нам с Варей надо разобраться». Он ответил одним словом: «Понимаю».

Катя погасила экран. Впереди было множество сложных вопросов, и она вдруг поняла: никакой новый адрес пекарни не оправдает того, что домашний адрес постепенно перестал быть местом, куда она приходит вовремя.

Глава 15. Договор на бумаге

В субботу утром Катя приехала в пекарню на час позже обычного. Договорились об этом ещё накануне: Надежда Петровна после обследования должна была отдохнуть, Люба открывала зал, а Катя сама занималась подготовкой теста для розничной продажи. Пришлось сократить утренний ассортимент. На вывеске возле кассы Люба аккуратно написала: «Пироги с вишней — с десяти. Спасибо за ожидание».

К девяти двое покупателей успели возмутиться.

— Раньше к восьми всё было, — сказала женщина в голубой куртке. — Теперь каждый раз по-новому. Вы закрываетесь, что ли?

Люба спокойно объяснила, что пекарня работает, график скорректировали на сегодня и нужные пироги можно забронировать. Женщина сказала, что бронировать пирог — это уже слишком, и ушла с батоном. Следом пришёл Николай Матвеевич, прочитал объявление и заметил:

— Ну и правильно. Вишня у нас тоже иногда отдыхает.

— Вы бы её видели, когда она отдыхает у нас в холодильнике, — сказала Люба.

Он посмеялся, купил обычный хлеб и попросил сообщить, когда будет новый адрес. Люба записала его номер в отдельную тетрадь для постоянных клиентов. Катя увидела тетрадь и попросила положить рядом карточку с вопросом о согласии на сообщения об открытии. Не всем хотелось, чтобы их телефон оказался в чужом списке просто потому, что они покупают хлеб.

— А Николай Матвеевич? — спросила Люба. — Он же сам просил.

— Его запиши. Остальных — только после вопроса. И никаких общих рассылок с чужими номерами на виду.

— Я поняла. Ты у нас теперь ещё и министр связи.

В десять приехала Елена Викторовна с планшетом и большой сумкой. Бухгалтер никогда не ходила в пекарню с пустыми руками: либо приносила документы, либо набирала продуктов для всей семьи. На этот раз принесла толстую папку, которую Катя совсем не ждала.

— Инна Юрьевна переслала проект договора на постоянные поставки, — сказала она. — Пока только проект. Я распечатала и отметила то, с чем соглашаться нельзя.

— Разве она обещала к понедельнику?

— Обещала поговорить. Их бухгалтерия оказалась расторопнее, чем ты думала. Не обольщайся: это типовой договор, его никому специально не писали.

Они сели в маленьком закутке за складом упаковки. Елена Викторовна разложила перед Катей листы, достала ручку и поставила рядом коробку с сырными пирожками.

— Читать будем с начала или сразу с самого дорогого? — спросила она.

— С самого дорогого.

— Тогда вот. Здесь написано, что поставщик обязан обеспечить весь согласованный месячный ассортимент вне зависимости от изменения адреса производства, поломок оборудования и обстоятельств, не связанных с форс-мажором. Здесь — штраф за каждую просроченную поставку. Здесь — право заказчика менять количество до полуночи накануне. А вот здесь — оплата через тридцать календарных дней после месяца поставки.

Катя взяла лист и прочла формулировки. Слова были знакомыми. Она сама много раз подписывала коммерческие договоры, пусть и не с гостиницей. Но если прочитать всё вместе, получалось, что ей предлагают месяц выпекать, доставлять и оплачивать сырьё, не имея ни гарантированного объёма, ни денег до конца следующего месяца. На бумаге между тем значилось «взаимовыгодное сотрудничество».

— Они не пытаются нас обмануть, — сказала Елена Викторовна. — Просто подставили поставщика в свой привычный шаблон. Ты тоже так бы сделала, если бы у тебя было двести подрядчиков и полдня на всё.

— Мне двадцати хватило бы. И ещё я бы оставила себе право просить доставку в пять утра.

— А потом удивлялась бы, что все разбежались. Смотри. Нам нужна предсказуемая минимальная партия, срок заявки и право согласовывать изменение объёма, особенно в выходные. Нужны разумные последствия ошибки поставщика, а не штраф, который съест всю месячную прибыль. И оплата так, чтобы ты не финансировала их завтраки из своих денег до бесконечности.

Катя открыла свою таблицу. Расчёты показали то же самое, только менее вежливо. Даже если гостиница закажет средний объём каждого рабочего дня, маржа после доставки, дополнительного времени и потерь будет вполне реальной — но не такой, чтобы покрыть новый ремонт и оборудование. Контракт мог поддержать переезд, а не оплатить его целиком.

— Ещё вот что, — сказала Елена Викторовна. — У тебя пока нет нового помещения. Где гарантия, что в июле заработаешь на другом адресе без перерыва?

— Никакой.

— Так и нельзя писать «гарантируем». Можно заключить договор на июнь и предусмотреть согласование июля отдельно. И пусть они заранее знают, что последняя неделя июня у тебя сложная.

— А если им нужен непрерывный поставщик?

— Тогда они найдут непрерывного. Не надо продавать то, чего у тебя пока нет.

Катя провела ручкой линию вдоль пункта о сроке действия. Отель нужен был пекарне. Но пекарня не могла стать заложником отеля. Семь лет назад она открывала собственное дело именно ради этого: чтобы принимать решения самой, а не исполнять любой чужой график.

— Сделаем встречную редакцию, — сказала она.

Елена Викторовна одобрительно кивнула, но не закрыла папку.

— А теперь я тебе покажу неприятную сторону переезда.

На следующем листе была таблица с тремя столбцами: «Уже есть», «Потребуется», «Неизвестно». В последнем оказалось больше всего строк. Подключение, вентиляция, доставка оборудования, приёмка работ, восстановление производства, первые недели после открытия. Катя знала каждую строку по отдельности. Вместе они выглядели почти неприлично.

— Если я продам старую печь, — сказала она, — деньги пойдут на первый взнос за новую. Плюс резерв за апрель и май, плюс прибыль от ярмарки. На июнь пока планируем обычные продажи и гостиницу.

— Ты считаешь доход до его получения. Считай осторожнее. Часть этого резерва съест простой, а часть вообще нельзя трогать: зарплаты и обязательства перед поставщиками. И ты мне ещё обещала не снимать людей с производства в день, когда будете вывозить оборудование.

— Помню.

— Тогда раздели деньги, которыми можешь рискнуть, и деньги, которыми не можешь. Не умеешь сама — давай я тебе две отдельные строки сделаю.

Катя вдруг подумала о Маргарите Ивановне, которая держала старые записи в жестяной коробке и приписывала к заказам, кому нельзя лук. Инструменты изменились, задачи остались прежними: что обещано, кому должны, что можно потерять и что нельзя.

После обеда Катя позвонила Сергею. Варя находилась у Лёши, они обсуждали, как правильно оформить чертежи для городской рабочей группы. Катя заранее сказала дочери, что намерена поговорить с отцом о летних датах. Варя не возражала, попросила лишь не решать всё без неё.

Сергей ответил дома. Где-то в глубине квартиры гремела посуда, слышались голоса. Он сказал, что сейчас свободен, и попросил Катю не начинать со списка претензий.

— У меня список дат, — ответила она. — Ты говорил о целом июле. У Вари занятия по проекту, возможно, в первые две недели. У тебя в июле действительно отпуск?

— У меня отпуск десять дней, потом работа. У Олеси отпуск до середины месяца, а после приедет мама. Но я же не собираюсь девочку одну оставлять. Она не младенец, может и с бабушкой побыть.

— Может. Только ты ей сказал «весь июль у нас», не объяснив, что сам будешь на работе большую часть времени.

— Катя, ты и сама работаешь большую часть времени. Почему у тебя это называется заботой, а у меня — проблемой?

Она почувствовала, что сейчас разговор легко превратится в старую ссору. Сергей не был плохим отцом. Он умел с Варей разговаривать о велосипедах и не смеялся над её проектами. Мог полчаса выбирать с ней краски для макета и потом на месяц забыть спросить, чем закончился конкурс. Катя когда-то решила, что достаточно будет аккуратно закрывать промежутки, пока он занят. Теперь обнаружилось, что промежутков слишком много и все считают их её личным временем.

— Потому что я хочу договориться с тобой о реальном расписании, — сказала она. — Не о том, кто лучше. Давай предложим Варе две недели, когда ты можешь быть с ней больше. А остальное обсудим отдельно. Она хочет успеть в школьную рабочую группу.

— И ты уже решила, что две недели — максимум.

— Нет. Я предлагаю начать с того, что точно можно выполнить. Если ей понравится и все будут согласны, обсудим продолжение. Но не сделаем вид, что она просто переедет к вам, пока я не закончу ремонт.

Сергей вздохнул. Потом спросил:

— А ты как вообще? С пекарней есть что-нибудь определённое?

Катя ожидала, что сейчас последует совет отказаться от бизнеса, устроиться на стабильную работу или попросить помощи у его знакомых. После развода такие советы появлялись всякий раз, когда она признавалась в усталости. Но Сергей неожиданно сказал:

— Я могу Варю в следующую субботу на велосипедах вывезти. Пусть сама выберет маршрут. Ты хоть одну субботу нормально поспишь.

— Спасибо. Согласуй с ней. Она по субботам иногда ходит к Лёше.

— Я спрошу, — сказал Сергей. — А с летом давай вернёмся после того, как она сама определится.

Катя положила телефон и некоторое время сидела, глядя на мокрую от уборки плитку возле двери. Разговор прошёл лучше, чем она ожидала, и всё равно ничего окончательно не решил. Возможно, это и было нормально.

В воскресенье пекарня открылась без неё — такого не случалось уже месяц. Люба прислала фотографию витрины: хлеб, четыре вида булочек, ценники и маленькая бумажка «Вишнёвые с 10:00». Под фотографией было: «Мы живы. Надя ещё спорит с тестом, но тесто пока выигрывает». Катя ответила только: «Хорошо. Я приеду после обеда». Не стала писать подробных указаний.

Дома Варя сидела у окна с большим листом бумаги. На нём была таблица: что нужно исправить в проекте, кому показать, какие фотографии добавить. Одна строка выделялась красным: «Как дойти до остановки от школы». Катя заметила её, когда несла чай.

— Это вы с Лёшей придумали?

— Вера Борисовна спросила. Она говорит, что недостаточно сделать удобную остановку, если тротуара до неё нет. А Лёша сказал, что это уже не наш проект. Мы спорим.

— И кто прав?

— Я думаю, оба. Мы не можем переделать весь район, но можем показать, где опасно. Только нам нужен кто-то, кто умеет нормально читать карту.

Катя вспомнила Полину Орлову, которая составляла городские маршруты и вечно объясняла людям, почему самые короткие дороги не всегда удобны. Номер Полины был у неё с весенней встречи в «Причале».

— Я могу спросить знакомую, не сможет ли она посмотреть вашу схему. Не сделать за вас. Просто проверить маршрут.

Варя подняла голову.

— А она не будет говорить, что всё плохо?

— Если что-то плохо, скажет. Я тебе другого обещать не буду.

— Тогда спроси. Но сначала я с Лёшей поговорю. Это ведь наш проект.

Катя кивнула. Дочь вернулась к чертежу и через минуту спросила, где лежит старая карта города. Катя нашла её на антресолях, в коробке с бумагами после переезда. Карта была сложена так давно, что по сгибам кое-где проступали белые полоски. Они расстелили её на полу. Варя прижала один угол учебником, другой — кружкой без чая. Катя взяла карандаш, но дочь остановила её руку.

— Не рисуй. Я сама. Ты лучше покажи, где на этой карте рынок.

Катя показала. И осталась сидеть рядом, не превращая это воскресенье ни в деловую встречу, ни в исправление вчерашних ошибок.

В понедельник утром Инна Юрьевна получила их встречную редакцию договора. Катя попросила два дня на согласование и указала условия, на которых сможет работать: дневные заявки до установленного часа, согласованный объём, оформление претензий, разумный срок оплаты и отдельное решение по поставкам после переезда. Управляющая ответила, что передаст документ юристу и бухгалтерии.

Заказы на июнь всё ещё не были гарантированы.

Катя вернулась к своим объявлениям о помещениях. Максим прислал две новые ссылки, одна — бывший магазин на новом участке набережной. На фотографии не было красивой стойки и деревянных столиков: голые стены, серый пол и окно с облупленной рамой. Зато в описании значились отдельный вход для разгрузки и доступ к инженерным планам.

Она открыла ссылку — и, к своему удивлению, сначала посмотрела не на вид из окна, а на план подсобной части.

Глава 16. Помещение с видом

Во вторник Максим встретил Катю у пустого магазина с папкой в руках. Это уже было хорошим признаком.

Раньше он приезжал с ключами, телефоном и уверением, что все вопросы решаются. Теперь держал под мышкой план, выписку из технической документации и копию договора энергоснабжения, которую, как выяснилось, пришлось отдельно просить у собственницы.

— Я учёл ваши замечания, — сказал он. — И Надежды Петровны тоже. Хотя она могла бы говорить чуть мягче.

— Если бы она говорила мягче, мы сейчас выбирали бы цвет обоев в помещении без вытяжки.

— Вы с ней давно работаете?

— Достаточно, чтобы прислушиваться.

Дом стоял в переулке, выходившем к новой набережной. С первого взгляда он не обещал ничего. Первый этаж облицован серой плиткой, над входом пустое место от вывески, под окном маленькая клумба, в которой пережили зиму три кустика лаванды. Река отсюда не просматривалась: её скрывал ряд домов и павильон проката. До прогулочной дорожки надо было пройти вдоль забора, пересечь спокойную улицу и свернуть направо. Катя проверила путь сама, приехав на десять минут раньше. Семь минут до отеля «Берег», если идти быстро, и ещё меньше до ближайшей остановки.

— Так где обещанный вид? — спросила она.

Максим показал на окно.

— Там видно скверик.

Катя посмотрела на клумбу и два припаркованных автомобиля.

— У вас удивительно гибкое представление о скверах.

— Зато тут нет квартиры над кухней, — ответил он. — Здание одноэтажное, с техническими помещениями сбоку. Это я специально проверил.

Внутри пахло сухой штукатуркой и старой краской. Пол был неровный, местами остались светлые квадраты от снятых стеллажей. У правой стены стояла металлическая стойка, почему-то оставленная прежним арендатором; в глубине было помещение без окон, куда вела широкая дверь. Никаких декоративных светильников, красивой мебели или стойки для кофе. Катя сразу почувствовала себя спокойнее.

— Какова площадь? — спросила она.

— Шестьдесят восемь квадратных метров по плану. Торговый зал двадцать шесть, ещё двадцать четыре — основное помещение сзади. Остальное — склад, санитарный узел и проходы. Раньше здесь продавали хозяйственные товары. Собственница предлагает аренду на три года с условиями расторжения, которые надо согласовать отдельно.

— А мощность?

Максим раскрыл папку. В документах был указан ранее выделенный предел, которого на бумаге могло хватить для компактной производственной линии. Однако стоявший в углу щиток выглядел старше последнего косметического ремонта, и Катя не собиралась путать цифру на листе с состоянием проводки.

— Нужно, чтобы наш электрик осмотрел всё и подтвердил расчёт нагрузки, — сказала она. — А по вентиляции?

— Есть отдельный вывод на крышу. Канал сохранился от прежней мастерской, но его состояние и назначение надо проверять. Собственница согласна допустить специалиста и дать документы. Она прямо сказала, что без проекта ничего переделывать не разрешит.

Из всего увиденного это было самым обнадёживающим. Не потому, что разрешений не требовалось, а потому, что кто-то заранее признал их необходимость.

Они вышли через боковую дверь. За ней тянулся маленький двор, ограниченный металлическим забором. Машина с мукой могла остановиться у ворот, а от ворот до входа было меньше десяти метров. Двор не принадлежал случайным прохожим; по документам он относился к тому же объекту, хотя право использования и часы разгрузки ещё предстояло закрепить в договоре. Катя прошла расстояние с воображаемым мешком муки в руках и споткнулась о выступавшую плитку.

— Это уберут? — спросила она.

— Состояние двора обсуждается. Собственница готова участвовать в ремонте входной группы.

— «Участвовать» — это сколько?

Максим вздохнул.

— Вы неисправимы.

— Нет, просто прежний пандус мне тоже обещали. А потом мы с Надеждой Петровной увидели на нём велосипед.

Собственница пришла через несколько минут. Её звали Оксана Олеговна, она была примерно Катиного возраста и работала не с недвижимостью, а в небольшой торговой фирме. Помещение досталось ей от отца, который много лет сдавал его под магазин. Встретившись с Катей, она спросила не о том, сколько людей пекарня приведёт на улицу, а каким будет график работы оборудования.

— Мне не хочется потом объяснять соседям, почему во дворе в пять утра разгружают товар, — сказала она. — Соседей здесь немного, но люди живут. Можно всё сразу прописать?

— Можно. Только сначала надо понять, допускают ли инженерные условия производство. Я не собираюсь ставить печь, а потом делать вид, что это большой чайник.

Оксана Олеговна посмотрела на Катю, затем неожиданно рассмеялась.

— Вот это я как раз и хотела услышать. Предыдущий потенциальный арендатор говорил, что откроет тихую студию. Потом выяснилось, что у него планируется ночной зал для караоке. Хорошо, что не успели ничего подписать.

— А если вы боитесь звука, у меня тестомес, — сказала Катя. — Он тоже не бесшумный.

— Я не боюсь звука. Я боюсь сюрпризов, когда у меня на руках уже договор.

Они обсудили аренду. Сумма была выше нынешних сорока шести тысяч, но не вдвое. Собственница хотела обеспечительный платёж в размере двух месяцев, ограничивала шумные работы и не собиралась финансировать оборудование арендатора. Взамен предлагала согласовать период на подготовку помещения без основной арендной платы, но только после утверждения перечня работ, сроков и того, кто восстанавливает помещение при выезде. Никаких устных «делайте, потом разберёмся».

Катя открыла тетрадь и записала всё, что услышала. Один пункт получился особенно неприятным: помещение требовало вложений до начала продаж, а платить предстояло задолго до первой выпеченной булочки.

— Вы хотите решение сегодня? — спросила она.

— Нет. Мне нужно понять, насколько вы серьёзно рассматриваете аренду. Я могу дать время на осмотр специалистов и на проект договора. Но держать помещение пустым до середины лета без договорённостей не стану.

— Это справедливо, — ответила Катя. — Давайте зафиксируем срок на проверку. Я оплачу осмотр сама. Если выяснится, что выводы по инженерии не подходят, не будем тратить время друг друга.

Максим сделал пометку в телефоне. Ему явно стало легче, когда разговор перестал быть спором о том, хорошее помещение или плохое. Появился перечень действий, за которые кто-то отвечал.

После осмотра Катя ещё раз обошла дом снаружи. Поглядела, откуда подходят люди с набережной. Пожилая пара прошла мимо, свернула к рынку. Девушка с детской коляской остановилась возле низкого бордюра и пересекла улицу чуть дальше, у пешеходного перехода. Катя мысленно отметила это для будущей схемы. Удобный маршрут для покупателя был не менее важен, чем красивая витрина. Но здесь хотя бы было понятно, что проверять.

Она позвонила Надежде Петровне.

— На этот раз у тебя нет возражений заранее?

— У меня они есть всегда. Диктуй, что нашла.

Катя рассказала о площади, отдельном дворе и документах. Надежда Петровна выслушала, уточнила ширину дверей, место для мойки, возможную расстановку оборудования. Потом спросила:

— А тебе самой понравилось?

— Не сразу. Внутри пусто. И вид на две машины.

— Отлично. Значит, есть шанс посмотреть на работу, а не на окна.

— Завтра привезу тебя и электрика. Только если вы оба сможете.

— Я после обеда смогу, — сказала Надежда Петровна. — У меня до этого внучка на уроке музыки. Я обещала забрать её, потому что дочь на смене.

— Значит, после обеда.

— И не передумывай. У тебя уже целая коллекция красивых мест, которые не подходят. Пора хотя бы одно некрасивое проверить до конца.

Катя улыбнулась и завершила звонок. Она шла вдоль новой набережной, когда услышала знакомую мелодию: кто-то неуверенно, с паузами между фразами играл на трубе старый вальс. Музыка доносилась от летней площадки возле городского культурного центра. Там репетировали школьный духовой ансамбль. Перед сценой стоял Андрей с небольшим пультом, наклонив голову к одному из наушников.

Катя собиралась пройти мимо, но он заметил её и поднял руку. Не позвал сразу, только показал, что видит. Она остановилась у ограды, пока музыканты закончили фразу. Один мальчик потерял ноту, двое других захихикали, преподаватель поднял палочку и попросил начать с нужного такта.

Андрей вышел к ней через боковую калитку.

— Привет. Ты здесь по делам?

— Смотрела помещение. А ты, кажется, пытаешься подружить трубу с ветром.

— Пока побеждает ветер. Слышишь? — Он повернул к сцене голову. — Когда они играют тихо, всё нормально. Стоит подуть от реки — в микрофонах один воздух. Я предложил переставить стойки, но тогда директору не нравится, как они выглядят на фотографии.

— Знакомая проблема. У меня все помещения прекрасно выглядят, пока не начинаешь в них работать.

Он улыбнулся, но глаза оставались усталыми.

— Как Варя после пятницы?

— Сердится. И справедливо. Я снова не пришла вовремя.

— Я понял. В школе она держалась хорошо, но после выступления спрашивала у телефона время каждые несколько минут. Мне было неловко, что я там оказался свидетелем.

— Ты ничего не сделал плохого.

— Я знаю. Но это не значит, что мне обязательно нужно стоять рядом и смотреть, как вы разбираетесь.

Катя взглянула на него. Вчера ей хотелось позвонить и рассказать, что нашлось перспективное помещение; потом вспомнила, как дочь спросила о нём за ужином. С тех пор она старалась отделить две истории друг от друга, хотя они всё чаще пересекались.

— Мне нравится с тобой встречаться, и я не собираюсь это скрывать, — сказала она. — Но у нас с Варей сейчас сложности. И я не буду убеждать её, что она зря переживает.

— Не нужно. Я тоже не хочу, чтобы Соня приезжала сюда и обнаруживала, что мы за неё уже придумали новую семью.

— Когда она приедет?

— В ближайшее воскресенье, если всё останется по договорённости. С её мамой вчера созванивались. Соня хочет неделю здесь, потом к маме на день рождения бабушки, потом снова сюда. У ребёнка календарь насыщеннее моего.

— А у тебя?

Андрей выдохнул и посмотрел на сцену. Репетицию приостановили: преподаватель с кем-то спорил о длине кабеля.

— Мне предлагают на июль две большие выездные работы. Деньги хорошие. Но это почти три недели в разъездах. Раньше я бы согласился сразу, а потом начал бы выяснять, кто сможет остаться с Соней. Сейчас думаю. Летом она как раз надеется проводить со мной время. Не хочу опять покупать ей подарки вместо обычных дней.

Катя вспомнила его слова в «Причале»: ребёнку нужен вторник, а не лучший выходной в году. Тогда это прозвучало красиво и немного печально. Теперь за словами стояли конкретные деньги, календарь и ответственность.

— И что будешь делать?

— Не знаю. У меня есть время дать ответ до конца недели. Можно взять одну работу, отказаться от другой. Можно предложить часть монтажа коллегам и сократить поездку. Посмотрю, что они скажут. Только у меня в этой профессии слово «нет» иногда долго помнят.

Катя кивнула. Она чуть не сказала, что другой заказ всегда найдётся. Но слишком хорошо знала: не всегда.

— А мне гостиница прислала договор, — сказала она. — В нём тоже написано, что я должна быть доступна в любое время. Мы отправили встречную редакцию.

— Значит, у нас обоих эта неделя про умение говорить «нет».

— Я пока больше учусь произносить «подумаю».

— Тоже полезный навык.

Со сцены раздался голос:

— Андрей! У нас третий микрофон пропал!

Он обернулся.

— Я подойду! — крикнул он, а потом тише сказал Кате: — Он не пропал. Его вчера отдали вокалистам и забыли вернуть. Но если начать объяснять, мы до ночи будем искать виновного.

Катя засмеялась.

— Иди спасай музыку. Мне ещё в пекарню.

Андрей не попытался задержать её. Только спросил:

— Можно вечером позвонить? Не для обсуждения детей и не про электричество. Просто поговорить.

Она подумала о домашнем календаре. Варя сегодня обещала закончить уроки к восьми и вечером хотела разобрать фотографии старого рынка. Катя собиралась помочь ей выбрать подписи.

— После девяти. Если ты не будешь занят.

— После девяти смогу.

Они расстались у калитки. Катя прошла ещё несколько шагов, прежде чем обернулась. Андрей уже стоял возле пульта и объяснял мальчику, почему нельзя тянуть кабель за штекер. Мальчик слушал внимательно, потом спросил что-то своё. Андрей ответил, не повышая голоса, и показал на соединение пальцем.

В пекарне Люба передала Кате короткую записку от Николая Матвеевича. Почерк был крупный, неровный: «Если переедете на набережную, скажите, где там скамейка по пути. До реки я дойду. Обратно не всегда». Люба объяснила, что старик попросил не звонить: бумажке он доверяет больше, чем сообщениям.

Катя положила записку рядом с планом нового помещения. На плане были стены, двери, электрический щит и место разгрузки. Ни одной скамейки. Она вспомнила Варину таблицу о подходах к остановке — и увидела, что дочь решает похожую задачу, только с другого конца: не как заставить здание работать, а как сделать, чтобы человеку было удобно до него добраться.

Завтра Катя собиралась снова смотреть инженерные схемы. Но сегодня у неё появилось ещё одно дело — пройти дорогу к возможной пекарне пешком, не торопясь, и посчитать скамейки по пути.

Глава 17. Лишний стул

В среду электрик пришёл на сорок минут раньше Надежды Петровны и начал с того, что отказался обсуждать печь.

— Пока я этот щит не открою, мы будем разговаривать о ваших желаниях, — сказал он. — Желания я бесплатно не проверяю.

Звали его Юрий Павлович. Катя нашла его через мастера, который обслуживал холодильники в старой пекарне. Юрий Павлович был невысокий, немолодой, в чистой рабочей куртке и с чемоданом, где инструменты лежали на своих местах. Даже отвёртки у него выглядели как участники хорошо организованного совещания.

Оксана Олеговна открыла бывший магазин сама. Риелтор Максим тоже приехал, но после первых десяти минут перестал предлагать варианты расстановки столиков и ушёл разговаривать по телефону во двор.

— Вы хотели три фазы, — сказал Юрий Павлович Кате, когда закончил осмотр вводного устройства. — По документам они здесь есть. Но мощность по договору — это не обещание, что любой старый кабель выдержит ваш набор техники. Я сниму параметры, сверю с тем, что вы прислали, и дам письменный список. На глаз вам отвечать не буду.

— Мне и не надо на глаз.

— Обычно все говорят именно так. А потом просят «ну приблизительно».

Он попросил показать паспорт выбранной компактной печи, мощность расстоечного шкафа, тестомеса, холодильников и предполагаемой вентиляции. Катя положила бумаги на подоконник. Составленный ночью список оказался неполным: она не учла посудомоечную машину, которую в старой пекарне заменяла обычная мойка и слишком много человеческих рук.

— Посмотрите ещё на горячую воду, — сказал Юрий Павлович. — И не рисуйте мне всё оборудование одновременно включённым или никогда одновременно не включённым только потому, что вам так выгодно. Нужен реальный технологический режим.

Катя почувствовала знакомое раздражение от того, что кто-то чужой опять заметил брешь раньше неё. Однако возражать было нечего. Она набрала Надежду Петровну и попросила привезти технологическую последовательность, а не просто план кухни.

— Я же вчера тебе сказала, — отозвалась та. — Ты хоть иногда слушаешь до конца?

— Сегодня внимательно.

— Это ты электрику говори. Мне уже поздно обещать.

После обеда Надежда Петровна пришла с папкой и внучкой, девятилетней Милой. В музыкальной школе отменили урок: преподаватель заболела, и оставить девочку было не с кем. Мила несла футляр от скрипки с такой осторожностью, будто внутри лежал маленький спящий зверь. Ей разрешили посидеть в пустом торговом зале, пока взрослые обсуждают производственные помещения. Она устроилась на подоконнике и занялась нотной тетрадью.

— Здесь будут продавать хлеб? — спросила Мила, когда Катя прошла мимо.

— Надеюсь.

— А музыка будет?

— Вряд ли у нас хватит места на оркестр.

— Я не про оркестр. У вас там всегда радио, когда бабушка работает. Иногда слышно через дверь.

Катя вспомнила маленький приёмник на полке в цехе — Надежда Петровна ставила тесто под музыку и выключала его перед самыми шумными операциями. Катя семь лет считала этот звук частью оборудования, не замечая, что для чужого человека он может быть приметой места.

Инженерный осмотр занял почти три часа. Юрий Павлович не сказал ни «подходит», ни «не подходит». Электрические условия выглядели решаемыми при ограничении набора оборудования и проверке состояния линии. По вентиляции требовался отдельный специалист и проект: существующий канал ещё не означал разрешения подключить к нему пекарскую вытяжку. В полу у мойки нашлась подозрительная влажная полоса, которую раньше прикрывал стеллаж.

— И вот это меня интересует не меньше вашей печи, — сказала Надежда Петровна, присев перед пятном. — Если внизу сыреет, потом будем воевать с плесенью. Не надо мне новое место с запахом подвала.

Оксана Олеговна молча сфотографировала полосу и попросила у Максима данные прежнего арендатора. Не стала уверять, что «это просто мыли пол». Кате такая реакция понравилась больше любого обещания скидки.

Вечером дома Варя рисовала план остановки на большом листе, который занял половину кухонного стола. На соседнем стуле лежала линейка. Катя поставила пакеты на пол, чтобы не задеть бумагу.

— Нашли что-нибудь? — спросила Варя.

— Нашли четыре причины ещё раз всё проверить. Что у тебя?

— Лёша сказал, на схеме надо показать, как человек подъезжает к остановке, а не только саму остановку. Николай Матвеевич приходил в музей. Вера Борисовна записала его замечания.

— Он и мне записку оставлял про скамейки.

— Я знаю. Он мне сказал, что ты его слушаешь, только когда он пишет крупными буквами.

Катя засмеялась. Варя не улыбнулась, но отодвинула линейку, освобождая место для тарелки.

— Андрей звонил, — сказала Катя, пока грела ужин. — Соня приедет к нему в воскресенье. Он предложил в понедельник вечером сходить всем вместе на городскую площадку. Там будет небольшой концерт школьных ансамблей.

— Зачем всем вместе?

— Он подумал, что нам может понравиться.

— Тебе понравится. Ты любишь его. Но любить концерт я не обязана.

Катя выключила конфорку.

— Ты не обязана. Я просто передаю приглашение.

— Тогда передай, что я не хочу. Мы с Лёшей будем переделывать чертёж.

— Хорошо.

Через минуту Варя добавила:

— А Соня играет на чём-нибудь?

— Не знаю. Спросить?

— Не надо. Просто интересно.

В воскресенье Андрей встретил Соню на автовокзале. Катя узнала об этом из сообщения, где он прислал фотографию двух дорожных сумок и подписал: «Домой добрались, с автобусом повезло». Она не ответила сразу. В пекарне накануне сломалась ручка у морозильного ларя, и Люба до сих пор открывала его с помощью полотенца. Дел у Кати было достаточно, чтобы не превращать чужое возвращение домой в ещё одно мероприятие.

В понедельник Андрей позвонил снова. Голос у него был рассеянный.

— Слушай, я помню, что Варя не хотела идти на концерт. Соня тоже не в восторге. Я всё-таки забронировал столик после выступления, думал, посидим спокойно. Может, они передумают?

— Ты забронировал для четверых?

— Да. Думал, так будет проще.

— Андрей, мы же не договаривались.

Он помолчал.

— Верно. Извини. Я всё время пытаюсь сделать нормальный семейный вечер — у меня их последнее время мало. Наверное, слишком стараюсь.

— У тебя с Соней может быть нормальный вечер и без нас.

— Знаю. Только когда ты это говоришь, звучит довольно очевидно.

Катя собиралась ограничиться разговором, но в конце дня Варя неожиданно передумала. Оказалось, Лёша тоже пойдёт: его младшая сестра участвовала в концерте, а после он хотел поснимать временную сцену и подходы к ней для школьного проекта. Варя объявила, что зайдёт на полчаса и уйдёт вместе с ним.

— Только мы туда не идём одной семьёй, — предупредила она, надевая ветровку.

— Мы вообще пока никуда одной семьёй не идём, — сказала Катя. — Я могу встретиться с тобой у входа, если захочешь.

— Я сама дойду.

У сцены пахло мокрой фанерой, травой и кукурузой из передвижного лотка. Ветер с Оки забирался под воротники, хотя днём было тепло. Катя пришла позже Вари и увидела её возле ограждения с Лёшей. Дочь держала его телефон, на экране которого был открыт план площадки. Соня стояла у звуковой аппаратуры, но не мешала отцу: в больших наушниках внимательно слушала что-то со своего телефона.

— Привет, — сказал Андрей. — Я думал, ты уже не приедешь.

— Закрывала смену. Варя здесь, я её видела.

Он улыбнулся с облегчением, которое Катю насторожило. Над сценой зажглись лампы, школьный ансамбль начал с музыки к старому фильму. Мальчик в белой рубашке потерял ноту и так испуганно посмотрел на дирижёра, что одна из девочек рядом с Катей прыснула со смеху. Звук получился неровный, но живой. По крайней мере никто не делал вид, что перед ними профессиональный оркестр.

После первого номера Соня подошла к Варе.

— Можно посмотреть ваш чертёж? — спросила она. — Папа сказал, что вы придумали остановку.

— С чего он тебе сказал?

— Он хотел рассказать, чем ты занимаешься. Я не просила, если что.

Варя взглянула на отца Сони, потом на Катю.

— Мы вообще-то здесь музыку слушаем.

— Я поняла, — тихо сказала Соня и отступила.

Андрей заметил только последнее движение. Подошёл с двумя стаканами сока, один протянул дочери, другой Варе.

— Вот. А после концерта можем в кафе. Я взял большой столик, там хватит места всем.

Катя увидела, как у Вари изменилось лицо. Та медленно поставила телефон Лёши на парапет.

— Мы с Лёшей никуда не идём. Я говорила.

— Конечно, если не хочешь, — сказал Андрей. — Я просто предложил.

— Вы все просто предлагаете, — ответила Варя. — А потом удивляетесь, когда мы не хотим.

Соня вернула отцу сок, даже не открыв.

— Пап, я тоже не хочу в кафе. Я хочу домой. Мы же обещали бабушке позвонить.

— Позвоним, — начал Андрей. — Только…

— После концерта я сама уйду, — перебила Варя мать, хотя та ничего не говорила. — Лёша меня проводит до площади.

Она взяла телефон и отошла к Лёше. Катя пошла следом, но дочь остановила её жестом.

— Мам, только не сейчас. Пожалуйста.

Катя осталась возле ограды. Андрей стоял неподвижно, держа в руке два пластиковых стакана.

— Я хотел, чтобы вечер получился хорошим, — сказал он, когда девочки разошлись.

— Для кого?

Вопрос прозвучал строже, чем Катя собиралась. Андрей посмотрел на неё, затем на Соню, которая уже снимала наушники и разматывала шнур.

— Похоже, для меня, — сказал он.

Всю дорогу домой Катя думала не о том, что Варя опять нагрубила. Дочь и Соня оказались единственными, кто сказал, куда хочет пойти, до того как взрослые составили маршрут. Дома Варя уже сидела на кухне. Рядом лежал принесённый из магазина пакет картофеля; видимо, по дороге она всё-таки вспомнила, что дома на ужин ничего не осталось.

— Ты можешь сердиться, — сказала Катя, вешая куртку. — Но с Соней можно было помягче. Она ничего плохого тебе не сделала.

— Я не на неё сердилась. Она спросила нормально. Просто меня бесит, что вы успели про нас всё рассказать друг другу.

— Андрей хотел, чтобы она знала, кто ты.

— А она хочет знать? Может, ей неинтересно. Или она хочет сама спросить, когда ей понадобится.

Катя разрезала пакет ножницами. Картошка высыпалась на стол, одна круглая картофелина укатилась под батарею.

— Слушай, мне правда не нужны ваши ссоры, — сказала она.

— Тогда не устраивайте нам встречи, где мы должны всем доказать, что не ссоримся.

Катя полезла за картофелиной. За батареей обнаружилась ещё одна, проросшая и забытая с зимы. Она вытащила обе, показала дочери.

— Судя по всему, кое-что у нас дома живёт своей жизнью без всяких договорённостей.

Варя посмотрела на побеги и не удержалась от смешка. Потом потянулась за миской.

— Давай я почищу. Только не думай, что теперь всё нормально.

— Не думаю.

Телефон на столе коротко завибрировал. Андрей написал: «Соня спрашивает, почему мы так волновались, чтобы они подружились. Я не нашёл хорошего ответа». Катя убрала телефон подальше от мойки и включила воду. Варя уже мыла картошку, методично вырезая ножом проросшие глазки. Нельзя было сказать, что они помирились. Зато обе оставались здесь и делали ужин.

Глава 18. Чужая гарантия

На следующий день Елена Викторовна прислала Кате таблицу с тремя цветами. Красным были выделены платежи, которые нельзя отложить; жёлтым — те, о которых ещё можно договориться; зелёным — поступления, подтверждённые документами. Зелёного оказалось меньше всего.

Катя открыла файл прямо у кассы, пока Люба принимала хлеб у Надежды Петровны. Бухгалтер написала под таблицей: «Не путать остаток на счёте с деньгами, которыми можно распоряжаться». Фраза показалась Кате грубой только потому, что была точной.

— Восемь тысяч? — переспросила Люба, заглянув ей через плечо.

— Что восемь?

— Там жёлтым. Это за упаковку?

— Да. Мы ещё не выбрали поставщика на новые коробки. Не подглядывай в чужие долги.

— Я не подглядываю. Я стою на своём рабочем месте. Ты тут развесила финансовый отчёт вместо меню.

Катя закрыла ноутбук. Витрина уже наполовину опустела. На тротуаре возле сквера дворник поливал молодые липы из длинного зелёного шланга, внимательно огибая трещину в плитке. Вода собиралась в низком месте и стекала как раз к порогу пекарни.

— У нас новое озеро, — заметила Люба. — Можно назвать «Залив Надежды».

Из цеха ответили:

— Назовите своим именем. Я за него пол мыть не стану.

В одиннадцать Катя поехала к Оксане Олеговне на повторный осмотр. От Юрия Павловича уже пришёл предварительный список работ: заменить часть кабельной линии внутри помещения, перераспределить нагрузки, отдельно разобраться с защитой и учётом. В конце было написано: «Подключение технологического оборудования — после проектной проверки фактических параметров». Катя собиралась обсуждать не сами работы, а то, какие из них останутся собственнику, когда пекарня съедет. Платить за новый щит целиком, а потом подарить его помещению — слишком дорогое удовольствие.

Оксана Олеговна встретила её не одна. Возле пустой витрины стоял высокий мужчина в сером пиджаке без галстука и с телефоном, который не выпускал из руки. Он представился Романом Юрьевичем Мартыновым.

— Слышал, вы ищете деньги на переезд, — сказал он после рукопожатия. — Я занимаюсь снабжением нескольких площадок и кейтерингом. Мы можем быть полезны друг другу.

Катя посмотрела на собственницу.

— Мы с вами договаривались о встрече по условиям помещения.

— Так и есть, — сказала Оксана Олеговна. — Роман слышал, что здесь может открыться производство, попросил познакомить. Я не обсуждала с ним ни ваших денег, ни наших условий. И если встреча некстати, можем поговорить без него.

Роман Юрьевич слегка развёл руками.

— Вы меня извините. Сказал слишком прямо. Екатерина, никакого обязательства. Я просто хотел предложить возможного заказчика, а не заходить с улицы в вашу бухгалтерию.

Он говорил ровно, без неприятной самоуверенности. Катя решила его выслушать. Оксана Олеговна отдала им пустой кабинет, а сама ушла проверять документы по водоснабжению.

— У нас в районе четыре площадки с завтраками и банкетами, — начал Мартынов, положив на стол два листа. — На двух собственная кухня. На остальных закупаем готовые изделия. Летом спрос растёт, а осенью падает. Вашу выпечку я знаю. Хороший стабильный продукт. Если вы переносите производство, у вас появляется возможность делать линейку под нас.

— Объём какой?

— От ста двадцати до двухсот единиц в сутки по рабочим дням. Плюс отдельные мероприятия. Надо понимать, что у нас непостоянная загрузка.

Катя взяла листы. На первом были фотографии булочек и багетов, на втором — схема сотрудничества. Предлагалось, чтобы Мартынов профинансировал часть оснащения кухни и закупил компактную печь. Взамен «Тёплый хлеб» становился эксклюзивным поставщиком выпечки для его компаний, а также обязался не работать с другими гостиницами и корпоративными заказчиками в пределах города. Цена поставки фиксировалась на год, количество заказчик подтверждал за сутки, минимальный объём не гарантировался. Оборудование оставалось собственностью компании Мартынова. При досрочном прекращении сотрудничества пекарня оплачивала остаточную стоимость и неустойку.

— А «Берег»? — спросила Катя.

— Насколько я знаю, там вы сейчас на пробных поставках. Если подпишете с нами, это нужно будет прекратить. Не сразу, конечно, когда договоритесь.

— Вы предлагаете, чтобы я отказалась от клиента, с которым уже веду переговоры, ради клиентов, которые могут ничего не заказать?

— Я предлагаю вам стабильного партнёра.

— В договоре написано, что стабильного объёма нет.

Роман Юрьевич не стал спорить.

— Правда. Но закупка техники — это наш риск. Деньги в оборудование вы не замораживаете.

— Оборудование остаётся вашим. Если вы решите забрать печь в середине августа, я останусь с договором аренды и пустым цехом.

— Поэтому и есть срок.

— И право расторжения при недостижении внутренних показателей закупщика. Вот этот пункт.

Он посмотрел на лист в её руках внимательнее.

— Вы уже читали такие договоры?

— У меня пекарня семь лет. За это время даже люди, которые продают картонные коробки, научились писать очень интересные вещи.

Мартынов улыбнулся. Он не выглядел уличённым мошенником. Скорее человеком, предложившим обычные для себя условия и обнаружившим, что другая сторона не готова принять их просто за приятный тон разговора.

— Можно обсуждать минимальный объём. Убрать запрет на розничные продажи я готов сразу, — сказал он. — Но с другими B2B-заказчиками должна быть определённость. Мне невыгодно вкладываться в ваш цех, чтобы потом вы отдавали лучшие утренние часы гостинице через дорогу.

— А мне невыгодно делать производство, которое работает только тогда, когда у вас большой заезд.

— Вы же понимаете, сейчас у вас вообще нет производства на новом месте.

Вот здесь он попал в точку. Катя посмотрела на пустые стены. Печи не было, воды для технологической мойки пока тоже, а на телефоне оставалось девять непрочитанных сообщений: от поставщиков, Максима, Любы и бухгалтерии. Принимать чужие деньги было бы легче, чем снова объяснять работникам, почему переезд ещё не гарантирован.

— Я возьму проект, — сказала она. — Покажу бухгалтеру. Если нас устроит модель, предложу изменения. Но эксклюзивности на весь город и одностороннего права забрать основную печь не будет.

— Тогда, боюсь, не договоримся.

— Возможно.

Роман Юрьевич собрал свои бумаги. У двери он остановился:

— Екатерина, я не ваш враг. Просто здесь маленький рынок. Либо кто-то берёт загрузку на себя, либо каждый продаёт пятьдесят булочек и надеется на хорошую погоду.

— Я и не считаю вас врагом. Но у меня уже есть загрузка, которую я обязана делать хорошо. И люди, которым я обязана платить зарплату, даже когда погода плохая.

После его ухода Катя осталась у пустого окна. С улицы доносились удары молотка — возле проката меняли доску в ограждении. Оксана Олеговна принесла ей воду в пластиковом стаканчике.

— Он жёстко разговаривает, — сказала она. — Но я знаю, что он платит по договорам. У него в этом смысле репутация приличная.

— Я не сомневаюсь, что платит. Просто мне важно, за что.

— И правильно. Мне с отцом тоже предлагали однажды передать торговое помещение в управление. Обещали доход без хлопот, а в приложении было написано, что доход они определяют сами.

Оксана Олеговна оперлась о подоконник, посмотрела на клумбу.

— Папа тогда разозлился. Сказал, что не станет получать свои деньги по чужому усмотрению. Я над ним смеялась. Теперь понимаю.

— Ваш отец давно занимался этим магазином?

— Он его не открывал. Купил помещение, когда здесь был пункт проката инструментов. Вы помните такую вывеску?

Катя покачала головой.

— Значит, вы ещё маленькая были. Там человек выдавал дрели под запись в толстом журнале. Потом открыл магазин хозяйственных товаров, и люди до сих пор иногда приходят за гвоздями. Я им каждый раз объясняю, что магазин уехал, а они спрашивают, зачем тогда дверь осталась.

Катя невольно улыбнулась. Она уже представляла, как через полгода кто-нибудь будет стучаться в старую пекарню у сквера с вопросом, почему там теперь торгуют чем-то другим.

Оксана Олеговна вернулась к делу. Она была готова оплатить диагностику и устранение причины влажности пола, если выяснится, что проблема существовала до передачи помещения. По электрике предложила разделить работы: то, что повышает пригодность самого объекта для аренды, обсуждать за её счёт; специализированные подключения печей — за счёт Кати. Оговорила, что окончательные суммы потребуют сметы и договора. Это было первое за все поиски предложение, в котором слова «разделим ответственность» имели понятный смысл.

Вечером бухгалтер выслушала историю с Мартыновым по телефону.

— Ты отказалась сразу?

— Нет. Взяла бумаги. Если предложит нормальную закупку без привязки оборудования, рассмотрим. Но не такую.

— И правильно. В таблицу я его как доход не поставлю, даже если он тебе цветной буклет оставил.

— Ты совершенно лишена романтики.

— Я бухгалтер. Романтика у меня бывает двадцать пятого числа, если налоги сошлись.

Потом Елена Викторовна неожиданно спросила, что Катя собирается делать с собственным резервом.

— Каким? У меня он кончается.

— Не кончается. Ты его мысленно уже весь потратила. А деньги, которыми живёте вы с Варей, ты считаешь как будто отдельно от себя. Сколько месяцев сможешь платить за квартиру, еду и школу, если пекарня остановится на ремонт дольше, чем обещают подрядчики?

Катя не ответила. Она знала месячную стоимость муки и упаковки. Сумму, которая потребуется дома при неудачном переезде, вслух не произносила ни разу.

— Посчитай, — сказала бухгалтер. — Только не называй это деньгами бизнеса. Это деньги вашей жизни.

Катя открыла домашний бюджет. На холодильнике под магнитом с пароходом висел лист со списком покупок: яйца, стиральный порошок, картон для Вари. Она добавила в таблицу коммунальные платежи, питание, транспорт, лекарства, школьные расходы, резерв на непредвиденное. Ползунок предполагаемой даты открытия сдвинулся на три недели. Цифра в последней строке вышла такой, что Катя несколько минут сидела не шевелясь.

Варя прошла на кухню за водой.

— Ты чего?

— Считаю расходы.

— Мы бедные теперь?

Катя подняла глаза. В вопросе не было издёвки. Дочь смотрела на неё прямо и настороженно.

— Нет, — сказала она. — Но мне надо потратить деньги аккуратно, чтобы у нас ничего не изменилось резко. Я ищу способ переехать и сохранить работу.

— А если не найдёшь?

— Тогда придётся какое-то время работать иначе. И я объясню тебе заранее, что именно. Готового ответа у меня нет, и изображать его я не стану.

Варя взяла стакан и уже у двери обернулась:

— Мне не обязательно покупать новый рюкзак летом. Старый нормальный.

У Кати болезненно стянуло горло.

— Варя, рюкзак мы можем решить отдельно. Тебе не нужно спасать пекарню своими вещами.

— Я не спасаю. Я просто говорю.

Дочь ушла. Катя посмотрела на таблицу и закрыла ноутбук раньше, чем обычно. Потом снова открыла файл и выделила строку «домашний резерв» отдельным цветом. В прежних расчётах она несколько раз собиралась занять оттуда деньги на оборудование. Теперь оставила сумму нетронутой.

Глава 19. Время на расстойку

В четверг Катя сама сняла с витрины табличку «Пироги с вишней каждый день». Табличка была небольшой, с нарисованной по краям веткой, и за семь лет успела пожелтеть. Люба держала новую в руках, пока Катя оттирала след от скотча.

— Может, не надо так сразу? — спросила она. — Можно написать, что теперь по средам и субботам. Люди будут ждать.

— Это мы и пишем. Только на старой табличке обещано каждый день.

— А если они обидятся?

— Тогда честно объясним.

Люба протянула ей новую карточку: «Вишнёвые пироги — среда и суббота. Предзаказ до шестнадцати часов накануне». Под текстом была маленькая, явно нарисованная Кириллом вишня с двумя листьями.

— Он сам предложил, — сказала Люба. — И ругался, что я неправильно показываю, где у неё хвостик.

— Хорошая вишня.

— Только не говори ему, что главная похвалила. Он начнёт просить за дизайн деньги.

Изменения расписания обсуждали два вечера. Надежда Петровна разложила рецептуры на столе, Катя — фактические продажи, Люба — тетрадь заказов от покупателей. Выяснилось, что вишнёвые пироги любят громче всех, но покупают их не так уж много в будни. Самыми стабильными оставались простой пшеничный хлеб, ржаной, булочки с яблоком и капустные пирожки. Сладкие изделия с коротким сроком продажи приходилось иногда списывать.

— Мы собираемся жить без красоты, — сказала Люба, глядя на новый список.

— Без красоты в понедельник и четверг, — возразила Надежда Петровна. — В остальные дни красота по расписанию.

Катя хотела улыбнуться, но рядом лежала ещё одна бумага: уведомление поставщику об уменьшении закупок ягодной начинки. Оно казалось ей признаком поражения. Семь лет она добавляла ассортимент, добивалась, чтобы витрина была интереснее, привозила из соседнего города хорошее масло, спорила с поставщиками за качественную муку. Теперь собственноручно вычёркивала то, что любила.

В одиннадцать пришла женщина в клетчатом платке и попросила два вишнёвых пирога. Люба показала новую карточку. Женщина прочла, наклонив голову.

— А что же это вы? Я по четвергам всегда беру.

— Можем сделать на следующий четверг под заказ, если вы заранее скажете, — объяснила Катя, выйдя из цеха. — Но в обычной витрине они будут два раза в неделю. Мы меняем производственный график.

— Нынче всё меняют. Автобус раньше до рынка прямо ходил, теперь через площадь тащится. И пироги у вас по дням.

Она купила капустные, но ушла недовольная. Люба проводила её взглядом.

— Это Тамара Степановна. Она после поликлиники заходит. Иногда вообще ничего не покупает, просто ей поговорить хочется.

— Сегодня ей хотелось пирог, — сказала Катя. — А мы его не дали.

— Ты сейчас снова начнёшь думать, что надо всё вернуть?

Катя посмотрела на пустое место под прежней табличкой.

— Нет. Просто я понимаю, почему она сердится.

В обед они начали первую учебную смену Любы. Надежда Петровна выложила на стол два килограмма теста и сказала:

— Я буду показывать. Ты — делать. Катя — не вмешиваться, если у человека руки работают.

— А если не работают? — спросила Люба.

— Тогда выясним почему. Я и сама в первый день булку на пол уронила. Меня после этого научили следить за локтями.

Катя устроилась у стола с расчётами, но через минуту уже поглядывала в сторону. Люба неумело отщипывала тесто, стараясь сделать одинаковые заготовки. Одна получалась вытянутой, другая — толстой. Надежда Петровна не спешила исправлять. Только подвинула весы ближе.

— Сначала научись видеть вес рукой, а потом всё равно проверяй, — сказала она.

— Если всё равно проверять, зачем видеть?

— Чтобы вовремя понимать, когда рука решила тебя обмануть.

Люба на секунду остановилась, потом расхохоталась. В этот момент Катя увидела, что за учебные часы придётся платить не только деньгами. Надежда Петровна работала медленнее обычного, потому что объясняла каждое действие. В цехе стало тесно. Продажа хлеба в этот день принесёт меньше, чем могла бы, но если переезд состоится, у них появится человек, который сумеет заменить пекаря хотя бы на части операций.

— А Кирилл что говорит о твоём обучении? — спросила Катя, когда они вышли пить чай.

— Что я теперь буду знаменитым кондитером и его перестанут в школе дразнить за то, что у мамы руки в муке. Он не понимает, что у меня и сейчас руки в муке. Я весь хлеб через себя пропускаю.

— Его дразнят?

Люба замолчала, снимая с фартука белый след. Потом пожала плечами.

— Два мальчика из параллельного класса что-то сказали про булочки и про то, что я весь день у кассы стою. Детям иногда нравится находить чужое слабое место, даже если там ничего слабого нет. Кирилл ответил, что у меня работа настоящая, а у их папы он даже не знает какая. После этого классная звонила.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Я ему сказала, что чужие семьи обсуждать не надо. И что гордиться мной можно без сравнения с другими. Он обиделся. Вечером извинился. Сейчас рисует мне вывески, будто я собираюсь открыть собственный дворец из теста.

Катя вспомнила свою дочь, которая вчера предлагала отказаться от нового рюкзака. Родители по-разному пытались не тревожить детей, а те всё равно замечали больше, чем взрослые готовы были признать.

— Ты можешь выходить учиться дважды в неделю? — спросила Катя. — По два часа. Мы заложили оплату в расписание. Только мне надо, чтобы Кирилл в эти часы не оставался один без того, чтобы ты знала, где он.

— По четвергам он у бабушки. По вторникам после школы у них кружок. Я договорюсь. Но мне бы ещё знать, что будет с моей работой, если новая пекарня откроется через месяц, а не через три недели.

— Дату я пока назвать не могу. Зато обещаю предупреждать заранее, а не накануне. Если временно придётся сокращать смены, обсудим, как оплачивать простой и что делать с отпуском. Точные варианты я узнаю у бухгалтера.

Люба кивнула. В отличие от многих разговоров последних дней, этот обошёлся без красивых фраз. Любе нужно было понять, как платить за квартиру.

Вечером Надежда Петровна ушла раньше: у Милы был концерт в музыкальной школе. Катя сама настояла, чтобы та не задерживалась, хотя подготовка следующего дня осталась незаконченной.

— Не делай из этого подвига, — сказала Надежда Петровна, снимая фартук. — Я тебя две недели прошу отпустить вовремя, ты наконец услышала.

— Не делаю. Просто желаю удачи Миле.

— Ей пожелай. А мне пожелай не вмешиваться, когда она на скрипке начнёт играть. Я каждый раз хочу подсказать, где пальцы переставить, хотя сама ни одного звука из этой штуки не извлеку.

Надежда Петровна ушла и впервые за несколько дней не оставила Катю с чувством, что та кого-то подвела. В цехе оставалось много работы, но теперь у них был записанный график, а не безымянная просьба «потерпеть до переезда».

В половине шестого пришёл Николай Матвеевич. Купил ржаной хлеб, достал из кармана смятый лист и развернул его на прилавке. На листе от руки был нарисован путь от сквера к новой набережной. Напротив двух перекрёстков стояли крестики.

— Вот здесь переход хороший, а дальше после дождя лужа, — сообщил он. — И скамейку у аптеки убрали. Может, вернут. Пока я туда один не пойду.

— Вы ходили проверять маршрут? — удивилась Катя.

— Соседка возила в больницу, я попросил на обратном пути остановиться. Много не прошёл. А если у вас там будет хлеб, мне нужно знать, как домой вернуться. Я за один километр сорок минут добираюсь. Молодым кажется смешно, а мне нет.

— Мне тоже не смешно.

Катя взглянула на лист: он был на обороте старого рецепта, который когда-то напечатали в газете. Внизу сохранилась строка «Домашний пирог с грушами» и адрес редакции.

— Это вы зачем храните? — спросила она.

Николай Матвеевич перевернул бумагу.

— Жена вырезала. Она никогда с грушами не пекла, говорила, слишком мокро выходит. Но рецепты собирала. Я теперь иногда на них счета записываю. Удобная бумага.

Катя осторожно разгладила лист ладонью, чтобы сфотографировать схему.

— Разрешите я оставлю себе копию? И спрошу у Полины Орловой, не знает ли она безопасный путь через площадь.

— Спросите. Только мне не надо путь для экскурсий. Мне надо, чтобы без подвигов.

Когда за Николаем Матвеевичем закрылась дверь, Катя вернулась к списку изделий и увидела, что в графе «постоянные покупатели» Люба написала фамилии людей, которые действительно приходят за хлебом почти каждый день. Не суммы покупок, а привычки. Тамара Степановна — четверг после поликлиники. Николай Матвеевич — ржаной и возможность присесть. Молодая мама с коляской — вход без высокого порога. Студенты из музыкальной школы — дешёвые несладкие булочки после занятий.

— Зачем ты это сделала? — спросила Катя.

— Ты попросила подумать, что переносим из старого места. Вот и думаю. Столы переносим не все. Печь не переносим. А этих людей нельзя положить в коробки, но они же всё равно наши покупатели.

Катя перечитала записи. На последней странице Люба дописала: «Если придёт новый продавец, пусть узнает, что Николая Матвеевича не надо торопить, пока он достаёт мелочь». Это была не стратегия и не расчёт выручки. Но для переезда, возможно, важнее новой расцветки вывески.

Домой Катя вернулась к семи. Варя сидела на кухне с наушниками и переписывала короткий текст для защиты проекта. Увидев мать, она сняла один наушник.

— Мне прислали видео с концерта Милы, — сказала Катя. — Наша пекарь ушла пораньше, чтобы попасть на выступление внучки.

— Ну и хорошо.

— Хорошо.

— Ты теперь рассказываешь мне про всех детей города, потому что пропустила мой концерт?

Катя задержалась возле холодильника.

— Нет. Я хотела рассказать, что Надежда Петровна наконец-то смогла уйти вовремя.

Варя вернула наушник. Потом снова сняла.

— Мне, если что, не нужно, чтобы ты всегда была вовремя. Мне нужно, чтобы ты не говорила заранее «точно буду», когда ещё не знаешь.

Катя хотела ответить, что именно этому сейчас учится. Но такие слова дочь слышала уже много раз. Она достала тарелки и спросила, будет ли Варя гречку с котлетой или лучше сделать омлет. Дочь выбрала омлет. На завтра у Кати был ещё один сложный разговор. Обычно такие она начинала готовить заранее — сегодня не стала.

Глава 20. Пять минут тишины

Андрей приехал на площадку у городской библиотеки к семи утра. В старом зале намечался концерт камерного ансамбля; районный отдел культуры арендовал две колонки и четыре микрофона, а в договоре почему-то написал «звуковое сопровождение торжественного мероприятия». Андрей пытался выяснить, кто будет выступать и что именно нужно подключать, но организатор отвечала каждый раз новым списком.

Зал выглядел так, будто его ремонтировали только со стороны сцены. За кулисами торчали провода от давно снятых светильников, у двери стоял ящик с новогодними гирляндами, а по центру прохода кто-то оставил школьный глобус. Андрей переставил глобус к стене и позвонил коллеге Никите.

— Ты сможешь на два дня взять монтаж в Калуге? — спросил он. — Я могу подготовить схему, список подключений, передать контакты. Там несложно, если артист не поменяет состав за сутки.

— То есть сложно, — ответил Никита. — Ты раньше сам туда ездил. Что случилось?

— У меня Соня на каникулах.

— Ты ж её раньше с собой иногда возил.

— На два часа на площадку — да. На три ночи в гостиницу и двенадцать часов за пультом — нет. Она не чемодан, который можно оставить у администратора.

Никита помолчал.

— Возьму. Но часть гонорара мне, естественно.

— Естественно.

— А ты что, решил сделаться примерным отцом?

— Нет. Просто хочу хотя бы знать, когда мы с ней ужинаем.

После разговора Андрей стоял возле пульта и смотрел на лист с рабочим графиком. Отказ от части заказа означал меньше денег. Он умел это считать, даже если цифры в его работе не складывались в красивую таблицу: техника требовала обслуживания, аренда склада не уменьшалась, а бывшей жене он обещал не перекладывать на неё непредвиденные расходы. Деньги были нужны и ему. Только сегодня он впервые вписал в расписание не дополнительные смены, а два вечера, на которые не станет принимать работу.

Соня пришла к библиотеке после десяти с бабушкой. У неё был маленький диктофон, купленный ещё зимой на день рождения. Она записывала им скрип трамвайных остановок, музыку из магазинов, шаги по разным лестницам. В Липовой Пристани трамваев не было, зато были решётки у пристани, деревянные настилы и звон металлической калитки у бабушкиного дома. Соня считала, что каждый из этих звуков нужно сохранить, «пока не поменяли».

— Пап, у меня записалось, как в парке птицы орут, — сказала она вместо приветствия. — Но там ещё мальчик ругается на велосипед. Это можно оставить?

— Оставить себе — можно. Выкладывать куда-то без его согласия не стоит.

— Я не собираюсь выкладывать. Я хочу сделать карту звуков.

Андрей посмотрел на диктофон.

— Карту города?

— Не всего. Где мы ходим. Вот тут у библиотеки эхо, потому что лестница. А на набережной другой шум. И у Кати в пекарне звук двери такой, как будто кто-то маленькую кастрюлю уронил.

— Это колокольчик, — улыбнулся Андрей.

— Я знаю. Я сравниваю.

Он хотел предложить вместе записать площадку вечером, но Соня уже открыла блокнот. В нём были квадратики с подписями: «река», «сквер», «бабушкин чайник», «папина машина». Последняя строка была пустой.

— А что тут будет? — спросил Андрей.

— Не решила. Может, тишина.

— Тишину трудно записывать.

— Это тебе трудно. У тебя всё время что-нибудь шумит.

Андрей рассмеялся и впервые подумал, что дочь, возможно, лучше него слышит город, в котором они сейчас пытаются обжиться.

К обеду Катя получила от электрика уточнённый расчёт. Список не был катастрофическим, но к подготовке помещения добавлял сумму, которую она собиралась оставить на резерв упаковки и первые закупки. Вслед за ним Оксана Олеговна прислала фотографии вскрытого участка пола: причиной сырости оказалась старая протечка от соединения водопровода. Собственница обещала устранить её и дать возможность проверить результат до подписания акта передачи. Катя записала плюс возле этого пункта и минус возле расходов на электрику. Неделя выглядела как счёт в игре, где победитель пока неизвестен.

После четырёх в дверь пекарни позвонил Андрей. Колокольчик, о котором рассказывала Соня, прозвучал громче обычного: мужчина вошёл резко, спасаясь от дождя. Он был промокший, с потемневшим воротником рубашки и чехлом от небольшого прибора под мышкой.

— Мы с Соней хотели взять хлеб, — сказал он. — Она у бабушки осталась, а я между двумя площадками. Ты не слишком занята?

— Если будешь сам выбирать и не требовать разрезать половину витрины, переживу.

Он купил ржаной, два капустных пирожка и яблочную булочку для дочери. Люба сложила покупки в пакет, а сама ушла в цех передать накладную. Катя осталась за стойкой.

— Что с новой кухней? — спросил Андрей.

— Ставить получится не всё, что я хотела. По электрике нужны работы, вентиляция ещё под вопросом. Либо сокращать первую очередь оборудования, либо искать дополнительные деньги. Пока склоняюсь к первому.

— А если взять человека на полставки, чтобы тебя разгрузить? — сказал Андрей. — Не обязательно опытного. Кого-нибудь на упаковку и раздачу. Ты же постоянно делаешь то, что могли бы делать другие, и не успеваешь заниматься переездом.

Катя подняла голову.

— Ты думаешь, я об этом не думала?

— Нет. Я просто…

— Люба у меня учится работать в цехе. Её время уже оплачивается. Надежде Петровне нельзя бесконечно оставаться сверх смены. Если я сейчас возьму ещё одного человека, это не «разгрузка», а новая постоянная сумма, которая будет нужна каждый месяц. И ещё кто-то должен его обучать. Пока непонятно, на какой кухне.

— Я не говорил, что это ничего не стоит.

— Ты сказал «возьми человека», точно я сама до этого не додумалась — слишком люблю стоять по двенадцать часов.

Андрей медленно положил пакет на прилавок.

— Катя, я не собирался объяснять тебе, как вести пекарню.

— А прозвучало именно так.

Она увидела, что он устал, промок и пришёл всего на пять минут. Но её саму всё утро раздражали цифры, телефон и отсутствие ясного ответа. Сердиться на человека, которому можно сказать неприятное и не потерять договор, было проще.

— Пожалуй, мне лучше идти, — сказал Андрей. — Соня ждёт.

— Наверное.

Он взял пакет и вышел. Дверной колокольчик качнулся ещё раз и замолк. Катя смотрела на опустевший проход между столиками. Ей было обидно и на него, и на себя. Хорошо было бы объяснить всё одной фразой про чужое вмешательство, но тогда пришлось бы забыть, что он действительно увидел проблему: она всё чаще не успевала выйти из цеха, чтобы заняться тем, что никто за неё не решит.

К шести позвонила Инна Юрьевна. Переговоры с «Берегом» снова упёрлись в сроки оплаты и объём заявок. Управляющая предложила компромисс: первый месяц — ограниченная номенклатура, фиксированные утренние дни и отдельные заявки на мероприятия; все изменения только по письменному согласованию, а не «по звонку, когда много гостей». Юристы отеля ещё должны были подтвердить формулировки. Катя поблагодарила и попросила прислать редакцию письменно.

— Вы так держитесь за сроки, точно боитесь что-то потерять, — заметила Инна Юрьевна.

— Боюсь не успеть выпечь то, что вы обещаете гостям.

— Это, поверьте, лучше, чем пообещать всё и не привезти ничего, — ответила управляющая. — Я в гостинице таких смельчаков уже видела.

После звонка Катя открыла расписание. На следующие вторник и четверг у Любы стояло по два часа обучения, на субботу — полная торговая смена. Если уменьшить число сортов хлеба и не принимать большие внеплановые заказы, время для новой кухни действительно появлялось. Возможно, Андрей был прав насчёт лишних рук — только говорил, не зная, как именно Катя уже пытается их найти.

На улице перестал дождь. Она набрала его номер. Андрей ответил не сразу.

— Привет.

— Я сегодня нагрубила, — сказала Катя. — Ты спросил по делу, а я ответила, словно ты требуешь отчёт.

— Я тоже полез с советом, который не успел даже обдумать. У меня такая привычка: если где-то много работы, думаю, что надо добавить руки. Со звуком обычно помогает. С маленькой пекарней, похоже, всё устроено иначе.

— Не совсем иначе. Я правда пытаюсь передать часть работы. Просто сейчас это медленнее, чем сделать самой. И денег на ошибку меньше.

— Понимаю.

— Нет, не до конца понимаешь. Ты не обязан. Я и сама не всё понимаю, когда заглядываю в твой график.

Он тихо рассмеялся.

— В моём графике я сегодня впервые отказался от половины выездного монтажа. Потерял деньги, зато смогу быть с Соней в выходные. Мы договорились записать городские звуки. Теперь она хочет, чтобы я ходил по улице молча.

— Тебе будет трудно.

— Я подозреваю, что это часть воспитательного замысла.

Катя облокотилась о стойку. Люба за стеной вполголоса напевала что-то, подбирая упаковку для утреннего заказа. По мокрой Советской прогрохотал грузовик.

— Слушай, — сказала Катя. — У тебя завтра вечером есть час? Не для нового знакомства детей и не для обсуждения моих сотрудников. Просто встретиться.

— У меня Соня. Но бабушка звала её на ночёвку в субботу. Я могу спросить, хочет ли она сама. Если нет — давай в другой день.

— Тогда в другой. Не устраивай ребёнку ночёвку из-за моего расписания.

— Хорошо. Я бы хотел тебя увидеть, но не настолько срочно, чтобы снова всем испортить вечер.

На следующий день он прислал фотографию блокнота Сони. На странице было написано: «Звуки, которые стоит помнить». Ниже — «деревянные ступени», «река под мостом», «тётя Люба говорит “здравствуйте”», «папа не отвечает по телефону, когда мы ужинаем».

Катя долго смотрела на последнюю строку. Потом написала короткое сообщение: «Хороший список. В субботу у нас тоже будет вечер без телефона» — и приложила снимок расписания: в субботу закрыть пекарню поручено Любе, а Катя должна уйти к семи.

Андрей ответил: «Тогда договоримся о пятнадцати минутах у реки, если оба успеем». И спустя минуту добавил: «Без детей, которых мы забыли спросить».

Катя улыбнулась. Пятнадцать минут были самым скромным свиданием за всю её жизнь. Оттого оно казалось вполне настоящим.

Глава 21. Не взрослеть за двоих

В субботу утром Варя попросила у матери старую дорожную сумку. Не чемодан на колёсах, с которым ездили на море, а мягкую синюю, лежавшую на верхней полке кладовки.

— Тебе зачем? — спросила Катя, снимая коробку с новогодними украшениями.

— Лёша хочет забрать макет из школы. Мы отвезём его в мастерскую при музее, там можно аккуратно хранить. В нашей коробке крыша мнётся.

— Почему в дорожной сумке?

— В большой коробке не пройдём через дверь автобуса. А сумку можно держать за ручки вдвоём.

Катя нашла сумку и протянула дочери. Варя проверила молнию, обнаружила внутри старый билет на теплоход и засмеялась.

— Это что? Мы на нём ездили?

Катя взяла билет. На нём сохранилась дата семилетней давности, когда Варе было шесть. Они с Сергеем брали прогулку по Оке на сорок минут; Варя испугалась гудка, спряталась за Катину ногу, а потом всю дорогу требовала объяснить, почему вода не заканчивается, если корабль по ней едет.

— Ездили. Ты тогда потребовала узнать, кто на реке отвечает за пробки.

— И кто?

— Понятия не имею. Я тебе сказала, что капитан.

— Значит, ты уже тогда отвечала на вопросы без проверки.

Катя хотела возмутиться, но Варя ловко ускользнула в комнату. Через минуту вернулась с телефоном.

— Папа написал. Он предлагает с четвёртого по восемнадцатое июля. Говорит, там Олеся будет в отпуске, а потом он сам свободен. Ты согласна?

Катя отложила билет.

— Я хочу сначала понять, как ты сама к этому относишься.

— Я у тебя спрашиваю, потому что ты одна будешь с переездом.

— Это моя работа, Варя. Не твоё дежурство.

— Я знаю, что работа твоя. Но если я уеду, ты опять будешь приходить домой ночью. И некому будет говорить, что ты обещала раньше.

Катя посмотрела на дочь — это была шутка, но развивать её Варя не стала.

— Мне не нужен домашний контролёр, — сказала Катя.

— Тебе он нужен. Только ты не хочешь признавать.

Варя забрала сумку и вышла, не хлопнув дверью. Катя осталась у кладовки с билетом в руках. Когда-то она объясняла маленькой девочке устройство речного движения. Сейчас тринадцатилетняя пыталась объяснить матери её собственную жизнь, и в этом было что-то не в порядке.

День на работе начался с мелочи: у кассового принтера закончилась бумага. Рулоны лежали в подсобке, но коробку поставили за разобранной стойкой. Люба добиралась до неё, вздыхая и двигая ящики, а первый покупатель терпеливо ждал чек.

— На новом месте у всего должно быть своё место, — сказала Катя, когда Люба принесла упаковку.

— На старом у всего тоже есть. Просто у некоторых вещей место — за другими вещами.

Покупатель хмыкнул. Это был знакомый высокий мужчина с бородой, Артём из великомастерской. В руках он держал бумажный пакет с запчастями.

— Я за хлебом и за советом, — сказал он. — Вы с новыми помещениями разобрались?

— Ещё нет. А какой совет нужен?

— У нас в июне дорожку от рынка перекрывают на ремонт, и половина клиентов поедет объездом. Думаю, на время вынести пункт приёма велосипедов к набережной, чтобы людям не пришлось пробираться через стройку. Но там и без меня все хотят стоять. Ваш риелтор не подыщет чего-нибудь маленького?

Катя дала ему номер Максима и сразу предупредила: специалист по производственным кухням редко бывает силён в прокате. Артём записал контакт, поблагодарил и, уже уходя, спросил:

— Вы сами-то хлеб не бросите?

— Не собираюсь.

— Тогда, если будете на набережной, поставьте мне табличку у новой двери. Я иногда людей туда по велосипедным маршрутам отправляю. Пусть хоть поедят после моих советов.

Он ушёл. На прилавке осталась короткая полоска чёрной изоленты, отлипшая от пакета. Люба попыталась снять её ногтем.

— Вот тебе и бесплатная реклама, — сказала она. — Он весь город на колёсах знает.

Кате вдруг захотелось оказаться не хозяйкой бизнеса, а человеком, который просто берёт хлеб, садится на велосипед и выбирает дорогу. Она отложила эту мысль, как откладывала многие другие. Но эту записала в телефон: «В июле один день без работы». Не как обещание — как вопрос, который стоит всерьёз обсудить.

В три часа она встретилась с Еленой Викторовной и Надеждой Петровной в маленьком кабинете над магазином канцелярских товаров. Бухгалтер предложила два сценария переезда: компактная линия, в которой выпекали бы только основную номенклатуру, и более дорогая, с возможностью сразу расширить объём. Надежда Петровна, разглядывая схему, показала пальцем на проход между столом и расстоечным шкафом.

— В первом варианте я там с противнем не пройду, если Люба будет у весов.

— Можно переставить весы, — сказала Катя.

— Можно. Только тогда упаковка окажется у двери — а оттуда дует с улицы. Ты хочешь хранить открытые изделия возле разгрузки?

Елена Викторовна поправила очки.

— Значит, первый вариант не готов. Второй нам пока не по деньгам. Задача — не выбрать красивую цифру, а найти третий вариант, который реально исполнять.

Катя хотела предложить снова взять деньги из резерва. Но вспомнила утренний разговор с Варей, её старую сумку и шутку о домашнем контролёре. Впервые она не открыла вкладку с личными накоплениями, чтобы закрыть неудобную строку.

— А если в первой очереди отказаться от дополнительного сладкого ассортимента и не ставить второй расстоечный шкаф? — спросила она. — Мы ведь уже сокращаем график.

Надежда Петровна помедлила.

— Можно посчитать. Только хватит ли одной партии к отельному завтраку и к утреннему хлебу одновременно? Надо будет разнести производство по времени. И нужна нормальная схема вывоза готового.

— Значит, считаем, — сказала Катя. — Не подписываем ничего до этого.

После встречи она поехала не к новому помещению, а домой. Варя должна была вернуться к шести, и Катя хотела успеть приготовить ужин. На рынке купила молодую картошку, помидоры, немного творога и укроп. Женщина за прилавком дала ей сдачу мокрыми купюрами: на навес попадал дождь. Катя машинально попросила отдельный пакет, потом поняла, что будет нести продукты всего пять минут, и сложила всё в одну сумку.

Варя вернулась в шесть пятнадцать. Поставила дорожную сумку у двери; внутри торчал край защитного картона.

— Макет отдали? — спросила Катя.

— Да. Вера Борисовна сказала, что мы можем прийти в среду и показать замечания, которые собрали. И ещё она просила не писать в школьной презентации «администрация одобрила»: они только взяли схему на рассмотрение.

— Разумно.

— Это я Лёше сказала. Он обиделся. Думает, я всё время порчу красивую историю.

Катя взглянула на дочь и впервые за день невольно улыбнулась. Варя унаследовала от неё не только глаза.

Они сели ужинать. Катя не доставала телефон. Варя ела медленно, выталкивая вилкой зелень из картошки, хотя обычно говорила, что укроп любит.

— Ты не ответила насчёт июля, — сказала она.

— Я хочу, чтобы ты съездила к папе, если сама хочешь. Твоё присутствие дома не должно определять, во сколько я закрываю пекарню. И не должно удерживать меня от плохих решений. Это моя ответственность.

— Легко сказать.

— Да. Поэтому я придумала кое-что практическое. У меня теперь есть график смен, в котором Люба отвечает за закрытие по субботам, а Надежда Петровна сама утверждает, когда остаётся после работы. Дополнительные заказы принимаем, только когда согласовали производство. И я поставила себе два вечера в неделю, в которые не назначаю встречи по переезду. Если случится настоящая авария, я тебе скажу. Но просто потому, что мне тревожно, я больше не стану сидеть до ночи у печи.

— Ты так уже говорила.

— Говорила. Но тогда у меня не было ни расписания на стене, ни человека, которому я передала закрытие. Я сама не верила, что могу уйти.

Варя опустила вилку.

— Я не хочу, чтобы ты перестала работать из-за меня. И чтобы из-за меня у тебя не было Андрея. Я даже не знаю, нравится он мне или нет. Он нормально говорит. Просто когда вы начинаете встречаться, все вокруг будто решают, что теперь у нас новая семья и надо побыстрее привыкнуть.

Катя не перебила. Варя смотрела не на мать, а на край скатерти, где осталось бледное пятно от гранатового сока. Катя помнила, как год назад пыталась вывести его всеми средствами подряд, а потом махнула рукой.

— С папой было так, — продолжила дочь. — Сначала он сказал, что будет жить отдельно. Потом у него появилась Олеся. Он спрашивал, нравится ли она мне. А я её почти не знала. Я сказала «нормально», и они почему-то решили, что мне удобно ночевать в другой квартире. Там всё хорошее, правда. Олеся не лезет. Но сначала мне было страшно даже открыть холодильник без спроса. А вы этого не видели.

Катя вспомнила, как Сергей тогда говорил, что Варя быстро привыкла. Сама она радовалась, что дочь не конфликтует с его новой семьёй. Никто не спросил, что именно означало это молчаливое «нормально».

— Я не знала про холодильник, — сказала она.

— Вот. А сейчас мне кажется, что у нас опять всё будет по правилам взрослых. Только на этот раз я ещё должна радоваться, потому что ты давно была одна.

Катя поставила стакан на стол.

— Тебе не нужно радоваться из благодарности ко мне. Я не буду просить тебя оценивать Андрея, выбирать между мной и папой или дружить с Соней. И я не собираюсь приглашать их жить с нами. Вообще-то таких планов у меня нет.

— А потом?

— Потом, если что-то изменится, я сначала поговорю с тобой. Тебе не придётся одобрять все мои взрослые решения. Но свою жизнь ты имеешь право обсуждать.

Варя наконец подняла глаза.

— А если я скажу, что не хочу?

— Тогда буду слушать, почему. Не обещаю всегда соглашаться. Обещаю не считать твоё «не хочу» капризом только потому, что оно мешает моим планам.

Они помолчали. Из открытого окна доносился звук детского велосипеда: кто-то долго пытался съехать с высокого бордюра, колесо ударялось о край, затем всё повторялось. С соседнего балкона женщина крикнула, чтобы мальчик не разбил себе голову.

— Я к папе хочу, — сказала Варя. — На две недели. Но пятого июля у нас встреча по остановке, если её назначат. Я не хочу пропустить.

— Тогда давай предложим ему другие даты или договоримся, как ты сможешь приехать на встречу. Только сначала выясним, состоится ли она. У него тоже есть расписание, и его надо учитывать.

— Хорошо. Можно я ему сама напишу?

— Конечно. Если вам понадобится согласовать поездку, подключусь.

Варя посмотрела на телефон, лежавший экраном вниз возле солонки, но брать его не стала. Вместо этого попросила ещё картошки.

После ужина Катя мыла тарелки, а дочь вытирала их и ставила в шкаф. Не потому, что они решили торжественно начать новую семейную жизнь, а потому, что посудомоечной машины у них не было. Варя уронила ложку, та звякнула о край раковины, и обе одновременно сказали: «Аккуратнее». Прозвучало так одинаково, что дочь рассмеялась первой.

Когда Катя отправилась за хлебом к шкафу, Варя вдруг сказала:

— Если будешь встречаться с Андреем, можешь мне не рассказывать, как вы хорошо посидели. Я не хочу потом чувствовать, что обязана задавать вопросы.

— Хорошо, — ответила Катя. — Но и врать, куда я иду, не буду.

— Это нормально.

Позднее Андрей написал, что готов встретиться у реки, если Катя ещё свободна. Она посмотрела на часы. До девяти оставалось сорок минут. Варя устроилась за столом и позвонила отцу, чтобы самой спросить о июльских датах. Катя показала дочери сообщение, не заглядывая в её телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.